

К 200-летию

Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 24

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кузнецов Василий Александрович
Алаев Леонид Борисович	Любимов Юрий Васильевич
Александров Юрий Георгиевич	Мамедова Нина Михайловна
Алпатов Владимир Михайлович	Микульский Дмитрий Валентинович
Белова Анна Григорьевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Настич Владимир Нилович
Ванина Евгения Юрьевна	Орлова Кеемя Владимировна
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Панарин Сергей Алексеевич
Воронцов Александр Валентинович	Плотников Николай Дмитриевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Пригарина Наталья Ильинична
Другов Алексей Юрьевич	Сарабьев Алексей Викторович
Захаров Антон Олегович	Смагина Евгения Борисовна
Звягельская Ирина Доновна	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шаляпина Зоя Михайловна
Катасонова Елена Леонидовна	Шаумян Татьяна Львовна
Кобзев Артем Игоревич	

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 24

**ИНДИЯ: ИСТОРИЯ И
ИСТОРИОГРАФИЯ**

Москва
2019

Ответственный редактор выпуска:

Т. Н. Загородникова

Т 78 **Труды** Института востоковедения РАН. Вып. 24. Индия: история и историография / Отв. ред. выпуска Т. Н. Загородникова. – М.: ИВ РАН, 2019. – 236 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-893-2

Настоящий выпуск Трудов ИВ РАН подготовлен по материалам конференции Центра индийских исследований «Российская индология и индийская современность» в рамках исследовательского проекта «Индия: перспективы современного развития» и посвящен 200-летию Института востоковедения РАН. Эта дата дала повод обратиться к историографии, вспомнить ушедших индологов. Сборник открывают воспоминания В.П. Кашина о первой книге по истории Индии в его жизни. Статьи сборника можно разделить на две части: проблемы историографии Индии и портреты индологов. Сборник завершают статьи о былом сотрудничестве между индологами и высказывается надежда на его возрождение, а также размышления об изучении Индии в России в прошлом и настоящем.

ISBN 978-5-89282-893-2

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	8
<i>Кашин В. П.</i> «История Индии» 1979 как зеркало отечественной индологии.....	10
ПРОБЛЕМЫ	
<i>Алаев Л. Б.</i> Загадка системы <i>джаджмани</i> в марксистской историографии.....	20
<i>Белокреницкий В. Я.</i> Советские индологи первого послевоенного поколения об аграрных проблемах северо-западного региона колониальной Индии.....	48
<i>Черешнева Л. А.</i> Коммунистическая партия Индии и Корейская война.....	62
<i>Юрлов Ф. Н.</i> Конституция – правовая, политическая и социальная основа современной Индии. От теории к практике	77
<i>Стрелкова Г. В.</i> Изучение современной индийской литературы в СССР и России: прошлое и настоящее.....	95
<i>Иванов А. В.</i> Андаманские острова. История колонизации и взаимоотношение этнических групп.....	113
<i>Юрлова Е. С.</i> Мой опыт изучения положения далитов.....	133
ПЕРСОНАЛИИ	
<i>Карташова Т. В.</i> Дж.К. Михайлов и его роль в становлении музыкальной индологии.....	154
<i>Худоназаров Д. Н.</i> Востоковед-индолог А. М. Дьяков – первый нарком здравоохранения и один из основателей Таджикской республики.....	169
<i>Титов В. П.</i> Валерий Федорович Агеев и его труды по истории Синда.....	195
<i>Халмирзаев Т.</i> Место Московской школы востоковедения в подготовке индологических кадров Узбекистана.....	214
<i>Ванина Е. Ю.</i> Вместо заключения: индология и современность (размышления на примере изучения в России истории Индии – и не только).....	224

ВВЕДЕНИЕ

В 2018 г. отечественное востоковедение отмечало свое 200-летие, поэтому ежегодная майская конференция Центра индийских исследований Института востоковедения РАН в рамках исследовательского проекта «Индия: перспективы современного развития» была посвящена этому юбилею. Конференция носила название «Российская индология и индийская современность», поскольку эта дата дала нам повод оглянуться назад, обратиться к историографии, вспомнить ушедших индологов. Этот выпуск серии Трудов Института востоковедения РАН подготовлен по материалам данной конференции.

Структуру сборника подсказало содержание статей: он открывается романтическими воспоминаниями В. П. Кашина о первой книге по истории Индии в его жизни, которая определила его дальнейшую судьбу, а потом все статьи разделились на две составляющие – проблемы историографии Индии и портреты индологов. В первой части разнообразие тем, от изучения общины и аграрных отношений до изучения современных литератур Индии и истории Андаманских островов, демонстрирует разносторонность индологии, вторая часть содержит портреты основателей советской индологии: от А. М. Дьякова до исследователя Синда из Калуги В. Ф. Агеева. Если историография таит в себе неисчислимое количество тем, то после выхода в свет нескольких биобиографических сборников¹ о востоковедах появление новых жизнеописаний индологов стоит отметить особо. Сборник завершают статьи о былом сотрудничестве между индологами Москвы и Ташкента и высказывается надежда на его возрождение, а также размышления об изучении в России истории Индии в прошлом и настоящем.

¹ См. Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов. М.: Наука, 1988; О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60 – 80-х годов. М.: Наука, 1994 и др.

Интересна география участников конференции, приславших статьи – это Москва (сотрудники Института востоковедения РАН, Института стран Азии и Африки при МГУ, Учебно-Научного центра Социальной Антропологии Российского государственного гуманитарного университета и независимые исследователи), Липецк (Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского), Саратов (Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова), Ташкент (Ташкентский государственный институт востоковедения).

Сборник может быть интересен студентам, аспирантам, преподавателям, ученым, журналистам – всем, кто интересуется историей изучения Индии и людьми, которые ее изучали.

В. П. Кашин*

«ИСТОРИЯ ИНДИИ» 1979 КАК ЗЕРКАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНДОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам написания и второго издания «Истории Индии» 1979 г. ведущих историков-индологов К. А. Антоновой, Г. М. Бонгард-Левина и Г. Г. Котовского. Долгое время монография оставалась зеркалом отечественной индологической мысли и во многом определила судьбу автора статьи. Наибольшее число критических замечаний собрал раздел новейшей истории Котовского. Освободительная борьба в ограниченных рамках, «передача власти» и муки доминиона, народная война в Теленгане, республика с проблемной экономикой и политизированная современность в духе идейно-политического сближения Индии и СССР – таковы установки господствовавшей идеологии, отразившиеся в монографии. После возвращения к власти в 1980 г. Индиры Ганди, обвиненной «Историей Индии» 1979 в авторитарном правлении, нереализованный в СССР тираж книги был изъят и уничтожен.

Ключевые слова: «История Индии» 1979, Институт востоковедения, Г. Г. Котовский, К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Индира Ганди.

V. P. Kashin**

“THE HISTORY OF INDIA” 1979 AS THE MIRROR OF THE RUSSIAN INDOLOGY

Summary. The following article is dedicated to the little known landmarks of the writing process and the second edition of “The History of India” by the leading historians and indologists K. A. Antonova, G. M. Bongard-Levin and

* Кашин Валерий Петрович – ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, indology@mail.ru

** Valery P. Kashin – leading research scholar, Ph.D. (History), Institute of Oriental Studies RAS, indology@mail.ru

G. G. Kotovsky in 1979. The monograph used to be the mirror of the Russian Indology for a long time. It also dictated the author's fate in many ways. The part on the modern history written by Kotovsky was mostly criticized. The book accentuated the 'limited' struggle for freedom, 'transfer of power' and the Dominion's difficulties, people's war in Telengana, economy with many problems, as well as too much of politics about India-the USSR beginning to understand each other's point of view. This was the mainstream of the Soviet ideology. Soon after Indira Gandhi, who was accused of authority rule by "The History of India" 1979, came back to power in 1980; the unsold copies of the book in the USSR were withdrawn and destroyed.

Key words: *"The History of India" 1979, Institute of Oriental Studies, G. G. otovsky, K. A. Antonova, G. M. Bongard-Levin, Indira Gandhi.*

Институт востоковедения (ИВ) – один из ведущих и старейших институтов гуманитарного профиля Российской Академии наук (РАН), датой основания которого является 1818 г. На протяжении двух столетий его славу ковали многие поколения отечественных ученых-востоковедов, чьи труды получили заслуженное признание не только в России, но и далеко за ее пределами. В настоящее время коллектив Института на Рождественке 12 объединяет 350 научных сотрудников. Путь в отечественное востоковедение у каждого исследователя свой, но первые шаги в науку он обычно делал в стенах Института стран Азии и Африки (ИСАА) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Однако нет правила без исключения. Одному из таких случаев и посвящен мой рассказ. В основе его лежат подлинные события сорокалетней давности.

Антонова Кока Александровна, Бонгард-Левин Григорий Максимович, Котовский Григорий Григорьевич. «История Индии». Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, «Мысль». 1979. 608 страниц, 22 тыс. экземпляров. 2 р. 90 к. в переплете¹. Коллективная монография могучего триумвирата востоковедов-индологов. Зеркало отечественной индологической мысли. Настольная книга-бестселлер, определившая мою собственную судьбу.

¹ Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М.: Мысль. Издание второе, 1979.

Давно это было, а кажется, будто вчера или позавчера.

В центре Уфы, столицы Республики Башкортостан, на углу улиц Ленина и Коммунистической стоит двухэтажный кирпичный дом дореволюционной постройки. Напротив – Главпочтамт, справа – ресторан «Уфа» («Деньги есть – Уфа гуляем. Денег нет – Чишма² сидим»), дальше – Башсоюз³, знаменитый башкирским медом в презентационных жестяных банках с изображением Монуumenta дружбы, а прямо по Коммунистической – липовая аллея и мраморный Ленин. Здесь уфимских ребятишек принимали в пионеры, и они, гордые, с энтузиазмом повторяли слова с обложки школьной тетрадки: «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю горячо любить свою...»

Майским вечером олимпийского 1980 года мой путь проходил мимо этого памятного дома. Выпускник исторического факультета Башкирского госуниверситета, я без особых амбиций преподавал курс новой и новейшей истории стран Востока в Башкирском пединституте. Контуры Лахорских ворот Красного форта в Дели, тропиканские пущи Карнатаки и флибустьерские пейзажи Малабарского побережья Индостана не снились, не грезились мне ни при каких обстоятельствах, как и каштаны у ИВАНА – Института востоковедения Академии Наук. Несколько часов назад я на спор посетил морг Башкирского мединститута и теперь спешил к памятнику Салавату Юлаеву отмечать выигранное пари.

Национальный герой в камне с нагайкой на коне, новенький парк Ватан и блистательный Конгресс-холл, где в июле 2015 г. пройдут саммиты БРИКС – ШОС с участием премьер-министра Индии Нарендры Моди, – красивейшее место России. Утес, вздыбившейся над зеркалом реки Белой (Агидели). Изумрудные дали от Цыганской поляны до Чесноковской горы. Гранитный парапет над обрывом. Каскады фонтанов, японский сад, молодые сосны создают атмосферу прозрачности, невесомости, полета.

² Чишма – районный центр недалеко от Уфы, а также трактир с таким же названием на окраине города.

³ Башсоюз – головная организация республиканской кооперации.

«Шею свернешь. Детей покалечишь. С ума сойду в твоей Уфе!» – это голос жены возвращает в бытие с отрогов Седого Урала.

А тогда, тогда – в 1980-м – ни фонтанов, ни дворца, ни сосен, а только неструганная доска над глубокой расщелиной. Подружкины локоны щекочут щеку. Наши сердца замирают на высоте и бешено колотятся, когда ноги обретают желанную твердь. И какие тут могут быть тайны. К чему они?

Вдруг позади что-то щелкнуло, и череда фантазий-воспоминаний оборвалась. «Рельсы упрямо, дерзко и прямо, в зной и пургу. Веселей, ребята. Выпало нам строить путь железный, а короче БАМ», – ударило в спину. Это в том самом доме открылся магазин «Пропагандист». Я недолго колебался, переступил порог и оказался в чудесной стране. На стеллажах теснились синие и коричневые, полные и избранные собсочи, серые «Истории КПСС» академика Б. Н. Пономарева, алые «Ленинским курсом» Дорогого Леонида Ильича и бирюзовая красавица «История Индии», неповторимая, единственная. Но я опоздал, проиграл считанные сантиметры ревностной поклоннице Болливуда.

Уфа по-своему нежна и романтична в мае. Яблони, сливы, вишни, как невесты в белых платьях, водят хороводы над рекой, в парках, в скверах, а вокруг упоительно гудят-звенят пчелы, шмели, обещая море любви, океаны счастья... Короче, книга досталась все-таки мне. Полистав ее у кассы, я, как по мановению волшебной палочки, ясно представил, чем буду заниматься в дальнейшем. И через полтора года, в ноябре 1981-го, я скромно притулился на откидном стуле у стенки под окном в Зале ученых советов ИВАНа на первой в своей жизни индологической конференции, а в кармане у меня грело душу аспирантское удостоверение Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина лилового цвета.

Двигателем проекта «История Индии в кратком изложении» был Г. М. Бонгард-Левин (1933–2008), профессор МГУ, академик РАН с 1991 г., член Академии наук Франции, маститый историк индологической специализации. Именно к нему обратилось издательство «Мысль» с конкретным предложением.

Он же по собственному усмотрению подбирал авторский коллектив.

В основу однотомной истории Индии положен известный академический четырехтомный труд – «Новейшая история Индии» М., 1959, «Новая история Индии» М., 1961, «История Индии в средние века» М., 1968 и «Древняя Индия. Исторический очерк» М., 1969. Среди его авторов есть и авторы однотомника.

Первое издание книги 1973 г. носит название «История Индии. Краткий очерк». Ее обложка зеленого цвета. Она имеет иллюстративный ряд из 54 фотографий⁴. Монография была благожелательно принята в СССР и за рубежом, о чем, в частности, свидетельствуют ее переводы на английский, французский и на ряд языков стран Восточной Европы. Как первое издание 1973 г., так и второе 1979 г. не проходили предварительного обсуждения. Они считались внеплановыми работами авторов. «Во втором издании учтены замечания и пожелания рецензентов, а также использованы результаты новейших исследований»⁵, – констатируется в предисловии.

Г. М. Бонгард-Левин – автор раздела «Индия в древности». Он продуман, хорошо структурирован и призван отражать любые атаки и нарекания в адрес авторского коллектива. Проблемные главы тщательно приглажены и отутюжены. Нет даже даты индийского похода Александра Македонского (327–325 гг. до н. э.) и его битвы с царем Пором на левом берегу Гидаспа. В отличие от первого второе издание имеет подраздел «Изучение древней Индии» и в нем отсутствует кавказский след индоариев. Во втором издании из земельного фонда в магадхско-маурийскую эпоху были исключены государственные земли, а из предметов индийского экспорта кушано-гуптского периода изъяты золото и медь, но остались изделия из слоновой кости, драгоценные камни, раковины, мускус и рабыни, обученные музыке и танцам⁶.

⁴ Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. Краткий очерк. М.: Мысль, 1973.

⁵ Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. Издание второе. М.: Мысль, 1979. С. 6.

⁶ Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М.: Мысль. Издание второе, 1979. С. 82, 128.

К. А. Антонова (1910–2007) – автор истории Индии в средние века и новое время по сипайское восстание. Она родилась в семье профессиональных революционеров. Ее мать была секретарем сподвижника Ленина Г. Е. Зиновьева. Накануне Великой Отечественной войны К. А. Антонова сотрудничала с членами комиссии, которая по воле Сталина 19 или 21 июня 1941 г. вскрывала саркофаг Тамерлана в Самарканде. В 1950 г. она становится доктором исторических наук и сотрудницей ИВАН. Ее характеристика феодализма, земельной собственности и капитализации Индии дала толчок целому ряду научных дискуссий. Преданность своим «полемичным суждениям» К. А. Антонова сохранила в полной мере и в этой монографии. История Делийского султаната и Могольской империи, претензии маратхов на господство, английское завоевание Индии, политика колониальных властей и сипайское восстание подаются самобытным, сочным и образным языком, до которого лично мне как до мирового рекорда – не добежать, не допрыгнуть.

А то, что узбеки пришли из Сибири, Бабур правил Индией три года вместо пяти, Хумаюн растворился в истории, а не разбился на лестнице, и Аурангзеб был «фанатичным приверженцем ислама» и потому преследовал мусульман-шиитов⁷, воспринимается скорее, как минусы редакторской правки. Во втором издании автор несколько расширил подраздел, посвященный реформам Акбара и обогатил его вставкой о влиянии на знаменитого падишаха воззрений Абу'л Фазла и суфизма.

И наконец, самый «уязвимый» раздел истории Индии, тот, что на «линии огня», взял на себя Г. Г. Котовский (1923–2001). Он – сын героя Гражданской войны. В годы Великой Отечественной командовал зенитным взводом в Севастополе, был ранен и попал в плен. При этом он спрятал свои документы и находился в немецких лагерях для военнопленных под именем Алексея Маркеловича Ассовского. Его освободили партизаны из лагеря на севере Норвегии. Незадолго до этого Котовский записался в армию генерала Власова. По его словам, он сделал это, так как входил в подпольную организацию, которую немцы мог-

⁷ Там же. С. 211, 212, 235.

ли раскрыть, и тогда его участь была бы решена. Затем он оказался в советском проверочно-фильтрационном лагере, но его мать, вдова легендарного комкора, смогла добиться его реабилитации. После окончания МГУ в 1949 г. Котовский женился на дочери И. И. Лапшова, заведующего секретариатом В. М. Молотова. В 1952 г. он защитил кандидатскую диссертацию и с 1953 г. работал в ИВАНе, в 1970–1987 гг. возглавлял Отдел Индии и Южной Азии⁸. Основной темой его трудов являлись аграрные отношения в современной Индии и аграрные реформы. По этой теме он подготовил к обсуждению докторскую диссертацию, но защищать ее не стал.

Империализм, непонятно когда занесенный на Индостан, массовая освободительная борьба в ограниченных рамках, «передача власти» и муки доминиона, народная война в Теленгане, расстрелянная центральным правительством, нищая республика с проблемной экономикой и политизированная современность в духе идейно-политического сближения Индии и СССР; а также олицетворявшая Индию Индира Ганди, деятельность которой была направлена на борьбу с теми, кто не разделял ее социалистических ориентиров: национализация крупных банков, укрепление государственного сектора экономики, преодоление бедности, дружба с Советским Союзом и т. п. – таковы установки господствовавшей идеологии, отразившиеся, как в зеркале, в этом разделе монографии. Плюс монополия правящего Индийского национального конгресса (ИНК) на власть и новейшую историю Индии, которую советские авторы имели право нарушать только в пользу одной небольшой партии с преувеличенным в разы политическим влиянием – Коммунистической партии Индии (КПИ). В конце 1980-х гг. я готовил по заданию редакции популярной газеты «Аргументы и факты» материал о КПИ и насчитал в Индии два десятка коммунистических партий и одноименных коммунистических групп, причем больше всего таких партий оказалось в штате Западная Бенгалия⁹.

⁸ Алаев Л. Б. Историография истории Индии. М.: Ленанд. Издание второе. 2018. С. 205; Кашин В. П. Котовский Григорий Григорьевич. Большая Российская Энциклопедия. М., 2010. Т. 15, с. 513.

⁹ Кашин В. П. Ответ на вопрос // Аргументы и факты. 1990. № 28, с. 8.

Кстати, из-за «нашей» Индиры «История Индии» 1979 подверглась остракизму. Дело в том, что после поражения Индиры Ганди и ее партии на выборах в 1977 г. и визита лидера Джаната парти, премьер-министра Индии Морарджи Десаи в Москву, в исправленном и дополненном издании краткой истории Индии появились следующие оценки: «По мнению демократической оппозиции, внутри правительства и в руководстве правящей партии усилились авторитарные тенденции. Была предпринята попытка осуществить переход Индии к форме президентского правления». И далее: «Постепенно в течение 1975–1976 гг. в структуре власти образовался “экстраконституционный центр” (так он был назван в стране впоследствии) во главе с министром обороны Банси Лалом и сыном премьер-министра Санджаем Ганди. Последний, не будучи ни членом правительства, ни членом руководства Конгресса, подчинил себе деятельность молодежной организации правящей партии. Всеобщее недовольство вызвала кампания по принудительной стерилизации, жертвами которой стали около 10 млн человек, в основном мелкие служащие, городская и сельская беднота, прежде всего из мусульман и “неприкасаемых”»¹⁰.

Между тем, в 1980 г. Индира Ганди снова вернулась к власти не без финансовой поддержки советского посольства в Нью-Дели. После этого весь нереализованный тираж «Истории Индии» 1979 изъяли из продажи и уничтожили.

Г. Г. Котовский был большим эрудитом и ученым-энциклопедистом. Он был лучшим знатоком библиотечных фондов и лучше других знал научную жизнь Индии, посетил эту страну 78 раз. Его доклады и выступления неизменно пользовались успехом. Однако то, как и что он говорил, и то, как и что он писал, почему-то разительно различалось. Полагаю, что именно поэтому его раздел «Истории Индии» подвергся фронтальной критике. Известный специалист позднесредневековой Индии и современных политических процессов А. И. Чичеров (1932–1999) рассказывал мне, что только у него было порядка 40 существенных замечаний к тексту Котовского.

¹⁰ Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М.: Мысль. Издание второе. 1979. С. 596–597.

В ходе работы над коллективной монографией Г. Г. Котовский все время отставал от коллег-соавторов, те обижались и подгоняли его. Он очень увлекался общественной деятельностью. Он был вице-президентом Общества советско-индийской дружбы, сопредседателем Советско-индийской комиссии по сотрудничеству, членом Исполкома Всемирной федерации научных работников, членом Международной ассоциации экономической истории и Комитета афро-азиатской солидарности. Подобная разбросанность интересов «помешала ему внести вклад в науку, соответствующий его знаниям и способностям», справедливо подчеркивает патриарх отечественной индологии Л. Б. Алаев (р. 1932)¹¹. Видимо, Котовский просто не имел достаточно времени для усидчивого исследовательского труда.

А еще в «Истории Индии» 1979 г. 27 постраничных сносок: 13 на К. Маркса и Ф. Энгельса, 7 – на В. И. Ленина, 2 – на Л. И. Брежнева, 1 – на Материалы XXV съезда КПСС, 1 – на «Теорию познания и логику по учению позднейших буддистов» Ф. И. Щербатского, Ч. II. СПб., 1909 и 3 – на газету «Правда», причем все три на одной, последней странице книги. В монографии нет списка источников и использованной литературы и принятых указателей – имен, географических названий и пр.

После создания в сентябре 1987 г. Центра индийских исследований (ЦИИ) ИВАН я трижды встречался с его руководителем А. А. Куценковым (р. 1929). Брать меня в штат он категорически отказался. В общем и целом, никаких здесь перспектив не вырисовывалось. И в этот момент Котовский задумал третье издание краткой истории Индии. Ему нужен был ассистент. Мы решили начать с левого крыла в ИНК. На мои робкие сомнения в существовании такого крыла, автономности Конгресс-социалистической партии, размытости левых воззрений Субхаса Чандра Боса и отсутствии у Джавахарлала Неру собственной модели социализма – Котовский сказал: «Пишите. Посмотрим».

А тут у ведущего историка-индолога Т. Ф. Девяткиной (1918–2003) обострилась астма. Она была вынуждена уйти на пенсию. И Котовский уговорил-таки руководителя ЦИИ взять

¹¹ Алаев Л.Б. Указ. соч. С. 206.

на ее место меня. Так в ноябре 1990 г. я начал профессиональную научную деятельность в должности младшего научного сотрудника.

Все было чудесно, но грянул вселенский политический катаклизм – великий, могучий Советский Союз раз-ва-ли-ли. Однотомная «История Индии» сама собой отошла на второй план. А после октября 1993 г. Григорий Григорьевич и вовсе отказался от ее реконструкции.

Давно это было, а кажется, будто вчера или позавчера.

«Боже! Какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда».

ПРОБЛЕМЫ

Л. Б. Алаев*

ЗАГАДКА СИСТЕМЫ ДЖАДЖМАНИ В МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Система содержания ряда ремесленников и слуг индийскими сельскими общинами, получившая в социологической литературе наименование джаджмани, рассматривалась как следствие неполного отделения ремесла от земледелия, обеспечивавшего экономическую замкнутость общины. Автор доказывает, что набор общинных служащих был продиктован кастовыми правилами ритуального осквернения и не имел целью достижение самообеспеченности общины.

Ключевые слова: община, касты, джаджмани, обряды, ритуальное осквернение.

L. B. Alayev**

A MYSTERY OF THE JAJMANI SYSTEM IN THE MARXIST HISTORIOGRAPHY

Summary. The System of maintenance of several artisans and menials in Indian rural communities, in sociological literature bearing the denomination of jajmani, was understood as a sign of incomplete division of handicraft from agriculture, a method of securing of economic self-sufficiency. The author argues that the usual set of village professionals was dictated by casts'

* Алаев Леонид Борисович – главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, alaeв_leonid@mail.ru

** Leonid B. Alayev – chief research scholar, D.Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS, alaeв_leonid@mail.ru

rules of ritual cleanness/dirtiness without intention to maintain economic seclusion.

Key words: *rural community, caste, jajmani, customs, ritual cleanness/dirtiness.*

Индийская община прославилась в мировом масштабе благодаря свойственному ей институту нетоварного обмена продуктами и услугами между членами различных земледельческих, ремесленных и служебных каст, получившему в социологической литературе наименование системы *джаджмани*. Она может носить разные названия, но в основных чертах она едина и распространена по всем основным регионам Индии.

Британцы в начале XIX в. открыли индийскую общину сначала только потому, что в ряде регионов именно коллектив собственников, а не отдельный домохозяин, платил поземельный налог. Стали вникать в сельскую жизнь чуть более внимательно – и обнаружили упомянутую выше систему натурального обмена.

Тут сразу начало работать воображение, стали возникать модели первобытных общин; европейцы, к тому времени уже утомленные взрывом индивидуализма и частной собственности в их родных странах, стали искать идеала в первобытности. Среди функционеров Ост-Индской компании образовалась группа общинофилов во главе с Чарльзом Меткафом, дослужившемся до должности и.о. генерал-губернатора в 1835–36 гг. Эти романтики (их звали и *ориенталисты*, пока не появился и не очернил это звание Э. Саид) в системе *джаджмани* усмотрели проявление изначальной общинности, взаимопомощи, коллективизма и выражали желание сохранить эти прекрасные качества в индийском сельском населении. Правда, они ничего не сделали для этого сохранения.

Маркс узнал об особенностях строения индийской общины из книг Марка Уилкса (1810) и Джорджа Кэмпбелла (1852). Трижды в своих работах (в статье «Британское владычество в Индии» 1853 г., в письме Энгельсу от 14.06.1853 и в «Капитале») он цитирует текст, который еще до него ходил из отчета в отчет и затем из книги в книгу как своего рода мантра, представляющая систему *джаджмани* как образец сбалансированного общества.

Маркс бывает в своих работах шире своей теории. У него можно найти цитаты, противоречащие его жесткой схеме формаций, но они тонут в обобщающих построениях. Приводя идиллическое описание индийской общины с взаимообслуживанием ее членов, он добавляет: «Мы не должны забывать, что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства»¹. Однако это свое замечание он же сам и забывает, когда рассматривает индийскую сельскую общину как наиболее первобытный из сохранившихся институтов.

В то время (начало XIX в.) были модны разнообразные схемы эволюции человечества. В частности, была принята концепция **трех этапов общественного разделения труда**. В марксистской историографии она утвердилась после трудов Энгельса, и до сих пор на нее опираются некоторые постсоветские ученые, правда, пытаясь ее при этом скорректировать, чтобы она была более приемлемой.

Концепция состояла в том, что

- сначала скотоводство отделяется от земледелия;
- на втором этапе – ремесло от земледелия;
- на третьем этапе – торговля от производственных отраслей².

Применяя эту схему к Индии, получали вывод, что индийская экономика не преодолела даже второй этап, поскольку в ней ремесло не полностью отделилось от земледелия, оставшись в пределах общины³. Такое понимание и позволило Марксу:

- записать индийскую общину в наиболее примитивный тип,
- назвать ее *восточной*, т.е. сделать ее представительницей

всех азиатских соседских общин, и

– отнести всю Азию к первичному, так называемому *азиатскому способу производства*.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9, с. 136. См. также т. 28, с. 229.

² Там же. Т. 21, с. 160–165.

³ Даже в последней монографии М. К. Кудрявцева, который первым понял значение кастовой системы в оформлении соседской общины, система джаджмани связывается со «вторым крупным общественным разделением труда» (Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. М.: Вост. лит., 1995. С. 50–51). А. П. Колонтаев, много сделавший для подрыва концепции трех этапов разделения труда, все равно в работе 1995 г. исходит из того, что в Индии ремесло не полностью отделилось от земледелия (Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Вост. лит., 1996. С. 144).

Надо уточнить, что Маркс:

– употребляет выражение *азиатский способ производства* лишь один раз – в 1858/59 г., а в других случаях называет первобытное общество иначе⁴;

– концепцию трех этапов/типов общины (*восточная–античная–германская*), намеченную в рукописи 1858 г. («Формы, предшествующие капиталистическому производству»), он в дальнейшем не развил;

– и эту концепцию к 1868 г. он **забыл**, поскольку называет свое прежнее (десятилетней давности) понимание германской общины «*идиотским воззрением вестфальских юнкеров*»⁵. А без специфической германской общины вся схема трех типов-этапов становилась ненужной.

Однако все это не мешает современным отечественным теоретикам использовать рукопись Маркса 1858 г. для историософских построений, не имеющих опоры в фактах.

В российской дореволюционной индологии интерес к строению индийской сельской общины проявил, кажется, только И. П. Минаев. В своей брошюре «Старая Индия», написанной в качестве комментария к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина⁶, он описывает систему взаимоуслуг в маратхской общине, опираясь все на тот же текст из британского отчета, который использовал в свое время Маркс и другие авторы, а также на книги Грант-Даффа, М. Элфинстоуна и нескольких других.

М. М. Ковалевский проблемам индийской общины посвятил одну главу в своем сочинении «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879), однако его интересовали только вопросы землевладения. Института натурального обмена в общине он не заметил.

Это вообще очень примечательная, странная черта тогдашнего общиноведения (Г. С. Мэн и др.): считая индийскую общину наиболее первобытной формой именно на основе «сохранив-

⁴ Отождествление «азиатского общества» с первобытным наиболее ясно выражено в Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, II, с. 367, 399; Т. 26, III, с. 439.

⁵ Там же, Т. 32, с. 36.

⁶ Минаев И. П. Старая Индия: Заметки на «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. СПб., 1881; М.: Либроком, 2009.

шегося» в ней «соединения ремесла с земледелием», они именно это *соединение* не стремились изучать, а все внимание уделяли **землевладению**, хотя в этой сфере индийская община не отличалась от всех других.

В отличие от них Маркс придал этой системе основополагающее значение. Именно она позволила ему отнести индийскую общину к «*первобытному коммунизму*», однако он упустил из вида ряд ее особенностей, которые говорят совсем о другом.

Маркс и марксисты исходили из представления, что изначальным смыслом системы обмена услугами и продуктами являлось самообеспечение, установление экономической замкнутости деревни (общины). Перечисляя ряд ремесленников и слуг, находившихся «на обеспечении» земледельческо-землевладельческого коллектива общины, они не пытались понять логику, диктовавшую состав такого списка. Между тем, в этом списке оказывались лица, не очень уж необходимые для экономического самообеспечения, и, в то же время, в нем **отсутствовали** некоторые специалисты, казалось бы, весьма необходимые в «замкнутом мире», каковым представлялась община.

Индийскую историографию (и общественное мнение в целом) интересовал образ беспроблемных идиллических микрокосмов, из которых будто бы состояла древняя и средневековая Индия. Сельская община в гандизме стала знаменем борьбы за будущую процветающую Бхаратваршу.

Марксистские историки и экономисты, напротив, видели в системе *джаджмани* тормоз экономического прогресса и искали признаки ее разложения. Реальное функционирование системы марксистов-теоретиков не очень интересовало, потому что это был по определению отмирающий институт, вариант *нетоварного*, а, следовательно, *дотоварного* обмена. Формулировка «соединение земледелия с ремеслом в рамках сельской общины» казалась всеобъемлющей и все определяющей. Очень мешала пониманию *джаджмани* формулировка Маркса, что индийская община базировалась на сочетании «*ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли*»⁷. Это была эле-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9, с. 135.

ментарная ошибка. Индийские земледельцы-землевладельцы, насколько известно, ткачеством не занимались, их жены, как правило, не пряли, и среди «общинных ремесленников» ткачи не значатся.

В 1920-е – 30-е гг. в советской литературе можно найти только несколько ссылок на эту систему. Можно упомянуть лишь книгу А. Е. Снесарева, подготовленную к печати в начале 30-х гг., но тогда не опубликованную, так как автор был арестован⁸.

Профессиональное изучение внутренней структуры индийской общины в советской индологии началось в 1950-х гг. Наметилось несколько направлений этого изучения.

В Москве в Институте востоковедения вдохновителем одного из направлений стал И. М. Рейснер. Его статья о маратхской общине⁹ стала отправным пунктом для ряда исследований. Рейснер и его ученики обратились к проблеме общины в рамках поставленной им задачи изучить возможности экономического и социального развития Индии накануне британского завоевания, в рамках поисков «*зачатков капитализма*» и оценки потенциала народных движений, разворачивавшихся на фоне упадка Могольской империи.

И. М. Рейснер по сути организовал исследовательскую группу, распределив среди ее членов «задания» по изучению общины в разных регионах. В серии региональных исследований общины следует упомянуть работы Н. И. Семеновой (Панджаб), Э. Н. Комарова (Бенгалия), К. А. Антоновой (Южная Индия), Л. Б. Алаева (тоже Южная Индия, но более ранняя), А. М. Осипова (Соединенные провинции), Т. Н. Загородниковой (Гуджарат). Осипов, Антонова и Загородникова, конечно, не были уче-

⁸ Там упоминаются отношения обмена услугами в индийской деревне, но они содержат ошибки. Видимо, автор опирался в данном случае на какую-то туристическую беллетристику (Снесарев А. Е. Этнографическая Индия. М.: ГРВЛ, 1981. С. 176. (Книга А. Е. Снесарева недавно была перепечатана пиратским способом без научного комментирования и с искажениями текста. См.: Снесарев Андрей. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи. М.: Ломоносовъ, 2012).

⁹ Рейснер И. М. Некоторые данные о разложении деревенской общины у маратхов в XVII – начале XIX в. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 5. М.: Наука, 1953. С. 178–244. См. также: Рейснер И. М. Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. М.: ИВЛ, 1961. С. 31–111.

никами Рейснера и не работали под его руководством, но были вовлечены в это направление исследований общим потоком.

А. И. Чичеров занимался проблемой *джаджмани* на материале всей Индии, но с той же сверхзадачей: изучить процесс разрушения натуральной замкнутости общины и развития товарно-денежных отношений.

С точки зрения экономики деревни и города огромную работу по сбору материала и по его осмыслению проделали А. П. Колонтаев и В. И. Павлов¹⁰.

Две небольшие работы Г. Г. Котовского послужили завершением определенного этапа подступа к этой проблеме отечественных индологов¹¹.

Существовали еще два направления в изучении системы *джаджмани*, которые шли не от общины и проблем товаро- или продуктообмена, а от кастовой системы, проявлявшейся в структуре общины. М. К. Кудрявцев впервые связал эти два института и две исследовательские задачи – соседскую общину и кастовую систему¹² – и выдвинул идею, что индийская община представляет собой особый тип, и она нуждается в особом наименовании, которое он и предложил: **кастовая община**¹³. Он пользовался

¹⁰ [Павлов В. И., Колонтаев А. П.] К вопросу о натуральной основе воспроизводства в сельском хозяйстве Индии // Народы Азии и Африки, 1966, № 4. С. 67–84; Павлов В. И. Социально-экономическая структура промышленности Индии. Исторические предпосылки генезиса капитализма (конец XVIII–середина XIX в.). М.: ГРВЛ, 1973. С. 57–68; Колонтаев А. П. Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М.: ГРВЛ, 1975. С. 5–74.

¹¹ Котовский Г. Г. Введение: некоторые аспекты проблемы каст // Касты в Индии. М.: ГРВЛ, 1965. С. 3–40; Он же. Некоторые вопросы разложения сельской общины в Индии в конце XVIII–начале XIX в. М.: ИВЛ, 1960.

¹² Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М.: ГРВЛ, 1971.

¹³ Мне показалось это наименование не совсем удачным, так как оно может означать и любую отдельную касту, которая тоже *община*, хотя и не территориальная, не соседская, и я предложил несколько иное: *община каст*, чтобы в нем явно звучало множественное число: это многокастовый институт. А. П. Колонтаев почему-то возразил против термина *община каст*; он считал, что такая фразеология означает, что «с исчезновением сельской общины отомрет и каста», чего явно не происходит. (Колонтаев А. П. Низшие формы ... С. 94). Не понравилась *кастовая община* и А. А. Куценкову. Он считал, что такое наименование сводит проблему к устройству индуистской религиозной общины, в то время как «в межгрупповом обмене» участвуют и другие общности, которые «выполняли функции каст» (Куценков А. А. Очерки гражданского общества в Индии. Часть I. М.: ИВ РАН, 2017. С. 34–35).

только этнографическими (антропологическими) материалами и проявлял довольно небрежное отношение к историческим свидетельствам¹⁴. Но его огромная заслуга состоит в том, что он вообще обратил наше внимание на этот пласт сведений об индийском традиционном социальном строе.

А. А. Куценков представлял еще одно направление исследований данной проблемы. Он так же, как и Кудрявцев, опирался в основном на материалы индийских и западных антропологов (или социологов), но подошел к общине в рамках изучения функционирования кастовой системы в целом¹⁵. Он рассматривал систему *джаджмани* как одно из проявлений этой системы, более того, как основную практическую форму, в которой эта система жила и работала.

Вопросы, которые ставили отечественные индологи, сводились к следующему.

Как возникла такая форма общественного разделения труда? В ходе диверсификации занятий в каждой деревне? Или же это результат общественного разделения труда во всем социуме, который потом почему-то выразился в появлении сравнительно небольших многокастовых сельских конгломератов.

Являлась ли она системой равноправных отношений, или же формой эксплуатации нижних слоев общины ее высшими слоями.

Каковы перспективы ее разложения (ибо она рассматривалась, прежде всего, как тормоз развития товарно-денежных отношений, т. е. тормоз любого развития вообще)¹⁶.

¹⁴ Это был яркий пример того, что я называю комплексом антропологической полнотности (или антропологического величия). Этнографам (этнологам) кажется, что они, изучая **современность**, могут при помощи своих методов воссоздать также и **историю** того или иного института.

¹⁵ Куценков А. А. Эволюция индийской касты. М.: ГРВЛ, 1983.

¹⁶ Историографический анализ упомянутых выше работ см.: Алаев Л. Б. Индийская община в трудах советских исследователей // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. М., Наука, 1972. С. 93–106; Он же. Индийская сельская община в российских исторических исследованиях // Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И. М. Рейснера. М.: ВЛ, 2000. С. 107–116; Alayev L. B. Indian Village Community in Russian Historical Writings // Indian History. A Russia Viewpoint. Delhi: Pragati Publications, 2003. P. 75–84.

Для индолога ясно, что специфическая форма индийской сельской общины не могла возникнуть до формирования кастовой системы. Наличие же кастовой системы означает, что произошло глубокое профессиональное разделение труда, более того, оно осознано и социально закреплено формированием кастовых общностей, которые обладают самосознанием, особыми обычаями и ценностями. На бытовом уровне это выражается в эндогамии. Люди одной касты должны поддерживать связи хотя бы просто для того, чтобы находить невест и женихов для своих детей.

Но, поняв это, надо было найти объяснение тому, что некоторые касты расселились по деревням и стали работать «за пищу и жилище», а другие остались жить в городах, или торговых селах, а то и в тех же деревнях, но поддерживая с сельчанами вполне рыночные отношения.

В условиях отсутствия сведений об этом процессе нужно было создавать легенду о том, как **общественное** разделение труда преобразовалось в **локальное** разделение труда между несколькими членами этих каст без потери внутрикастовых связей.

М. К. Кудрявцев создал свою легенду о формировании системы *джаджмани*. Система «*сложилась на базе натурального хозяйства*». Варны «*стали дробиться на множество профессиональных, в том числе ремесленных, групп*». Но группы эти возникали в каждой деревне сами по себе: «*В Индии второе крупное разделение труда произошло в самой деревенской общине <...> в ней выделились неземледельческие, профессиональные группы, обслуживавшие, прежде всего, земледелие и земледельцев*»¹⁷. Такая точка зрения предполагала, что профессионально отделившиеся от земледельцев различные специалисты далее устанавливали кастовые (т.е., по существу, родственные) связи с такими же специалистами в сотнях (если не в тысячах) деревень.

Я в книге 1964 г. исходил из убеждения, что изначально разделения труда в сельской общине не было, и что в течение средних веков одни крестьяне оставались земледельцами, а другие начинали специализироваться в том или ином ремесле, что же

¹⁷ Кудрявцев М. К. Община и каста ... С. 152–154.

касается ткачества, то мною была изобретена целая теория, почему ткачи некогда выделились из общины. Оказывается, «*интенсивность земледельческого труда*» и «*создание круглогодичного цикла полевых работ*» «*заставили одних земледельцев-ткачей сделать ткачество своим основным занятием, а других отказаться от этого побочного труда*»¹⁸. Это была чистая фантастика, правда, *научная*, потому что была пересыпана многими цитатами из Маркса.

Имплицитно из подобной презумпции исходили и другие исследователи. В. И. Павлов, убедившись, что маслобойщики и ткачи обычно не входили в систему *джаджмани*, написал, что эти две специальности «*вытали*» из нее, и это свидетельствует о развитии товарно-денежных отношений¹⁹. А. И. Чичеров в ранней работе отметил развивающийся «*во многих общинах процесс отделения ремесла от земледелия, в частности, превращения ткачества из побочного промысла крестьянина-земледельца в профессиональное занятие ремесленника-ткача*», и намекал на то, что ткачами становились разорившиеся крестьяне²⁰. В более поздней работе Чичеров откrestился от такого подхода²¹.

А. А. Куценков предположил противоположный процесс: *расселение* по деревням членов профессиональных каст, образовавшихся все же где-то в экономических центрах общества, кратко говоря – в городах. Но при этом он датирует этот процесс аж временем упадка Хараппской цивилизации. «*Вполне допустимо, что прообраз такой общины восходит еще к периоду заката Хараппской цивилизации, когда упадок городов, затухание городской жизни, расстройство обмена вызвали бегство ремесленного населения в деревню, где оно могло найти себе пропитание*»²².

¹⁸ Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV – XVIII веков. М.: Наука, 1964. С. 42.

¹⁹ Павлов В. И. Социально-экономическая структура ... С. 52.

²⁰ Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием: (Ремесло и торговля в XVI–XVIII вв.). М.: Наука, 1965.

²¹ Чичеров А. И. К вопросу о характеристике товарно-денежных отношений в Индии накануне ее колониального завоевания // Товарно-денежные отношения в экономике Индии. М.: ГРВЛ, 1976. С. 32.

²² Куценков А. А. Эволюция индийской касты ... С. 49.

Индийские историки, если они задавались вопросом о происхождении *джаджмани*, тоже говорили о расселении ремесленников по деревням, правда, в более позднее время. Р. Ш. Шарма, который, можно сказать, «открыл» экономический упадок в Индии в пост-Гуптский период, рассматривал его и как «натиск деревни» на город, привязав к этому феномену и появление *джаджмани*²³.

Я тоже участвовал в изготовлении занимательных текстов на тему о том, откуда же взялись ремесленники в деревнях. В монографии 1981 г., затем во втором ее издании 2014 г. я обращаю внимание читателей на то, что в *джатаках* фигурируют деревни, специализировавшиеся на том или ином виде деятельности. Упоминаются деревни охотников, рыбаков, птицеловов, чандалов («неприкасаемых»), ткачей, плотников, кузнецов²⁴. Кузнецы выделывали иголки, бритвы, топоры, лемехи и т. п. Позже мы таких поселений не видим.

И далее я начинаю фантазировать: «Допустимо заключить, что отдельные ремесленные поселения “растворились”, их жители расселились по деревням вайшьев²⁵-землевладельцев, а это и привело к созданию многокастовой структуры индийской деревни. <...>

Объяснять расселение ремесленников по земледельческим деревням с помощью экономических закономерностей развития мелкого хозяйства вряд ли продуктивно. Перед специализированными поселениями открывалась четкая перспектива развития товарного хозяйства. Экономические связи с обширной периферией были уже установлены (иначе крупные поселения лиц одной профессии вообще не могли бы существовать). Степень развития денежных отношений в VI—III вв. до н. э. была довольно высокой. Однако эта тенденция не получила продолжения. Сельские ремесленники были

²³ Sharma R. S. Urban Decay in India (c. 300–c. 1000). New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1987. P. 177.

²⁴ The Jātaka, or Stories of the Buddha's Former Births. Vols I–VI. L., 1957. I. 234, № 41; I. 356, № 80; I. 482, № 139; II. 18, № 156; II. 36. № 159; III. 281, № 387; IV. 159, № 466; IV. 207. № 475; IV. 390, № 498; IV. 413. № 501; V. 337, № 533.

²⁵ Я доказываю в этой книге, что в древности деревенские домохозяева понимались как вайшьи.

ограничены узкими рамками, в общем и целом совпадавшими с границами сельских общин.

Этот поворот могли совершить лишь значительные социальные силы; ими в то время являлись две группы — государственный аппарат и землевладельческий класс домохозяев-общинников-вайшьев».

Далее версию, что это расселение совершило государство, я легкомысленно отвергаю (сейчас я не столь уверен в этом отвержении), но все же признаю: *«Позже, в раннесредневековый период, государство сыграло определенную роль в распространении системы джаджмани на территории, в древности бывшие периферийными — на юг, юго-восток и восток от Бхаратварши»²⁶. И, наконец, заключительный аккорд: «Остается предположить, что именно общины землевладельцев, социально доминировавшие в сельской местности, “растащили” ремесленников по своим деревням, привязав их к себе не только экономически, через коллективную систему содержания, но и социально, в качестве ритуально низких каст. Конечно, этот процесс шел объективно, по неким законам трансформации кастового общества, законам, пока что не вскрытым».*

Далее опять включается воображение, но я бы и сейчас мог так написать: *«Моделью отношений, в которые ремесленники были принуждены вступить, вероятно, явилась зависимость тех, кто работал в ритуально-бытовой сфере. Прачки и цирюльники по характеру своих услуг не могли образовывать крупных специализированных селений, обслуживавших широкую округу. Уже в процессе специализации они должны были находиться среди своих клиентов, регулярно вступать с ними в личный контакт. Не исключено, что сначала из “своих” дасов, кармакаров, слуг, “друзей”²⁷ выделились “свои” прачки и брадобреи, а затем уже со стороны появились “свои” кузнецы и плотники <...>.*

²⁶ Случаи поселения ремесленников в сельских общинах приводятся в монографии: Алаев Л. Б. Южная Индия: общинно-политический строй VI–XIII вв. М.: ИВ РАН, 2011. С. 168–169; 208–210; 437–443; 547–548. То же. 2-е изд, испр. и доп. М.: Ленанд, 2018. С. 144–145; 179–180; 371– 377; 465–466.

²⁷ Имеется в виду категория лиц, называвшихся митра.

Как видим, о возникновении системы содержания общинных слуг и ремесленников пока можно составить только предварительное мнение»²⁸.

Таким образом, я рассуждал в том же направлении, что Шарма и Куценков. Но, во-первых, я относил этот процесс, к иной эпохе, а во-вторых, не пытался найти опору в гипотетическом упадке городов.

А. П. Колонтаев видел юмористичность такого рода ретроспективных подходов. Главная его заслуга заключается в разрушении концепции трех «великих» общественных разделений труда. Изучив материалы по первобытному ремеслу, он показал с редкой убедительностью, что производство ремесленных изделий стало профессионализироваться задолго до всех прочих разделений, и этот процесс не мог идти в рамках мелкой общины.

Применительно к Индии это означало, что *«многие прослойки самой общины <...> не были генетически связаны с эволюцией крестьян, их разорением и т. д.»*. *«Кастовая система здесь [т. е. в Индии] сохранила явный признак давней ремесленной специализации целых родов. Поэтому появление ремесленников в общине не было продуктом разложения общинных крестьян»²⁹.*

Кое-кто из индологов догадывался о вторичности общины по отношению к кастовой системе. Чичеров, не вступая в конфликт с концепцией трех «великих» разделений труда, заметил однажды, что ремесло в Индии, конечно, согласно теории, отделилось от сельского хозяйства, но затем *«часть этого ремесла, отделившегося от земледелия, **опять соединилась с ним** (выделено мной – Л.А.), но уже на новой основе»³⁰.*

В социологии принято подразделять социальные группы на *первичные* (семья, община) и *вторичные* (каста, класс, сословие, профсоюз и т.п.). Индийская сельская община, по определению, должна была бы быть *первичной социальной группой*. Однако это такая *первичная* группа, которая состоит из представителей ряда

²⁸ Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции. М.: Ленанд, 2014. С. 82–84.

²⁹ Колонтаев А. П. Низшие формы производства ... С. 25.

³⁰ Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии ... С. 24.

вторичных групп. Следовательно, ее можно назвать **третичной группой**. Пока не доказано обратное, считаю это моим вкладом в социологию.

Что касается эксплуататорских черт системы джаджмани, то советская историография методологически была нацелена на вскрытие эксплуатации в любом классовом обществе. Понятно, что мы видели в этой системе, прежде всего, эксплуататорские черты. И Рейснер, и Павлов тщательно высчитывали размеры вознаграждения общинных служащих и собирали отзывы о бедственном положении служащих общины. Только Кудрявцев, подпавший под влияние У. Г. Вайзера, попытался обелить эту систему, хотя бы отчасти, обратив внимание на обоюдную выгоду или интерес всех участвующих в обмене акторов. Он даже предложил дефиницию всего социально-экономического строя традиционной Индии как *общинного строя*.

Безусловно, *джаджмани* – это форма **внутриобщинного** взаимодействия, поэтому в ней есть элементы реципрокации или чего-то, напоминающего родственные отношения. Но все же не надо забывать, что, по крайней мере, статус *доминирующей касты* – несравненно выше статуса любой другой, и вся система, вместе с ее симпатичными чертами, существовала ради удовлетворения потребностей этой доминирующей касты, *полноправных общинников*, как мы их называли. В основе лежат отношения господства–подчинения, но они упакованы в патриархальность и даже сердечность.

Вопрос о соотношении экономических и ритуальных факторов комплектования «штата» общинных слуг серьезно не обсуждался. Он казался ясным с самого начала, потому что мы все признавали только экономический подход ко всем проблемам. Любой подступ к этой системе понимался как изучение **производственных** связей.

Собирая сведения об этой системе, мы (исследователи) встречали огромное количество материалов об участии членов различных каст в разнообразных обрядах и ритуалах в деревне, но этот материал просто не фиксировали, относя его к «информационному шуму». Ну, какое значение может иметь то, что

цирюльник и его жена, помимо обязанностей, присущих работникам парикмахерской, еще разносят слухи по деревне и устраивают свадьбы? Или члены какой-то касты должны во время церемонии бракосочетания держать особый сосуд именно с правой стороны от жениха? Да и то сказать – как собирать подобный материал? В каждой общине обычаи могут быть разными, обобщению такой материал не поддается. Что, переписывать антропологические отчеты целиком? Вот мы и не переписывали.

Даже М. К. Кудрявцев, **этнограф** по специальности, совершенно не заинтересовался системой обрядов и ритуалов в деревне и видами участия в них разных каст. Советская этнография была фундаментально экономцентрична.

Это состояние умов отразилось и в выводе Г. Г. Котовского. Он назвал социально-ритуальный аспект отношений *джаджмани* «своеобразным транспонированием **джаджмани** в область религиозного культа...»³¹. Получалось, что экономические отношения, лежащие в основе, несколько «загрязнены» проникновением в них культовых или ритуальных элементов.

Вопросу разложения системы *джаджмани* уделялось повышенное внимание. Для объяснения **отсутствия** годился тезис о начале разложения системы. Презумпция была такой: первоначально в общине существовали **все** специальности, а потом некоторые **выпали**.

Кроме того, тщательно фиксировались случаи, когда участник системы *джаджмани* получал сдельную оплату, особенно если эта оплата была в деньгах. Считалось, что это тоже свидетельство *распада* традиционных связей.

А. А. Куценкову показалось, что он понял индийское общество во всей его сложности. Основной идеей, которая организовывала материал, была идея о тесной сущностной связи сельской общины и кастовой системы. Поэтому он решил, что первоначальная индийская община должна была состоять из представителей четырех варн, на которые делилось индусское общество. «*Структурно завершенным (идеальным) типом можно считать такую*

³¹ Котовский Г. Г. Введение ... С. 23.

*общину, где представлены касты всех варновых статусов – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, поскольку она обеспечивает наиболее полную жизнь общинного коллектива – производство, управление, ритуал. Но в деревнях, которые попали в поле современных исследователей, чаще всего мы находим неполный набор этих варн»*³². Контекст таков: неполный набор варн является результатом разложения общины в колониальный период.

Между тем, ограниченный набор специальностей в рамках деревенского ремесла был характерен для этой системы изначально и со временем не уменьшался, а увеличивался. Во II в. до н. э. мы находим у Патанджали в *Аштадхьяи* и у его комментатора Нагешы следующую фразу: «В каждой деревне было по крайней мере пять ремесленников (*панчакару*)» и пояснение, что имеются в виду горшечник, кузнец, плотник, цирюльник и прачка³³. Это очень красноречивый список. Он включает тех специалистов, которые вплоть до Нового времени считались неотъемлемой частью деревенского «штата».

В средние века «ассортимент» общинных слуг расширялся: добавлялись – со стороны администрации или самоуправления – писец, помощники старосты, стражники; со стороны культа – брахман-жрец и брахман-астролог; со стороны ремесла – медник, золотых и серебряных дел мастер (ювелир); росло число членов низших каст: кожевников, уборщиков, которые на самом деле были просто закабаленными безземельными работниками на полях общинников. После появления значительного мусульманского населения в число получателей доли урожая нередко включался мулла³⁴. Но всегда этот «штат» воспринимался как ограниченный неким твердо установленным числом.

В XI–XII вв. в Карнатаке эта система называлась *восемь порций пищи (энту-хитту)* или *двенадцать порций пищи (панни-*

³² Куценков А. А. Эволюция индийской касты ... С. 105–106.

³³ The Vyākaraṇa-Mahābhāṣya of Patañjali. Vol. I. Bombay, 1932. I.1.48; Agrawala V.S. India as known to Pāṇini. Lucknow, 1953. P. 229; Puri B. N. India in the Time of Patañjali. Bombay, 1957. P. 108–109.

³⁴ Грант-Дафф упоминает, что мулла встречался даже в деревнях, где не было иных мусульман кроме него самого. Он был полезен общине, так как мог забивать скот (овец, коз и т. п.). (Grant-Duff J. A History of the Marathas. Vol. I. Oxford, 1921. P. 30–31.).

ранду-хитту). Во многих районах Декана (в Одише, Гуджарате, Андхре) «стандартное» число каст, включаемых в общинный обмен услугами, стало считаться «18» (*аштадаша-джати, аштадаша-праджа, аштадаша-самая, аштадаша-пракрити*). В Махараштре и Тамилнаду этот же институт к новому времени получил условное наименование «12 *выплат*» (*бара-балута*) или «12 *получающих айям*», т.е. специальный сбор для содержания общинных слуг (*панниранду айягар*).

Все эти числа надо понимать условно. Реальный состав *штата* общины мог быть различным. Но устойчивое стремление обозначить систему неким определенным числом свидетельствует о том, что она воспринималась как **ограниченная** небольшим набором специалистов или каст.

Советские ученые искали рациональных (т.е., в их понимании, экономических) причин этих самоограничений. А. П. Колонтаев, приложивший максимум усилий, чтобы разобраться в этой системе, не преодолел экономического подхода. Пытаясь объяснить ограниченность «штата» «служебных» каст, он прошел мимо таких его участников, как прачка и цирюльник, и утвердился во мнении, что «*община содержала лишь необходимый минимум ремесленного труда и прежде всего те его отрасли, которые удовлетворяли производственные нужды земледельцев*»³⁵.

Они с В. И. Павловым разработали своего рода матрицу, позволявшую, как им казалось, навести «порядок» в наших представлениях об общинном ремесле. Они подразделили общинных слуг на категории:

- изготовителей *средств производства* для сельского хозяйства и
- изготовителей *средств потребления*³⁶.

К первой категории были отнесены кузнец, плотник, гончар, кожевник. Что касается кузнеца и плотника, то их первостепенная важность для ведения земледелия всем понятна. Весьма

³⁵ Колонтаев А. П. Низшие формы ... С. 31.

³⁶ Колонтаев А. П. Разложение сельского ремесла и возникновение новых отраслей мелкой промышленности Индии. М., Наука, 1968; Колонтаев А. П. Низшие формы ... С. 81–82, 126; Павлов В. И. Социально-экономическая структура ... С. 57–68.

изящно авторы включали в сельскохозяйственное производство также и брахмана. Он определял благоприятные дни для сева, уборки урожая и т. п. и, таким образом, непосредственно влиял, по убеждениям жителей, на обеспечение хорошего урожая. Получалось, что его функции примерно соответствовали функциям агронома в современном сельском хозяйстве.

А вот что касается гончара и кожевенника, то их включение в эту категорию вызывает вопросы. Авторы объясняют свое решение тем, что гончар изготавливал глиняные кувшины или черпаки, крепившиеся на персидские колеса, при помощи которых доставали из колодцев воду для орошения; эти кувшины часто бьются, поэтому гончар занят подобной работой постоянно. Но все же всякому ясно, что главная «полезность» гончара состоит в изготовлении им керамической посуды, и это скорее *средство потребления*, а не *средство производства*. Это первая натяжка.

А вторая связана с так называемым *кожевенником*. Они называли его также *шорником*. Он тоже включен в состав *первостепенных* специалистов для ведения сельского хозяйства. Почему? Оказывается, он изготавливает кожаные ремни и прочую сбрую для быков, волов и лошадей, а также кожаные ведра для тех же персидских колес, которыми поднимают воду из колодцев. Натяжка заключается в том, что кожевенник изготавливает в первую очередь обувь, *средство потребления*, хотя может изготовить и упряжь. Но главное не в этом. Под скромным наименованием «шорник» скрывается одна из самых многочисленных каст в Северной Индии, *чамары* или *мочи*. Они только так называются, а на самом деле являются социально и экономически закабаленными безземельными сельскохозяйственными работниками на полях общинников более высоких каст. К тому же, никаких кож не хватит, чтобы занять их «по специальности».

Это еще один пример того, как **концепция**, установка, взгляд исследователя определяет **вывод** из, казалось бы, тщательного профессионального исследования.

Все же надо было как-то «оприходовать» также и прачку и цирюльника. Для этого Павлов и Колонтаев вводят категорию

обеспечения *«минимально необходимого уровня бытового обслуживания»*. Конечно, подобный тезис в устах экономистов звучал слабовато, потому что было совершенно неясно, как определить этот *минимальный уровень*³⁷.

Оставался еще ювелир, который не подпадал ни под категорию *«изготовителей средств производства для сельского хозяйства»*, ни под обеспечение *«минимально необходимого уровня бытового обслуживания»*. Он, конечно, был типичным *«производителем средств потребления»*, и, по классификации экономистов, не должен был входить в «штат» слуг общины. Тем более, что даже если он не испытывал недостатка в заказах, ясно, что его услугами пользовались не все члены общины, а только зажиточные, и он в качестве ювелира не мог претендовать на содержание за счет всей общины.

Ювелир мешал многим исследователям общины. Чтобы как-то примириться с его присутствием чуть ли не в каждой деревне, ему приписывались какие-нибудь дополнительные функции: ростовщика, казначея, школьного (?) учителя, поэта (?). Но такая работа *«по совместительству»* являлась фантазией некоторых общинофилов.

Особенно юмористичны упоминания в ряде описаний индийской общины, усердно цитируемых вот уже 200 лет, среди сельских специалистов, *«школьного учителя»*, *«которого можно видеть в селе обучающим детей чтению и письму на песке»*³⁸. Дело в том, что в Индии не было системы общего образования, школ, где обучали бы *«чтению и письму»*. Имелись индусские брахманские школы для брахманов, и мусульманские школы (мактаб, медресе) для мусульман. В обоих случаях обучение было устным, заключалось в заучивании текстов. Писать *«на песке»* было совершенно не нужно.

Справедливости ради следует отметить, что Колонтаев начинал догадываться, что чисто экономический анализ системы

³⁷ Может быть, наши авторы разработали бы данный пункт подробнее, если бы в советской политэкономии уже существовало понятие сферы обслуживания как важной отрасли макроэкономики.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9, с. 134. Этот «школьный учитель, обучающий детей на песке», фигурирует и в «Капитале» (см. там же. Т. 23, с. 370.).

джаджмани недостаточен: «Упор на роль экономического фактора, понимаемого с позиций высших укладов, не всегда может объяснить положение многих социальных групп в системе традиционного уклада»³⁹.

Я перенял в целом построение Павлова и Колонтаева – и деление на производство средств производства и средств потребления; и категорию «обеспечение минимального уровня бытового обслуживания», правда, добавил «и ритуального обслуживания», имея в виду не только брахмана, но и все тех же несчастных прачку и цирюльника.

Я стал догадываться о роли ритуала во всей этой системе еще в 1970-е гг. В книге 1976 г. я критикую чисто экономический подход к этой системе как форме разделения труда. Говорю, что нужно учитывать не только экономическую сторону взаимоотношений, но и *социальную*. Но я имею при этом в виду только то, что в нее включаются руководители самоуправления (староста и писец) и низшие касты, а также вообще принцип кастовой неравноправности⁴⁰.

В 1978 г. возникла возможность поехать на Международный конгресс антропологических и этнологических наук в Дели. Я написал доклад, в котором попытался выразить мысль о значении ритуальных отношений в общине. Но как это назвать, чтобы не вызвать возражения со стороны нашего антропологического начальства? Помню, как я попросил совета у Котовского – мастера по составлению «проходных» формулировок. Придумали совершенно расплывчатую⁴¹. Главное, что в ней не было слова «ритуал».

На Конгресс я не поехал, но зато написал статью, в которой уже не стал скрывать, что речь идет о ритуале, т. е. о религии⁴².

³⁹ Колонтаев А. П. Низшие формы ... С. 94.

⁴⁰ Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX век). М.: ГРВЛ, 1976. С. 224–227.

⁴¹ Alayev L. B. Jajmani System as an Economic and Socio-Cultural Phenomenon // General Problems of Anthropology of South Asia. Papers of Soviet Researchers. X International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Delhi, December 10–21, 1978. М.: "Nauka", 1978. P. 111–121.

⁴² Алаев Л. Б. Экономико-ритуальные аспекты системы джаджмани // Народы Азии и Африки, 1980, № 3. С. 35–43.

Уже было можно. Но и тогда я все еще ставил экономические отношения в этой системе на первое место.

Схема сочетания экономических и ритуальных факторов как равноправных в формировании этой системы присутствует и в моей монографии 1981 г.⁴³ При переиздании этой монографии в 2014 г. я тоже не считал необходимым переписать соответствующий кусок текста⁴⁴.

В первом издании «Средневековой Индии» изложена та же схема: система джаджмани должна была обеспечить:

- *самоуправление*,
- *сельскохозяйственное производство*,
- *минимально приемлемый уровень бытового обслуживания*,
- *ритуальное обслуживание*⁴⁵.

Только когда я писал книгу «Сельская община: “Роман, вставленный в историю”», т.е. в 2015 г., наступило просветление. Я понял, что **все** участники системы *джаджмани* – и *джаджманы*, и *камины* – оказывают друг другу ритуальные услуги, а то, что при этом надо обеспечить всех горсткой риса или проса – это, конечно, само собой разумеется, но это «проза жизни», а не ее существо⁴⁶.

Пришлось при переиздании «Средневековой Индии» внести в текст существенные поправки и снабдить книгу «Предисловием ко второму изданию»⁴⁷.

Итак, даже совершенно поверхностный взгляд на систему обмена продуктами и услугами в индийской деревне вскрывает, что:

⁴³ Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981. С. 207–210.

⁴⁴ Алаев Л. Б. Сельская община в Северной ... Изд. 2-е, испр. и доп. М., Ленанд, 2014. С. 251–257.

⁴⁵ Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб.: Алетейя, 2003. С. 219–221.

⁴⁶ Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: Ленанд, 2016. С. 148–152.

⁴⁷ Алаев Л. Б. Средневековая Индия: История: политическая, социальная, экономическая, культурная. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Ленанд, 2018. С. 6–7, 228–230.

– самообеспечение общины всеми необходимыми продуктами **не являлось** задачей системы;

– систему *джаджмани* в целом можно и нужно понимать не как оплату *джаджманом* материальной услуги со стороны *камина*, а как взаимное жертвование, и очищение, таким образом, себя от ритуального загрязнения.

Конечно, это также и способ обеспечения средствами к жизни, и потому это – экономические отношения, но смысл их заключается не в этом, а в поддержании взаимозависимости с целью взаимного очищения от скверны. Ритуальные функции имели все без исключения *камины* – и ремесленники, и неприкасаемые. Перечисление таких примеров потребовало бы отдельной монографии.

Ритуальная подоснова взаимоотношений, в том числе и экономических, в деревне объясняет всю эту систему полностью. Начать с того, что плуг считается грязным орудием. Он режет почву и губит всяких червячков. Членам высоких каст прикасаться к плугу нельзя. Поэтому в деревнях очень часто имеются *пахари (хали)*. Поэтому надо иметь плотника и кузнеца, которые эти плуги изготавливают и чинят.

Отсюда необходимость иметь в деревне гончара (горшечника, *кумхара*), который работает с глиной, т. е. с «землей», и его специальность – одна из самых загрязняющих. Отсюда же непременность жительства в деревне (чаще – рядом с нею) «кожевенников» (*чамары, мочи* и др.). Как я уже говорил, «кожевенники» меньше всего занимались изготовлением обуви. Без *чамаров* и *мочи* (заметим, самых крупных каст в Северной Индии⁴⁸, в ряде дистриктов Севера они составляли в совокупности более 20% сельского населения)⁴⁹ некому было бы работать на полях и убирать павший на улицах скот. Примерно такое же положение у «уборщиков» (*бханги*), «сторожей» (*махаров*) и др.

⁴⁸ Schwartzberg J. E. The Distribution of Selected Castes in the North India Plain // The Geographical Review. Vol. LV, 1965, No. 4.

⁴⁹ Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX в.). М.: ГРВЛ, 1976. С. 211–222.

Отрезанные волосы и ногти – одна из наиболее оскверняющих субстанций. Понятно, что специализированный цирюльник (*наи*), в обязанности которого также входит стрижка ногтей, необходим⁵⁰.

Очищающая роль прачки (или «прачечника», речь идет о мужчине – *дхоби*) как будто бы понятна без всяких дополнительных разъяснений. Однако все же поясним: грязное белье следует очистить не только от обыкновенного загрязнения, но и от **скверны**, сопутствующей бытовой грязи. Поэтому, например, *дхоби не возвращает* хозяевам белье, запачканное менструальной кровью, или то, на котором женщина родила или умерла. По-видимому, оно полагается столь оскверненным, что отстирать его полностью невозможно. А сам прачка после стирки такого белья и цирюльник после бритья клиента еще и сами мылись! По крайней мере, считается, что они должны мыться⁵¹. Несмотря на все эти гигиенические правила, в Северной Индии есть поговорка: «У цирюльнича, прачки, лекаря и мясника осквернение никогда не кончается»⁵².

В мою новую систему взглядов не вписывался только *сонар*, золотых (или серебряных) дел мастер. Золотые украшения, по нашему современному пониманию, – это предметы роскоши. Но в Индии это больше, чем украшения. Они имеют не столько материальный, сколько символический смысл. Это знак благополучия, следовательно, благоволения некоего Бога к семье, следовательно, залог ее будущего процветания. Желтый цвет золота называется *су-варна*, т. е. «правильный», или «благородный», или просто «прекрасный» цвет.

Золото обладало в глазах людей некоей таинственной силой, и ремесленник, работающий с ним, был причастен к этой силе.

⁵⁰ Многие коллеги и просто туристы видели в Индии сценки, когда брадобрей бреет человека где-нибудь на обочине дороги. Это не значит, что у участников такой сценки нет домов, и они не могли бы устроиться более комфортно. Нет, просто такой способ «удовлетворения бытовой потребности» гарантирует их от ритуального загрязнения их домов.

⁵¹ Шринивас М. Н. Запомнившаяся деревня. М.: ГРВЛ, 1988. С. 185.

⁵² Пословицы и поговорки Северной Индии. М.: Санкт-Петербургское востоковедение, 1998. С. 33.

Золотых дел мастер участвовал во всех семейных и деревенских ритуалах. Без него просто нельзя было обходиться ни при рождении ребенка, ни при кремации тела⁵³.

Наконец, обратимся к фигуре брахмана. Здесь, действительно, объяснений не нужно. Его роль заключается не столько в обеспечении связи с богами, сколько в ритуальном очищении всего-всего вокруг себя. В качестве жреца он приносит жертвы в интересах домохозяев, а земледельцы и землевладельцы, как говорилось выше, приносят жертвы, очищая себя от скверны, выделяя брахману пропитание.

То, что ткачи и маслобойщики, а также кондитеры в системе *джаджмани* почти никогда не входили, означает не то, что их продукция считалась не очень нужной для жизни, а то, что она ритуально не загрязняла и могла приобретаться на рынке. Здесь надо для ясности добавить, что представление о глубокой натуральности индийской древней и средневековой экономики является просто предрассудком, навеянным все тем же Марксом, который ошибочно интерпретировал индийскую общину.

Но, поняв ритуальный смысл системы, не следует впадать в иную крайность. В последней монографии Е. Н. Успенской *джаджмани* подается как что-то вроде церковного прихода: «*в принципе такая община формируется вокруг одного жреца, это его окормляемая паства*»⁵⁴. Это серьезная ошибка. Нет, центральной фигурой этой системы является **не брахман, а землевладелец**, вернее, конечно, группа, община землевладельцев, доминирующая в деревне каста. Это они главные *джаджманы*, а все остальные по отношению к ним – *камины*.

Система получила свое название в социологической литературе благодаря тому, что так она называлась в Каримпуре – деревне, которую в течение более чем 30 лет изучал американский миссионер У. Вайзер⁵⁵. Специфика данной деревни в том, что она

⁵³ Базируюсь на докладе С. И. Рыжаковой в Индийском посольстве в Москве 29 сентября 2016 г. и показе фильма “Suvarnam: True Color”. Directed by Narayanana A. V. Produced by Chrysalis Films.

⁵⁴ Успенская Е. Н. Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010. С. 133.

⁵⁵ Wisner W.H. The Hindu Jajmani System. A Socio-Economic System Interrelating Members of a Hindu Village Community in Services. Lucknow, 1958 (первое издание – 1930).

принадлежала брахманской общине, так что брахманский статус и социально-экономическое доминирование совпадали.

Джаджман в ведической литературе – это некий человек, заказывающий брахману (как специалисту) совершить жертву (*яджню*) богам в свою честь. Таким образом, брахманы Каримпура, принимая услугу, выступали не как жрецы, а как *джаджманы*, т. е. получатели результата жертвоприношения. В свою очередь, вознаграждая *каминов* во время урожая, они производили жертву, очищая себя от скверны, проистекавшей от обработки почвы их слугами.

Как ни странно, идеологическое обоснование подобного взгляда на **современную** систему *джаджмани* мы находим в *Парашара-смрити*, которая, как и положено *дхармашастрам*, претендует на глубокую древность, но, по мнению специалистов, относится к Средним векам. Сам составитель этой *шастры* утверждает, что она составлена «для *Кали-юги*», т. е. для нынешнего, самого грешного периода. Когда автор описывает обязанности и права брахмана, он замечает: «*Тот грех, который падает на земледельца (каршака), срубającego деревья, обрабатывающего почву, вредящего насекомым и червям, может быть искуплен жертвоприношением на току. Тот, кто уклоняется от дарений брахману, когда тот стоит у основания кучи риса, — это вор, самый грешный из всех возможных грешников; его нужно объявить убийцей брахмана*»⁵⁶.

Этот пассаж удивительно реалистичен для такого рода литературы: Парашара как бы видит перед своим мысленным взором довольно длинную очередь претендентов на продукцию земледельца к куче зерна на току во время молотбы. Подобную очередь к куче обмолоченного зерна наблюдали многие исследователи индийских деревень в Новое время.

Среди антропологов-индологов давно зрела мысль, что основополагающим принципом индийской общинной системы является представление о ритуальном осквернении⁵⁷. Но наиболь-

⁵⁶ The Institutes of Parasara. Transl. into English by Krishnakamal Bhattacharyya. Calcutta, 1887 (<http://docslide.us/documents/parashara-smriti-sanskrit-hindi-english.html>). II. 10–11.

⁵⁷ Pocock D.F. Notes on Jajmani Relationships // Contributions to Indian Sociology. No. VI. December 1963. P. 82; Gould H. A Jajmani System of North India, its Structure, Magnitude and Meaning // Ethnology. 1964. Vol. III, No. 1. P. 31.

ший вклад в утверждение этой точки зрения внес Луи Дюмон⁵⁸, который обосновал тезис, что кастовая система в целом строится на принципе ритуального осквернения⁵⁹. Он признавал, что характер занятия, конечно, влияет на ритуальный статус касты, однако утверждал, что кастовая профессия не являлась ни единственным, ни главным критерием, «*что каста и профессия связаны через посредство религии, что является очевидным в случае ритуальных специалистов вроде цирюльника и стиральщика*»⁶⁰.

Однако концепцию Дюмона большинство индийских социологов не приняли. Продолжает доминировать убеждение, что кастовая система – это лишь **форма** экономического **разделения труда**, что касты лишь **закрепляют** экономическое разделение и социальную дифференциацию, осознавая их как лестницу социальных (ритуальных) статусов⁶¹.

В нашей стране идея о ритуальном объяснении *джаджмани* не прививается. М. К. Кудрявцев в своей последней книжке остался на позициях экономцентризма: он резко выступает против тех, кто придает большое значение религии, ритуалам в возникновении кастовой системы: «*в современной науке не пре-*

⁵⁸ Dumont, Louis. Homo hierarchicus: Essay sur le système des castes. Paris : Gallimard, 1967; Дюмон, Луи. Homo Hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001.

⁵⁹ Еще гораздо раньше мысль о религиозных основаниях системы индийских социальных рангов была высказана С. Бугле (Bouglé, Célestine. Essays sur le régime des castes. Paris : Alcan, 1927. P. 50, первое издание – 1908), но тогда это соображение не заметили.)

⁶⁰ Дюмон, Луи. Op.cit. С. 118, 130. В отечественной науке связь между кастовой системой и системой ритуальных отношений отметил Вячеслав В. Иванов (Иванов В. В. Эстетическое наследие древней и средневековой Индии // Литература и культура древней и средневековой Индии. Сб. статей. М.: Наука, 1979. С. 9.).

⁶¹ Такую позицию занимал, в частности, *гуаен* индийских Village Studies М.Н. Шринивас. По его мнению, решающими критериями высокого статуса касты являются собственность на землю и численное преобладание. Однако он признавал, что «любая претензия на высокий статус должна была выражаться в ритуальном или символическом виде» (Шринивас М. Н. Указ.соч. С. 187). Я также долгое время придерживался общепринятой точки зрения, что кастовую иерархию определяют экономические факторы, делая из этого дальнейший вывод, «*что система кастовых ценностей совпадает с основными феодальными ценностями, кастовая система является разновидностью феодальной организации общества*» (Алаев Л. Б. Функционирование кастовой системы // Индия 1983. Ежегодник. М., 1985. С. 229.). На этом я стоял и в первом издании «Средневековой Индии» (СПб.: Алетей, 2003.).

одолена идеалистическая альтернатива объяснению природы кастового строя, а именно концепции религиозного происхождения кастовых различий, кастовой организации и всей кастовой системы»; многие ученые «переоценивают роль культа, значение ритуала и самой религиозной идеологии в объяснении сущности кастовой организации»⁶².

По-видимому, следует разделить проблемы:

- возникновения кастовой системы и
- формирования соседских общин с системой *джаджмани*.

Если о кастовой системе можно говорить как о **способе оформления** и осознания объективно шедшего процесса разделения труда⁶³, то формирование общинных отношений, в том числе привлечение в землевладельческие коллективы тех или иных специалистов (членов иных каст), происходило **намеренно**, в соответствии с некоторым **планом**, навеянным сложившейся кастовой системой и представлениями о ритуальной чистоте/нечистоте. И эти представления явно превалировали над стремлением к автаркии – экономической и любой иной.

Остается вопрос о том, чем объяснить возникновение подобной же системы натурального обмена (*сейн*) в мусульманских районах⁶⁴. Представляется общеизвестным, что у мусульман нет кастовой системы, и им не свойственны представления о ритуальной чистоте/нечистоте. Пока у меня есть только один ответ: **влияние** индусов и индуизма. Мусульманские касты не похожи на индусские, но они все же существуют и накладывают, наверное, свой отпечаток на социальную практику. Выходцы из индусских каст, принимая ислам, сохраняли представление о своем социальном статусе – низком или высоком. Отсюда пошло деление мусульманской общины в Южной Азии на «благородных» (*аираф*) и «низких» (*аджлаф*). Во всяком случае, за преде-

⁶² Кудрявцев М. К. Кастовая система ... С. 50.

⁶³ Для формирования кастовой системы в целом процесса разделения труда тоже недостаточно. Существует масса каст, не отличающихся друг от друга занятием или предписанной профессией. Но это уже другая тема, и мы ее затрагивать не будем.

⁶⁴ Zekiya, Eglar. A Punjabi Village in Pakistan. N-Y, 1960; Колонтаев А. П. Низшие формы ... С. 96–102.

лами «индийского цивилизационного круга» института, подобного *джаджмани* не отмечено.

А в самой Индии происходят глубокие социально-экономические перемены, бывшие «деревенские ремесленники» давно не справляются с задачей снабжения сельских хозяев «средствами производства для земледелия», однако цирюльники и прачки продолжают нести свою нелегкую службу по ограждению членов «чистых» каст от ритуального загрязнения.

В. Я. Белокреницкий*

СОВЕТСКИЕ ИНДОЛОГИ ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ ОБ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

***Аннотация.** Статья посвящена наиболее популярной в послевоенной индологии теме аграрных отношений и общине в северо-западной Индии – регионе более других интересовавших отечественных исследователей и своей близостью к России, и мусульманским большинством населения, а также обилием источников на западных и восточных языках по рассматриваемой теме. Поскольку большая часть населения проживала в сельской местности, то интерес к этой стороне жизни страны был вполне обоснован. Автор проследил, какие стороны аграрных отношений были исследованы в первую очередь, как постепенно шло расширение и включение в круг исследования новых аспектов, на каких источниках они проводились. В. Я. Белокреницкий проанализировал работы Л. Р.Гордон-Полонской, С. А. Кузьмина, В. Г. Растянникова.*

***Ключевые слова:** аграрные отношения, община, северо-западная Индия, ирригация.*

V. Y. Belokrenitsky**

SOVIET INDOLOGISTS OF THE FIRST POSTWAR GENERATION ABOUT AGRARIAN RELATIONS IN NORTH-WESTERN COLONIAL INDIA

***Summary.** The article is dedicated to the most popular topic in the post-war Indology, that is of agrarian relations and community in North-Western In-*

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, доктор исторических наук, профессор, enitsky@yandex.ru

** Vyacheslav Y. Belokrenitsky – Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, RAS, D.Sc. (History), Professor, enitsky@yandex.ru

dia – the region which interested our scholars most of all because of its proximity to Russia and its predominantly Muslim population, and also thanks to the vast number of source materials in western and eastern languages on the theme. As the bulk of the population lived in rural areas, the interest in this side of the life of the country was quite natural. The author reveals what sides of agrarian relations have been analyzed in the first turn, how gradually the scope of studies was expanded, new aspects were drawn into the picture and using what sources this has been done. V. Y. Belokrenitsky has based his analysis on the books authored by L. R. Gordon-Polonskaya, S. A. Kuz'min, V. G. Rastyannikov.

Key words: *agrarian relations, rural community, North-Western India, irrigation.*

Статья носит по преимуществу историографический характер. В планы автора не входит анализ самих аграрных процессов в северо-западной Индии. В свете задач данного издания представляется интересным посмотреть, как индологи первого послевоенного поколения подходили к анализу аграрных сюжетов. Причем в статье рассмотрено, как они делали это на примере не всей британской колонии на юге Азии, а только ее части, которая в 1947 г. стала одним из двух территориальных «кусков» Пакистана, отдельного от Индии независимого доминиона, а в результате событий 1971 г., после образования на месте восточного «куска» государства Бангладеш, превратилась в территорию современного Пакистана. В задачи статьи, помимо выявления некоторых общих приемов и выводов, которые можно найти в работах индологов, входит показать особенности их индивидуального подхода к раскрытию своей темы и попытка объяснить причины своеобразия такими факторами, как специфика хронологического периода, взятого для рассмотрения, этноплеменные особенности исследуемых областей и т.п.

Начать можно с того, чтобы указать на некоторые основные причины интереса в СССР к аграрным процессам на Востоке, в частности в Индии. Известно, что в начале 1920-х гг. в Стране Советов стала ощущаться потребность в поиске новых друзей, вызванная неудачей попыток разжечь пожар классовой борьбы в Германии, Венгрии и других индустриально достаточно развитых странах. В это же время благодаря переходу к новой эконо-

мической политике, внутренняя обстановка в стране улучшилась. Дипломатически укрепившись и выйдя из жесткой международно-политической изоляции, Москва обратила свои взоры на колониальный и полуколониальный Восток. После в целом неудачных попыток найти идейных друзей в Китае, некоторые надежды стали возлагаться на Афганистан и Индию, а также другие страны Азии и Ближнего Востока.

В СССР понимали, что пролетариат в колониальных и зависимых странах находится на начальной, а то и эмбриональной стадии формирования. Но есть другой эксплуатируемый класс, который можно считать потенциальным союзником – это крестьянство. Отсюда, как представляется, проистекал политический интерес к аграрному вопросу на Востоке, аграрным проблемам, положению крестьянства и т. п. В Москве работал Международный аграрный институт, где с 1925 по 1935 г. Отдел Востока и колоний возглавлял индолог и афганист Игорь Михайлович Рейснер. Народным движениям и крестьянству на Среднем Востоке, под которым тогда подразумевали Иран, Афганистан и Индию, посвящена значительная часть его известных исторических трудов. Аграрным вопросам уделял первостепенное внимание и Ростислав Александрович Ульяновский, который в 1932 г. издал книгу «Аграрный кризис в Индии» под псевдонимом У. Рославлев. В целом можно сказать, что аграрная проблематика и положение крестьянства в предвоенные годы занимали центральное место в советских работах по Востоку, число которых ближе к войне становилось все меньше по известным причинам. После окончания войны аграрный вопрос вновь привлек к себе внимание, причем особенно в работах по Индии, где в 1946–50 гг. развернулось крестьянское восстание в Теленгане (области на юге Индии), активно поддержанное индийской Компартией.

На протяжении рассматриваемого периода трактовка аграрной проблематики заметно менялась под влиянием привходящих политических и идеологических обстоятельств. Четкое представление об особенностях подхода историков к аграрным вопросам, как и к более широкому классу проблем, дает в своей книге

«Историография истории Индии» Л. Б. Алаев¹. Он, в частности, отмечает, что первоначально, под влиянием книг М. Н. Роя, оценка уровня капиталистической трансформации в сельском хозяйстве Индии отличалась завышенностью. Аграрные мероприятия английских властей, такие как учреждение земельно-налоговых систем, рассматривались в работах рубежа 1920-30-х гг., как введение частной собственности и насаждение капитализма². Позднее «желание преувеличивать капиталистическое развитие стало ослабевать». После VII Конгресса Коминтерна в 1935 г. была принята формулировка о господстве в деревне азиатских стран «феодальных пережитков»³. Наличие книги Л. Б. Алаева и помещенного там очерка избавляет меня от необходимости входить в детали того, как эволюционировало рассмотрение аграрных мероприятий англичан и вопроса о социально-экономическом характере преобразований в аграрной Индии.

Небезынтересным представляется при этом вопрос об особом внимании, которое уделили историки первого послевоенного поколения северо-западной Индии, в которую обычно включали четыре исторические области – Синд, Белуджистан, Северо-Западную пограничную провинцию (СЗПП) и Западный Пенджаб (Панджаб). Можно найти несколько объяснений этому факту. Во-первых, географическая близость северо-запада Индии к СССР, Средней Азии и непосредственно к Афганистану, который служил своего рода буфером между СССР и британской Индией. Во-вторых, преимущественно мусульманский состав населения северо-западной Индии. Мусульманскому фактору в СССР и в довоенные годы и после войны придавали немалое самостоятельное значение. Особый интерес Москвы традиционно вызывали Турция и арабский мир (Северная Африка, Аравия, Месопотамия и Восточное Средиземноморье), а также Персия (Иран). В-третьих, чисто исследовательский момент – богатство фактологической базы, которую давали имевшиеся в советских библиоте-

¹ Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. См. рецензии на эту книгу В. Я. Белокреницкого и А. О. Захарова в журнале *Восток*, 2014, № 4. С. 183–188 и 188–194.

² Алаев Л. Б. *Указ. соч.* С. 176.

³ Там же. С. 178.

ках справочники, отчеты, официальные документы колониальной администрации, а также полуофициальная обзорно-аналитическая литература в форме обследований деревень, мемуаров английских чиновников и их литературных трудов по истории и тогдашнему состоянию дел в областях, которые интересовали их как пограничные, значимые для государственной (имперской) безопасности.

Замечу, кстати, что объединенная провинция Пенджаб в составе Британской Индии на карте более всего напоминала бабочку – два ее крыла, Восточный и Западный Пенджаб, протянулись по гористо-равнинной местности с севера на юг, а средняя часть была водоразделом между бассейнами Ганга и Инда. На юге эта пустынная область вдоль нижнего течения р. Сатледж входила в состав Великой Индийской пустыни, или пустыни Тар (Тхар). Разница между Западным и Восточным Пенджабом всегда была значительной. Западные районы в средние века были заселены менее плотно по сравнению с восточными. Ирригационные каналы, построенные в период расцвета империи Великих Моголов в XVI–XVII вв., «доставали» на западе лишь до Лахора. Местные оросительные системы и муссонные дожди позволяли вести богарное земледелие в предгорных районах, прежде всего близ города Сиялкот (Сиалкот, древняя Сакала), и в области Мултан, где р. Инд была наиболее полноводной, вбирая в себя воды всех левобережных притоков, образующих на коротком расстоянии один – Панджнад⁴.

Переходя к теме изучения аграрного вопроса в этих исторических областях первым поколением наших индологов и пакистановедов, хочется начать с книги Людмилы Рафаиловны Гордон (вскоре она стала подписывать свои работы Гордон-Полонская). Книга вышла в 1953 г. и посвящена аграрным отношениям в Северо-Западной пограничной провинции Индии в 1914–1947 гг.⁵ Она написана вслед за защитой кандидатской дис-

⁴ Об этом подробнее см.: Белокреницкий В. Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М.: Наука, 1982. С. 50–51; Белокреницкий В. Я. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX– 80-е годы XX в.). М.: Наука. С. 12–14.

⁵ Гордон Л. Р. Аграрные отношения в Северо-западной пограничной провинции Индии (1914–1947). М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.

сертации по экономическим наукам и замечательна с различных точек зрения. Для нашего глаза сегодня непривычно видеть перечисление в Библиографии большого числа работ И. В. Сталина, Краткого курса ВКП (б), работ Г. М. Маленкова и В. М. Молотова. Имеются и цитаты из работ Сталина в тексте. Таким был переломный и переходный 1953 г. Отдавая дань сталинской «пятичленке» (теории пяти формаций от общинно-родового строя до социализма), Л. Р. Гордон специально замечает, что рабовладение не получило развитие в патанских (пуштунских) землях, хотя и имелись его рудименты⁶. Вторая особенность Библиографии – это значительное число работ на восточных языках, прежде всего на урду, но также на фарси и пушту, изданных в Лахоре и Кабуле. Еще одна черта – обилие британских источников, газеттиров, томов переписей населения, отчетов, договоров, официальных документов. Среди источников есть и документы компартий Индии и Пакистана.

Структура монографии тоже весьма характерна – обзор социально-экономических отношений, аграрная политика колониальных властей, система землевладения, рост торгового земледелия, разложение крестьянства как класса-сословия, помещичья эксплуатация, торговый и ростовщический капитал как агентура империализма, отход крестьянства в города и положение пролетариата. Завершает книгу глава, посвященная обострению кризиса сельхозпроизводства в 1930-х гг. и росту антиимпериалистического и антифеодального движения крестьянства СЗП.

Таким образом, бросаются в глаза две стороны одной медали – безусловная научная добросовестность и идеологическая политкорректность, если не сказать, конъюнктурность. Но есть и особенности авторского подхода, которые мы не встречаем в работах двух других авторов, писавших примерно в то же самое время на земельно-аграрные темы в северо-западной Индии. Это Станислав Алексеевич Кузьмин, выпустивший в 1959 г. монографию «Аграрные отношения в Синде»⁷ и Виктор Георгиевич

⁶ Гордон Л. Р. Указ. соч. С. 13.

⁷ Кузьмин С. А. Аграрные отношения в Синде (вторая половина XIX в.). М.: Издательство восточной литературы, 1959.

Растянников, посвятивший аграрному Пенджабу объемную кандидатскую диссертацию, защищенную в 1954 г., и опубликовавший в 1956–58 гг. серию больших статей на базе диссертации в Ученых записках и Кратких сообщениях ИВ АН⁸.

Что я имею в виду под особенностью авторского подхода Л. Р. Гордон? В ее книге рассмотрена вся совокупность вопросов, от социально-экономических отношений в деревне до протестных выступлений в Пешаваре и окрестных районах в начале 1930-х гг. Между тем как С. А. Кузьмин рассматривает только аграрные отношения в Синде, причем лишь во второй половине XIX в., слегка касаясь ситуации в самом начале XX в. После характеристики земельной собственности и налоговой системы Синда накануне английского завоевания он переходит к экономической политике колониальных властей в регионе, землевладению и земельно-налоговой политике, землепользованию и типам хозяйств и довольно скупо освещает положение крестьянства. Интересно, впрочем, что С. А. Кузьмин четко подразделяет землевладельцев (*заминдаров*) на помещиков и крестьян. Делает он это в основном по количественному критерию. К крестьянским хозяйствам он относит владения до 25 акров (10 га), а к помещичьим – свыше этого потолка. Сам критерий крестьянского владения он связывает с возможностью одного работника обрабатывать землю. Из приводимых в его книге данных о землевладении в Синде на 1903 г. следует, что крестьянам принадлежало всего 17,4% земельных угодий, а свыше четырех пятых приходилось на долю мелких (25–100 акров), средних (100–500) и крупных помещиков (более 500 акров). Как особенность Синда он отмечает, что на крупных собственников (латифундистов) приходилось 13% частновладельческих земель, а наиболее богатым землей слоем были средние помещики (42%)⁹. Таким образом, из его книги с очевидностью следует, что крестьяне (мельчайшие собственники) составляли незначительную часть землевладельцев, а отсутствие большого блока латифундий приводило

⁸ Растянников В. Г. Аграрные отношения в Пенджабе (1900–1947). Диссертация кандидата экономических наук, 1954 (в 2-х томах). Рук. С. М. Мельман.

⁹ Кузьмин С. А. Указ. соч. С. 90–91.

(по умолчанию) к распылению малоземельного крестьянства и безземельных сельхозрабочих.

Преобладание некрестьянских хозяйств заставляет С. А. Кузьмина обратиться к характеристике положения арендатора, трудом которого в основном и обрабатывалась земля. Однако имевшиеся в его распоряжении материалы говорили очень мало об организации хозяйства на «помещичьих» землях. Известно, что арендаторами-издольщиками в Синде были главным образом бесправные, отягченные феодальными поборами земледельцы, известные под именем *хари*. С. А. Кузьмин доказывает, что они отличались и от безземельных работников, встречавшихся в других областях Индии, и от наемных рабочих. В унисон с другими историками аграрных отношений в Индии он подчеркивает, что традиционная издольная аренда в Синде не имела черт, переходных к капиталистической аренде. Аграрные мероприятия англичан приводили к укреплению феодально-помещичьей собственности на землю, а крестьянство находилось при этом в подчиненном, забитом и бедственном положении¹⁰.

В диссертации и статьях В. Г. Растяникова преобладает экономический подход. Главное внимание уделено микроуровню, экономике деревенского мира, что можно было сделать, повторим, благодаря многочисленным обследованиям деревень, результаты которых публиковало Бюро экономических исследований в Лахоре. Значительный фактический материал давали также отчеты Королевской комиссии по сельскому хозяйству. Основное внимание англичане, проводившие обследования, а затем публиковавшие солидные книги, такие как Б. Х. Баден-Пауэлл, Х. К. Треваскис, Х. Калверт, М. Дарлинг и др., а вслед за ними и В. Г. Растяников обращали на проблему задолженности наследственных землевладельцев, закладу и продажу ими земли, ростовщическому гнету, переходу земельной собственности в руки ростовщиков – неземледельцев по касте.

Отметим, отступая несколько в сторону от анализа советских работ, что нищета и задолженность, застой и расслоение в деревнях Пенджаба, были, можно сказать, лейтмотивом об-

¹⁰ Там же. С. 98,112.

следований и обобщений англичан. И в общем понятно, почему Пенджаб, как восточный, первым вступивший на путь аграрного развития, так и западный, вставший на него позднее, после завершения основных ирригационных работ и строительства средств коммуникации, в первую очередь, железных дорог, был одной из главных житниц колониальной Индии. Он поставлял и в другие регионы Индии, и за границу излишки произведенного зерна, в первую очередь пшеницы, но также и бобовых (грэма и др.), которые потреблялись в колонии и метрополии животноводческими хозяйствами. От благополучия и спокойствия в Пенджабе зависела ситуация во всей колонии. В этой провинции, как и в целом в Индии, британская администрация стремилась к умиротворению, порядку и, по мере возможности, к развитию. Считается, что в Пенджабе сложилась своя традиция, сформировалась Пенджабская (Панджабская) школа Индийской гражданской службы¹¹. В результате деятельности чиновников получило развитие товарно-рыночное, капиталистическое хозяйствование, носившее, впрочем, по-преимуществу анклавный, очаговый характер.

Основываясь на имеющемся фактографическом материале, В. Г. Растянников комплексно и всесторонне охарактеризовал аграрные отношения в колониальном Пенджабе в первой половине XX в. Особое внимание он уделил сохраняющимся формам феодальной эксплуатации крестьянства и особенностям наемного труда в сельском хозяйстве. При этом им делался вывод, что наемный труд в аграрной сфере не носил по большей части капиталистического характера, его использование базировалось на феодальном (внеэкономическом) принуждении, будучи также обусловленным долговой зависимостью крестьян от ростовщиков¹².

В диссертации и статьях В. Г. Растяникова много места уделено иллюстрации тезиса об ухудшении положения пенджабских крестьян в 1920-х и особенно в 1930-х гг. Из-за кризиса,

¹¹ См.: Dungen van den P.H.M. The Punjab Tradition. L., 1972.

¹² См: Растянников В. Г. Наемный труд в сельском хозяйстве Пенджаба // Ученые записки Института востоковедения (УЗИВ). М., 1957. Вып. 18.

охватившего в 30-х весь капиталистический мир, сократилась потребность мировых рынков в индийской сельхозпродукции. В результате упали цены, возросла задолженность крестьян, вынужденных брать кредиты у ростовщиков и помещиков (все чаще вследствие возросшего оборота земли ими становились одни и те же люди) под высокие проценты, а продавать продукцию в неблагоприятный период низких цен.

В этих условиях одним из выходов для крестьян, как показывает В. Г. Растянников, был переезд в поисках новой земли для обработки. Строительство сети ирригационных сооружений в западной части Пенджаба в 1880-90-х гг. проводилось во многом ввиду военно-стратегических соображений защиты северо-западных границ империи от гипотетических угроз со стороны России¹³. Однако создание в междуречьях западных притоков Инда сети «колоний-на-каналах», хотя и включало в качестве одной из целей развитие коневодства и рост производства фуража, вскоре приобрело и другой смысл – освоение новоорошенной земли для выращивания пшеницы, других продовольственных культур, а также такой технической культуры, как хлопок. Раздача государственной земли в частные руки (предоставление на льготных условиях и продажа), как писал В. Г. Растянников, «всколыхнула» весь Пенджаб. Из его перенаселенных восточных районов в западные округа хлынул поток людей, которые получали наделы (лоты) в собственность на условиях отчуждаемого права держания (обязательства обрабатывать землю). В течение 20 лет с 1891 по 1911 гг., число жителей в одном только округе Лаялпур (ныне – Фейсалабад) увеличилось более чем в 10 раз, а к 1941 г. – почти в 25 раз¹⁴.

На первых порах (в конце XIX – начале XX в.) преобладала практика освоения колоний, имеющих большое количество наделов для «крестьян» (до 10 акров, 2,5 га) и «йоменов» (10–25 акров). В дальнейшем эти правила изменились в пользу продажи участков государственной земли на аукционе и по-

¹³ Акцент на этом делает Имран Али. См: Ali, I. The Punjab under Imperialism, 1985–1947. Princeton, 1988.

¹⁴ Растянников В. Г. Наемный труд в сельском хозяйстве Пенджаба... С. 248–249.

падания ее в руки «капиталистов», людей с деньгами, которые не были обязаны, в отличие от двух первых категорий землевладельцев, непосредственно заниматься хозяйством и жить в деревне. Создавая, таким образом, новый класс помещиков-абсентеистов, колониальные власти по существу воспроизводили традиционные, «феодалные» отношения, которые отличались наличием высшего слоя собственников и посредников между ним и крестьянином-земледельцем. Вместе с тем, условия, в которых воспроизводилась социальная иерархия, были уже другие. Товарно-рыночные отношения, как следует из работ В. Г. Растяникова, заставляли социальные механизмы действовать по-иному, обеспечивая анклавное развитие капитализма, в частности, в сфере огородничества и садоводства и ряде других отраслей аграрного производства¹⁵.

В задачу статьи не входит разбор всех сторон глубоких и детальных исследований В. Г. Растяникова по аграрной эволюции Пенджаба. Достаточно будет еще раз указать на его стремление отталкиваться от конкретного материала и увязать оба тезиса, имевшие распространение в литературе по аграрному вопросу в первый послевоенный период – широкое распространение феодальных пережитков и развитие очагов аграрно-капиталистических отношений.

Уходя от основного анализа, осуществленного всеми тремя авторами, к некоторым побочным, но существенным сюжетам, нельзя не заметить, что у В. Г. Растяникова и С. А. Кузьмина в отличие от исследования Л. Р. Гордон-Полонской, мало экскурсов в демографическую и этнодемографическую сферы. С. А. Кузьмин упоминает о борьбе белуджских, синдских и раджпутских племен и кланов за преобладание в Синде, пишет и о запустении области при белуджских правителях Тальпурах в период, предшествующий английскому завоеванию, но это редкие отдельные замечания. Только в подстрочных примечаниях С. А. Кузьмин,

¹⁵ Растяников В. Г. Очерк развития торгового огородничества и садоводства в Пенджабе в колониальный период (первая половина XX в.) // Краткие сообщения Института востоковедения (КСИВ). М., 1958. Вып. 28. Его же. Торговое скотоводство в Пенджабе (Обзор данных за 70-е годы XIX в. – 40-е годы XX в.) // Краткие сообщения Института народов Азии (КСИНА). М., 1961. Вып. 42.

приводит данные о миграции людей в Синд в начале XX в. из соседних областей, прежде всего, Белуджистана, Раджпутаны, Пенджаба и даже Афганистана¹⁶.

Больше внимания вопросам миграции уделяет В. Г. Растяников, анализируя аграрные отношения в Пенджабе в первой половине XX в. Как выше отмечалось, он придает значение переезду сельских жителей из восточных районов провинции в западные в связи с ирригационным строительством и привлечением крестьян для освоения новых земель.

Кстати, в годы между мировыми войнами масштабы ирригационного строительства в северо-западной Индии сократились, но строительство не прекратилось полностью. Особенно заметным оно было в тот период в Синде, где в 1932 г. вступила в строй действующих плотина имени Ллойда близ Суккура, затем переименованная в плотину имени Гулама Мухаммада. Перемещение крестьянского и трудового населения деревни, включая в последнее ремесленников и «слуг общины», из широтного по преимуществу в рамках севера Индии (то есть, из восточных округов Пенджаба в западные) стало долготным по большей части, из Пенджаба в Синд.

В исследовании Л. Р. Гордон по аграрным отношениям в СЗПП чаще, чем у двух других авторов, упоминается этнический и племенной состав. Она дает характеристику пирамидальной социальной системы деревни, сложившейся на крайнем северо-западе Британской Индии. Верхние этажи такой системы занимали, как правило, патаны. Интересно указание автора, что они составляли во многих округах провинции меньшинство (всего лишь до четверти населения), а в целом по региону с учетом полосы горных племен, почти на сто процентов патанских, несколько более половины¹⁷. Остальную часть составляли (многочисленные особенно в округе Хазара) исконные жители-земледельцы, индийцы-мусульмане по вероисповеданию. В городах было много индусов и сикхов, занимавшихся ростовщичеством и торговлей.

¹⁶ Кузьмин С. А. Указ. соч. С.138–139.

¹⁷ Гордон Л. Р. Указ. соч. С. 5, 186.

Из работы Л. Р. Гордон, опирающейся на британские источники, следует, что патаны исторически незадолго до прихода англичан в ходе локальных стычек и завоеваний «наложились» на крестьянское земледельческое население равнинных областей, постепенно подчинили разрозненные местные этнические группы гуджаров, джатов, аванов и др., превратив часть их представителей в зависимых крестьян-райятов (*райят-и-хамсайя*, буквально покровительствуемых крестьян)¹⁸. Еще ниже зависимых райятов находились немногочисленные *гулямы* (личные рабы) и обслуживающий люд, подразделяемый в мусульманском ареале на эндогамные кланы, квази-касты, отличающиеся единством наследственной профессии.

Работу Л. Р. Гордон отличает также внимание к племенному составу патанов, т.е. пуштунов (афганцев), населяющих восточные земли общего ареала их расселения, и отличающихся от западных племен диалектными различиями. Позднее в нашей литературе за ними закрепилось название восточные пуштуны¹⁹. В соответствии с восточным диалектом их самоназвание – пахтуны; отсюда – нынешнее название северо-западной пакистанской провинции – Хайбер-Пахтунхва.

Карты расселения племен патанов, помещенные в книге и составленные вместе с Романом Тимофеевичем Ахрамовичем, являются, по-моему, первыми в литературе на русском языке такого рода картами. А что касается данного в приложении к книге описания важнейших патанских племен, то оно и сегодня может служить основой для сравнения тогдашнего расселения племен и нынешнего их местоположения и номенклатуры. Этот свод сведений предшествует по времени опубликования сводным схемам и информации в «классической» монографии о мифической и реальной истории патанов сэра Олафа Кэрое, занимавшего одно время пост генерал-губернатора СЗПП²⁰.

¹⁸ Там же. С. 21–23.

¹⁹ Темирханов Л. Восточные пуштуны в новое время (этносоциальная характеристика). М.: Наука, 1984.

²⁰ Caroe O. The Pathans, 550 B.C. – A.D. 1957. London, 1958.

В заключение отмечу два момента. Во-первых, удивляет с позиции сегодняшнего дня малое внимание, уделяемое в работах всех трех авторов природно-климатическим особенностям рассматриваемых ареалов, влиянию природных условий на землепользование и устройство хозяйственной деятельности. Во-вторых, из разбираемых исследований довольно ясно следует, что крестьянство разнородно, плохо или совсем не организовано, подвержено разложению, а потому мало оснований для утверждений о нем, как о социально-политической силе, как о едином классе (классе-сословию). Это в полной мере соответствует выше приведенному тезису Л. Б. Алаева, согласно которому некоторое преувеличение ростков капитализма в индийской деревне, наблюдавшееся в период до войны 1941–1945 гг., сменилось в советской послевоенной историографии положением о преобладании феодальных пережитков в деревне и этим обусловленном особом характере крестьянства и деревенских низов. Основное внимание индологов привлекли на этом фоне региональные особенности аграрных отношений.

Л. А. Черешнева*

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ИНДИИ И КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА 1950–1953 ГГ.

Аннотация. *Корейская война 1950–1953 гг., ставшая полигоном столкновения систем в лице США и СССР – КНР, поставила Коммунистическую партию Индии перед выбором: солидарность с коммунистическими державами или поддержка интересов собственного государства? Возможно ли соединение стратегий? В настоящее время в историографии России исследование левых движений несколько заторможено, в первую очередь по причине кажущейся утраты актуальности самого предмета. Многие вопросы сложно отследить в современных отечественных изданиях. Задача настоящей статьи, продолжающей серию публикаций автора по истории КПИ, – охарактеризовать ее позицию в период Корейской войны.*

Ключевые слова: *Коммунистическая партия Индии, Индийский национальный конгресс, Корейская война, Джавахарлал Неру, Аджой Гхош, Пуран Чанд Джоши, Бхалчандра Тримбак Ранадиве, Чандра Раджишвара Рао.*

L. A. Chereshneva**

COMMUNIST PARTY OF INDIA AND THE KOREAN WAR OF 1950–1953

Summary. *The Korean War of 1950–1953, which became a testing ground for the collision of the systems of the USA and the USSR–China, put the Communist*

* Черешнева Лариса Александровна – профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук, chara.62@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-01-00258-ОГН

** Larisa A. Chereshneva – professor, Lipetsk State Pedagogical University, D.Sc. (History), chara.62@mail.ru.

Party of India before a choice: solidarity with the Communist Powers or support the interests of India? Is it possible to combine these strategies? Currently, the study of left movements in India is somewhat slowed down, primarily due to the apparent loss of relevance of the subject. Many issues are difficult to track in today's domestic editions. The purpose of this article which continues the author's series of publications on the history of the CPI is to characterize its position during the Korean War.

Key words: *Communist Party of India, Indian National Congress, the Korean War, Jawaharlal Nehru, Ajoy Ghosh, Puran Chand Joshi, Bhalchandra Ranadive, Rajeshwar Chandra Rao.*

Многочисленные партии и организации колониальной Индии под явным и скрытым контролем британской администрации стали возникать и активно действовать конце XIX – первой четверти XX в. Наиболее авторитетной среди них являлась поликонфессиональная партия Индийский национальный конгресс (ИНК), созданная в 1885 г. Опиравшийся на широкие слои индийской национальной буржуазии, земельной аристократии, интеллигенции, крестьянства и средних слоев города, во главе с такими выдающимися лидерами, как Мохандас Карамчанд Ганди, Джавахарлал Неру, Валлабхаи Патель и другими, ИНК боролся за независимость страны и создание демократической республики. На политической арене заявляли о себе и конфессиональные Всеиндийская Мусульманская лига, индусская Хинду Махасабха, сикхская Акали Дал и другие. На их фоне Коммунистическая партия была образована относительно поздно, в октябре 1920 г. в Ташкенте в среде индийских эмигрантов. В декабре 1925 г. она была воссоздана на объединительной конференции индийских марксистов в Канпуре. Компартия функционировала под эгидой Коммунистического Интернационала и ориентировалась на установки руководства международного коммунистического движения, находившегося в Москве. Она подвергала критике национальную буржуазию, Конгресс, Ганди и гандизм за их ненасильственные методы и сдерживание революции, долго оставалась малочисленной и не пользовалась влиянием. Коммунистическая идеология в Индии очевидно уступала буржуазному национализму в конкурентной политической борьбе.

С началом Второй мировой войны, вслед за Коминтерном, КПИ признала ее империалистической, захватнической и несправедливой как со стороны фашистского блока, так и буржуазных либеральных режимов Запада, и призывала индийцев к «народной войне» против британских колонизаторов и созданию индийской республики по типу советских республик. В итоге британцы объявили КПИ вне закона, многие ее лидеры оказались в тюрьмах. После нападения Германии на СССР стратегия Коминтерна кардинально изменилась: отныне ее задачей стала всемерная поддержка британских военных усилий для разгрома фашизма, а ИНК стал рассматриваться как стратегический союзник на линии единого антифашистского фронта. Опальная КПИ приняла эту новую стратегию. В декабре 1941 г. Генеральный секретарь КПИ Пуран Чанд Джоши заявил: «Мы ни на каких условиях не соглашались участвовать в войне на ее первой, империалистической стадии. Теперь характер войны изменился. Это – народная война в защиту СССР! Всеобщая поддержка ей!»¹. Правительство Индии так оценило свершившуюся с Компартией метаморфозу: «Это – лишь перемена тактики. Основная революционная стратегия КПИ осталась неизменной. Коммунисты готовы сотрудничать, чтобы помочь в разгроме гитлеризма, но они не отказались от главной цели – насильственного свержения британского империализма и установления советского правительства»². Тем не менее, в июне 1942 г. правительство Индии сняло запрет на деятельность КПИ и ее печатных органов. Как справедливо отмечал отечественный историк Г. Г. Котовский, «легализуя Компартию Индии (в 1942 г.), английский империализм ставил сразу несколько задач: во-первых, это был жест в сторону своего союзника – Советского Союза; во-вторых, учитывалась позиция поддержки усилий Англии, которую компартия заняла с началом Великой Отечественной войны; в-третьих, и это, пожалуй, главное, преследовалась цель противопоставить Компар-

¹ Communism in India. Unpublished Documents. 1935–45 // Ed. by S. Roy. Delhi, Calcutta: National Book Agency, 1976. P. 306–307.

² Ibid. P. 310.

тию Конгрессу, внести раскол в освободительное движение и тем самым ослабить его»³.

Во время объявленной Ганди и Конгрессом массовой кампании гражданского неповиновения, так называемой «Августовской революции» 1942 г., КПИ выразила протест против арестов конгрессиистских руководителей и жестокости полицейских при расправах с демонстрантами. Центральный орган партии, «Пиплз Уор» («Народная война»), писала: «Удар по Конгрессу – кульминация преступной империалистической политики удержания нашего народа в подчинении»⁴. Осуждая репрессивные меры властей, критикуя колонизаторов, КПИ демонстрировала антиимпериалистическую направленность своей политики. В то же время она выступила против массовой кампании гражданского неповиновения, считая ее вредной и для национального движения, и для борьбы против фашизма. Она охарактеризовала Ганди и его сторонников в партии как «кучку крикливых патриотов» и подчеркнула: «Это не есть борьба в прямом смысле слова. Это – ряд беспорядочных выступлений распоясавшихся юнцов, подстрекаемых провокаторами и оставляющих за собой следы поджогов и грабежей»⁵. Исходя из новых установок руководство КПИ считало, что «мешать военному производству, портить коммуникации – значит помогать завоевателям, а не сражаться за свободу Индии»⁶.

Окончание Второй мировой войны и рост освободительного движения стимулировали демонтаж колониальной империи Британии. После ухода англичан из Индии, в 1948 г. в КПИ произошли драматические события, вызванные еще одной сменой направления в международном коммунистическом движении. Международное руководство стало рассматривать деколонизацию как благоприятную почву для сплочения коммунистов непосредственно против правительства освободившейся Индии,

³ Котовский Г. Г. Предисловие // Бхатия В. Джавахарлал Неру и становление индийско-советских отношений (1917–1947). М.: Мысль, 1989. С. 10.

⁴ «People's War». 16.08.1942.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

премьер-министра Джавахарлала Неру и Конгресса как «прислужников империализма». Генеральному секретарю Джоши вменили в вину, что он несет личную ответственность за длительный союз с Конгрессом, и в марте 1948 г. он потерял свой пост.

Новым генеральным секретарем стал Бхалчандра Тримбак Ранадиве. С участием КПИ были организованы массовые насильственные протестные движения в Теленгане и других местах. Была ли в 1948 г. некая альтернатива и могла ли Компартия взять власть в Индии? Джавахарлал Неру, одним из первых лидеров некоммунистического мира, осознал возможность мирного сосуществования с социалистическими странами. Он разграничивал жесткий антикоммунизм в своей внутренней политике и сотрудничество с коммунистическим миром – во внешней и высказывался за развитие дружественных отношений с Советским Союзом. Однако насильственные акции КПИ Неру расценивал как воздействие «руки Москвы», выражал недовольство работой первого советского посла в Индии К. В. Новикова, который «не устанавливал серьезных контактов с индийским правительством, а общался, зачастую секретно, с коммунистами Индии»⁷. Еще более решительно против коммунистов был настроен второй человек в правительстве – министр внутренних дел Валлабхаи Патель. Лозунги КПИ о буржуазном характере правительства Неру, о «банде Пателя» и необходимости свергнуть «проимпериалистическое правительство подлинно революционным путем» – вызвали жесткую ответную реакцию властей, находивших, что деятельность КПИ составляла угрозу молодой индийской государственности. Патель предупреждал также и о необходимости укрепления северной границы, опасался коммунистического движения в Китае. Выступления против правительства и лично Неру были жестоко подавлены, в том числе с применением армейских подразделений. Таким образом, к началу 1950 г. положение КПИ было незавидным – крестьянские выступления были разбиты, рабочие не восстали, из партии по тем или иным причинам (вышли или исключены) выбыло две

⁷ Gupta S. K. Stalin's Policy Towards India 1946–53. New Delhi: South Asian Publication, 1988. P. 104–105.

трети ее членов, оставшиеся по большей части сидели в тюрьмах. На общенациональном уровне деятельность КПИ была ещё разрешена, но правительства почти всех штатов Индии запретили деятельность партии. Аджой Гхош и Шрипад Данге, старые партийные лидеры, начали требовать смещения Ранадиве, пока тот окончательно не привел партию к гибели. В итоге Ранадиве сместили, и в 1950 г. его сменил Чандра Раджишвара Рао. В феврале 1951 г. Москва рекомендовала КПИ забыть о немедленной революции, смягчить риторику в отношении правительства, искать союза с другими «прогрессивными силами» для окончательного вытеснения колониализма⁸. Прежний курс был назван «левацким авантюризмом»⁹. Вооружённая борьба была окончательно свернута, в 1951 г. новым генеральным секретарем был избран лидер «умеренных» Аджой Гхош. Тогда же на всеиндийской конференции была принята программа партии. В программе отмечалось, что хотя КПИ и имеет своей целью построение в стране социалистического общества, однако на данном этапе, ввиду отсталости экономического развития Индии, видит свою главную задачу в борьбе за искоренение остатков колониализма и феодализма, за осуществление неотложных социально-экономических преобразований в интересах народа. Был взят курс на создание единого демократического фронта и поддержку прогрессивных преобразований правительства независимой Индии. КПИ испытывала также мощное воздействие китайского опыта, победоносного шествия Компартии Китая и прихода к власти Мао Цзэдуна. Бывший генсек КПИ Джоши заявлял: «Давайте учиться на примере китайской революции. Мы – два крупных государства Азии, поэтому у нас много общего, и нам есть чему поучиться и чем поделиться друг с другом ... Современная Индия – это воплощение реакционной идеологии гандизма. Изучая ход освободительных движений Индии и Китая, неизбежно приходишь к выводу о том, что буржуазный национализм заканчивается компромиссом с империализмом ... Величайший урок

⁸ National Archives of India (NAI). Ministry of External Affairs. Branch R. and T. File. No. 88-R. and T. P. 105–106, 132.

⁹ Ibid. P. 106.

китайской революции заключается не в ее механическом копировании, а в изучении наших собственных национальных особенностей. Мао дает образцовый пример творческого применения российского пути, и, таким образом, развивается истинно китайский путь»¹⁰. Новый партийный лидер Аджой Гхош и его соратники также подчеркивали, что «наша революция это демократическая революция, ядро которой – аграрная революция ... Эта революция должна происходить под руководством рабочего класса и его партии, в союзе с крестьянством, всеми антиимпериалистическими силами, включая национальную буржуазию. Эта революция будет развиваться по китайскому пути ... мы будем не слепо копировать опыт Китая, а учитывать индийскую специфику»¹¹.

Таким был исторический фон для КПИ, на котором развязалась Корейская война 1950–1953 гг. Причиной войны стал раскол Кореи, произошедший после разгрома Японии союзными державами США и СССР в августе 1945 г., сообразно зонам влияния их вооруженных сил. Его логическим следствием явилось провозглашение в 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и Республики Корея (КР). Каждая из них объявила себя единственно законной, представляющей весь корейский народ, а другую считала незаконной, марионеточной и т. д. Война между ними началась с целью объединения Кореи в единое государство. В течение нескольких дней она переросла в крупный международный конфликт, в орбиту которого были вовлечены десятки стран и в первую очередь Соединенные Штаты Америки, Советский Союз и Китайская Народная Республика. Это была одна из первых войн эпохи «холодной войны» и формировавшегося биполярного мира. В задачу настоящей статьи не входит изложение истории этой войны, однако узловые моменты не могут быть обойдены вниманием.

¹⁰ People's "Warrior": Words and Worlds of P. S. Joshi. New Delhi: Tulika Books, 2014. P. 195–197.

¹¹ Documents on History of the Communist Party of India. Ed. by M. B. Rao. New Delhi: People's Publishing House, 1976. P. 959, 970–971.

Военные действия по оперативно-стратегическим результатам можно разделить на четыре периода:

- первый (25 июня – 14 сентября 1950 г.) – переход северокорейскими войсками 38-й параллели и развитие наступления до р. Нактон-ган;
- второй (15 сентября – 24 октября 1950 г.) – контрнаступление многонациональных сил ООН и выход их в южные районы КНДР;
- третий (25 октября 1950 г. – 9 июля 1951 г.) – вступление в войну китайских народных добровольцев, отступление войск ООН из Северной Кореи, боевые действия в районах, прилегающих к 38-й параллели;
- четвертый (10 июля 1951 г. – 27 июля 1953 г.) – боевые действия сторон в ходе переговоров о перемирии и окончание войны.

Администрация президента США Г. Трумэна расценила действия КНДР как агрессию, а начавшийся вооруженный конфликт – как посягательство на американские интересы в восточноазиатском регионе и буквально с первых дней войны предоставила свои вооруженные силы для поддержки Республики Корея. Военное руководство США понимало, что режим Ли Сын Мана не смог бы самостоятельно отразить агрессию КНДР и предотвратить образование на Корейском полуострове единого государства во главе с Ким Ир Сенем, дружественного СССР. Что касается СССР, то первоначально использование советских войск в Корейской войне не предполагалось. В Кремле понимали, что прямое участие Вооруженных Сил СССР вызовет негативную реакцию в США и в мире. Более того, Москва располагала информацией о том, что вторжение армии Северной Кореи на территорию Южной будет рассматриваться в европейских кругах как прелюдия аналогичному наступлению СССР в Западной Германии. Исходя из этого, руководство СССР с началом войны в Корею сделало четкую установку на ее ведение силами Корейской народной армии с привлечением ограниченного числа советских военных советников. Однако допустить захвата Соединенными Штатами территории КНДР, что обеспечило бы выход

не только к сухопутной границе дружественного СССР Китая, но и непосредственно к советской границе, – в Москве не могли. К тому же, победа Соединенных Штатов серьезно изменила бы военно-стратегическую обстановку на Дальнем Востоке в пользу США. Потому вмешательство СССР было предрешиено¹². Опосредованное столкновение двух главных игроков биполярного мира стало неизбежным.

По инициативе Белого дома 25 июня 1950 г. срочно собрался Совет Безопасности ООН в Нью-Йорке и рассмотрел проект резолюции, представленной США и призывавшей к коллективным действиям против «неспровоцированной агрессии» КНДР и к немедленному прекращению огня северными корейцами. Против формулировки «неспровоцированная агрессия» выступили представители Великобритании, Франции, Египта, Норвегии и Индии. Свою позицию они объяснили тем, что в Корее началась гражданская война, и поскольку на протяжении многих месяцев мир нарушался обеими сторонами, говорить о «неспровоцированности агрессии» неправомерно. Однако эта поправка была отвергнута Генеральным секретарем Трюгве Ли и Чарльзом Нойесом, представителем США. Первоначальная резолюция, предложенная американцами, была принята девятью голосами «за» при отсутствии «против»¹³. Представитель Югославии воздержался, а советский представитель Яков Малик отсутствовал. По указанию Москвы он бойкотировал заседания Совета Безопасности из-за отказа признать коммунистический Китай вместо националистического правительства Чан Кайши. 30 июня президент Трумэн подписал приказ об использовании в Корее фактически всех видов американских вооруженных сил: сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил и об установлении морской блокады КНДР.

7 июля по требованию американского представителя было созвано экстренное заседание Совета Безопасности, на котором

¹² См. подр.: Гаврилов В. А. Киссинджер: «Корейская война вовсе не была кремлевским заговором...» // Военно-исторический журнал. 2001. № 1. С. 31–41.

¹³ United States Department of State Foreign Relations of the United States, 1950. Korea. Volume VII. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1950. P. 139–140.

была принята новая резолюция, вновь предложенная США, призывавшая членов ООН оказать срочную военную помощь Южной Корее¹⁴. При этом была полностью проигнорирована позиция Комиссии ООН по Корее (UNСOK), которая рекомендовала переговоры как единственно правильное средство разрешения ситуации. Решение Совета Безопасности поддержали 53 государства. Кроме США в состав многонациональных сил (MHC) ООН для ведения войны на Корейском полуострове вошли ограниченные контингенты 15 стран, связанных союзническими или экономическими соглашениями с Вашингтоном. Две трети войск ООН составляли американские военнослужащие. От Индии прибыли медицинские подразделения. Решения, принятые на заседаниях Совета Безопасности, вызвали негативную реакцию Советского Союза. Большинство стран социалистического лагеря также выступили с заявлениями, осуждающими агрессивные действия Соединенных Штатов.

Успех Корейской народной армии (КНА) на первом этапе войны был несомненным, к концу лета 1950 г. она сумела захватить почти всю территорию Южной Кореи. На втором этапе войны MHC ООН остановили и отбросили ее наступление. Под влиянием И.В. Сталина и исходя из собственных интересов, на совещании Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, состоявшемся 4–5 октября 1950 г. в Пекине, было принято решение о направлении китайских войск в Корею, для помощи КНДР. 8 октября председатель Народно-революционного военного комитета КНР Мао Цзэдун отдал приказ о создании Корпуса китайских народных добровольцев под командованием Пэн Дэхуая¹⁵. К этому времени при штабе Объединенного командования, созданного из представителей КНА и Народно-освободительной армии Китая (НОАК), стала работать группа советских советников во главе с заместителем начальника Генштаба генералом армии М. Захаровым. Она была направлена в Корею из Китая с целью оказания помощи главному командованию

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 105–106.

КНА. Помимо советников, поочередно сменяясь, в Корейской войне приняли участие около 40 тыс. советских военнослужащих. Вступление в войну «китайских добровольцев», данные о численности которых колеблются вокруг 1 млн человек, и советская помощь, в первую очередь высокопрофессиональными авиационными и зенитными подразделениями, обеспечили безрезультатность действий войск ООН в Северной Корее. К лету 1951 г. возникла патовая ситуация: позиционный характер боевых действий не позволял ни одной из сторон добиться решающего успеха. Смерть И.В. Сталина и смена руководства США и СССР в 1953 г. привели к изменению политической обстановки в мире. 27 июля 1953 г. между КНДР и Южной Кореей было подписано перемирие.

Корейский кризис дал возможность Компартии Индии провести всестороннюю и серьезную оценку внешней политики Индии, а также критически оценить роль ООН в кризисе, который стал первым крупным конфликтом с момента ее создания. Индийское правительство Джавахарлала Неру поддерживало партнерские отношения с США, Индия являлась членом Содружества наций (объединявшего британские доминионы и бывшие колонии), имела дружеские отношения с СССР. Однако, по словам первого посла СССР в Индии К.В. Новикова, по большинству вопросов индийское правительство «стояло на позициях англо-американского блока»¹⁶. Это, по его мнению, сокращало базу для возможного сотрудничества Индии и СССР. Заверения первого посла Индии в СССР Виджайи Лакшми Пандит и самого Неру о том, что индийское правительство в отношении англо-американского блока и СССР проводит политику «нейтралитета», Новиков назвал «пустой болтовней»¹⁷. Основываясь на постоянной поддержке СССР колониальных и зависимых стран, индийское правительство всячески рассчитывало на его помощь в Совете безопасности ООН по кашмирскому вопросу. Однако когда СССР предложил эту поддержку, при условии, что Индия

¹⁶ АВП РФ. Ф. ОЮВА (090). Оп. 7а. П. 12. Д. 13. Л. 204.

¹⁷ Там же. Л. 205.

откажется поддерживать американцев в Корейской комиссии ООН, индийское правительство заявило, что Корея не входит в сферу прямых интересов Индии, и поэтому оно не считает нужным менять свою позицию в Корейской комиссии¹⁸.

Открытая ориентация на Запад, обеспечившая моральную поддержку Индии в пользу США, вызвала широкое возмущение в рядах КПИ. Индия в ее глазах прямо примкнула к англо-американскому блоку 27 июня 1950 г., когда поддержала резолюцию ООН о признании КНДР агрессором. КПИ находила юридическую силу этой резолюции весьма сомнительной, так как она принималась в отсутствие СССР и коммунистического Китая при голосовании по этому вопросу¹⁹. Однако, когда 7 октября 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН принимала резолюцию, уполномочившую генерала Макартура вторгнуться в Северную Корею, Индия воздержалась. Правительство Неру было обеспокоено тем, что это может спровоцировать негативную реакцию КНР, повлиять на индийско-китайские отношения. Это «своеволье» стало началом разногласий между Индией и США.

КПИ горячо приветствовала несогласие индийского правительства поддержать американские инициативы об объявлении Китая агрессором и организации эмбарго после ввода его «добровольцев» в КНДР²⁰. В заявлении ЦК партии говорилось: «КПИ приветствует прямой отказ премьер-министра Неру ... присоединиться к американскому плану развязывания третьей мировой войны на азиатской земле путем определения народного Китая как агрессора»²¹. Притом КПИ немедленно подвергла Неру критике, когда, в марте 1951 г., Индия без колебаний по предложению США подписала Пакт о взаимной помощи в области обороны.

Изменения в позиции Индии были замечены в Москве.

9 сентября 1950 г. второй посол Индии Сарвепалли Радхакришнан был принят министром иностранных дел СССР

¹⁸ Там же. Л. 211.

¹⁹ Mukerjee H. Lok Sabha Debates. Vol. 34. September 17, 1953. Col. 4025.

²⁰ People's Democracy. 08.05. 1966.

²¹ CPI Welcomes Nehru's Stand on Peace // Crossroad. 02.02. 1951.

А. Я. Вышинским. Он предложил сформировать своего рода Международную комиссию, например, из представителей Великобритании, США, СССР, Народной Республики Китай, Индонезии и Индии для осуществления административного управления и полицейского надзора в Корее в течение 3 или 6 месяцев, организовывать там свободные выборы, затем сформировать правительство и уйти. На это Вышинский заметил, что США никогда не согласятся участвовать в работе комиссии, в которой они не были бы в большинстве, и даже шокировал посла следующей тирадой: «Если Америку разозлить, она может “поэкспериментировать” с атомными бомбами в Корее»²². Невзирая на то, что президент Трумэн объявлял о готовности использовать ядерное оружие в Корее, Радхакришнан исключил такой сценарий в принципе, считая, что мир и народы США восстанут против такого «зверства»²³. Взвешенная и гибкая позиция правительства Неру стала импонировать советскому руководству, лично Сталину.

В ходе внешнеполитических дебатов 1952 г. Неру осудил готовность США применять все виды оружия, в том числе атомное и бактериологическое, напалмовые бомбы в Корее, однако он не взял на себя никаких конкретных обязательств. Он не согласился отозвать индийское медицинское подразделение из Южной Кореи и высказать протест против зверств в тюрьмах Кодже и других американских эксцессов в Корее. КПИ с горечью осудила Неру за это. Голосование представителя Индии в Генеральной Ассамблее ООН в пользу США (38 «за» и 11 «воздержавшихся» из 51) было открыто расценено ею как прозападная позиция²⁴. Неру активно участвовал в дипломатическом приближении мира, это был первый серьезный опыт реализации его курса неприсоединения к военно-политическим блокам. Официальный Дели мог быть удовлетворен той ролью, которую он сыграл в предотвращении более широкомасштабной войны. К. П. Ш. Ме-

²² NAI. Government of India. Ministry of External Affairs. Europe and Pakistan Division. 1950. Branch: Europe II. File No. 1/42 EUR. II / 50. P. 23.

²³ Ibid.

²⁴ Gopalani M.K. Lok Sabha Debates. Vol. 4. 19.05.1952. Cols. 92–93.

нон, посол в СССР в 1952–1961 гг., заметил позже о Корейской войне: «Учитывая чудовищную форму, которую теперь принял китайский Левиафан, можно сказать, что Даллес пытался дать Китаю пощечину, когда тот был еще слаб ... Но Китай и СССР были тогда самыми стойкими союзниками, и ясно, что СССР бы не бездействовал, если бы Китай подвергся нападению»²⁵. Акценты не нуждались в комментариях: оценив риски для независимой Индии, официальный Дели счел КНР (при ее союзе с СССР) наиболее весомым потенциальным вызовом для суверенитета страны.

Таким образом, невзирая на то, что политические цели КПИ и правительства Неру не совпадали, и что – при всех метаморфозах под эгидой руководства международного коммунистического движения, индийские коммунисты стремились к установлению своей власти в Индии, – они солидаризировались с Неру, когда дело коснулось вероятного обострения индийско-китайских и индийско-советских отношений. КПИ нашла такую политику правительства, нацеленную на достижение равноудаленного положения между Вашингтоном и Москвой-Пекином, вполне оправданной. КПИ поддержала Неру в отказе посылать воинские контингенты в Корею, в согласии Индии с претензиями КНР на Тайвань и на ее принятие в ООН в качестве единственного законного представителя китайского народа, в решении не участвовать в конференции в Сан-Франциско по заключению мирного договора с Японией, так как права КНР в ООН все еще не были юридически закреплены.

Для молодой суверенной Индии в Корейской войне было бы лучше всего остаться абсолютно нейтральной. Но реалии поставили ее перед необходимостью вмешаться. Опыт сразу доказал, что позиция нейтралитета не сочетается с активным сотрудничеством с одним блоком биполярного мира. Это противоречило самой идее неприсоединения. Требовалось выравнивание. Компартия Индии в период Корейской войны продемонстрировала зависимое следование международным коммунистическим приоритетам, при всем том поддержала и собственное правитель-

²⁵ The Hindustan Times. 27.12.1965.

ство Неру в момент, когда его внешнеполитическая стратегия в корейском вопросе стала сугубо прагматической, национально-ориентированной, безотносительно решений англо-американского блока и ООН. Иными словами, когда правительство бывшей британской колонии стало действовать по старому принципу Даунинг-стрит: «нет союзников, есть национальные интересы». Это было дискретное совпадение практического коммунизма и буржуазного национализма – этюд в корейских тонах.

Ф. Н. Юрлов*

КОНСТИТУЦИЯ – ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ. ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

***Аннотация.** В советской/российской историографии прослеживаются по крайней мере два подхода к вопросам и проблемам, связанным с выработкой и действием Конституции Индии. Первый – леворадикальный (социалистический), который был представлен Джавахарлалом Неру, и второй – правый, консервативный, который олицетворял Патель. Результатом этого стала борьба в Учредительном собрании (1946–1949), которая завершилась компромиссом. Идея о создании социалистического государства в Индии отошла на задний план. Вместо нее были приняты предложения об экономической демократии и социально-экономической и политической справедливости.*

***Ключевые слова:** Конституция Индии, Учредительное собрание, социальная справедливость, Неру, Амбедкар, Патель.*

F. N. Yurlov**

THE CONSTITUTION OF INDIA – FROM THEORY TO PRACTICE

***Summary.** The Constitution of India was created by Indians who used the experience of different countries and specific Indian historic and socio-cultural features. It was discussed in an atmosphere of openness and struggle among different opinions in the course of three years. The Constitution declares India a sovereign socialist secular democratic republic that secures to all its citizens*

* Юрлов Феликс Николаевич – главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, доктор исторических наук, efbelbars@mail.ru

** Felix N. Yurlov – chief research scholar, D.Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS, efbelbars@mail.ru

social, economic and political justice, liberty of thought, equality of status and of opportunity. It promotes among them fraternity assuring the dignity of the individual and the unity and integrity of the Nation. In 1971 the Constitution was amended to enable Parliament to change the Constitution. Since then the Constitution has been amended more than one hundred times. One of the main tasks of the Indian State was the preservation of territorial unity of the country. The Indian Constitution does not allow the states to separate from the Indian Union. According to the 1963 amendment of the Constitution, any action, speech, as well as a creation of parties and organizations, whose aims may be considered as directed to the separation from the Union, are viewed as non-constitutional. The danger of separatist movements was evident from the very inception of the Indian Union. But not a single attempt to this end succeeded. In case of a threat to the unity of the country, the Centre has all the constitutional instruments to prevent it.

Key words: *Constitution of India, Constituent Assembly, social justice, Nehru, Ambedkar, Patel.*

В советской/российской историографии прослеживаются по крайней мере два подхода к вопросам и проблемам, связанным с выработкой и действием Конституции Индии. Первый – леворадикальный (социалистический), который был представлен Джавахарлалом Неру, и второй – правый, консервативный, который олицетворял Валлабхай Патель. Особую позицию занимал председатель Конституционной комиссии Б. Р. Амbedкар.

Результатом этого стала борьба в Учредительном собрании (1946–1949), которая завершилась компромиссом. Идея о создании социалистического государства в Индии отошла на задний план. Вместо нее были приняты предложения об экономической демократии и социально-экономической и политической справедливости.

Конституция Индии была выработана индийцами с учетом опыта многих стран и специфических индийских исторических и социально-культурных особенностей. Обсуждение конституции проходило в условиях открытости, жестких дискуссий и борьбы разных мнений в течение трех лет, завершившихся принятием конституции в ноябре 1949 г. и ее введением в действие 26 января 1950 г. Конституция учреждала Индию как суверенную демократическую республику, призванную обеспечить социальную, экономическую и политическую справедливость, сво-

боду мыслей, выражения мнений, вероисповедания и единство нации.

Почти в то же время, например, Конституция Японии, вступившая в силу в мае 1947 г., была подготовлена американцами, и любая поправка к ней в парламенте Японии подлежала одобрению американцев. Это связало все будущие действия японцев, особенно в сфере обороны. В этой же связи упомянем Конституцию РФ, которая была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Но она не обсуждалась в представительном законодательном органе – учредительном собрании, который не был создан для этой цели, или парламенте.

На более позднем этапе развития государственности Индии в конституцию страны в 1971 г. была внесена 24-я поправка (статья 368), которая предусматривала возможность изменения конституции парламентом страны, и для этого была выработана процедура. К тому времени уже были внесены изменения в основной закон страны путем президентских указов. Таким образом, можно утверждать, что Конституция Индии никогда не была «священной коровой».

Советские/российские исследователи внимательно следили за событиями, связанными с выработкой, принятием и изменениями в Конституции Индии в ходе социально-политического и экономического развития страны. Характерно, что интерес к Конституции Индии проявили как правоведы, так и историки-индологи. Среди них В. А. Мамаев, О. В. Мартышин, Э. Н. Комаров, Г. Г. Котовский, М. А. Плешова, А. И. Чичеров, Е. Н. Ходатенко и другие. И сегодня Конституция Индии является предметом активного критического изучения, как в самой Индии, так и за ее пределами.

Неру и его концепция конституции

Первым главным шагом на пути развития независимой Индии стало принятие ее конституции. Концепция Конституции Республики Индия была изложена в «Резолюции о целях», предложенной Неру и одобренной Учредительным собранием 31 января 1947 г. В ней говорилось, что Индия должна стать суверен-

ной республикой и объединить территории Британской Индии и территории княжеств, не входивших в ее состав. Объединение должно произойти на добровольной основе, степень автономии всех территорий определит конституция. Народу Индии, от лица которого будет осуществляться управление страной, должны быть обеспечены и гарантированы социальная, экономическая и политическая справедливость; равенство статуса, возможностей и прав; свобода выражения мнений, вероисповедания, культов. Необходимые гарантии должны распространяться на меньшинства, районы, населенные отсталыми племенами, на угнетенные и отсталые классы. Должна быть обеспечена территориальная целостность будущей республики. «Резолюция о целях» оказала большое влияние на разработку, обсуждение и принятие конституции¹. До выработки и принятия конституции независимой Индии и избрания новых органов законодательной власти функции парламента страны должно осуществлять Учредительное собрание.

После раздела Индии на Индийский Союз и Пакистан вся единая экономическая система, включая транспортную сеть и ирригационные сооружения, оказалась разорванной. Появились новые вопросы, связанные с миллионами беженцев. Индийский Союз испытывал нехватку продовольствия, а также сырья для ведущей текстильной промышленности. В 1949 г. объем промышленного производства составлял 60–70% от уровня, достигнутого во Второй мировой войне. Резко выросла безработица. Перед правительством стоял вопрос, насколько оно сможет на практике осуществить социалистические идеи, которых придерживались Неру и некоторые другие руководители Конгресса. В Индии социалистические идеи (мы используем этот термин только для обозначения круга идей, так или иначе имеющих отношение к этому направлению общественной мысли) в их разных формах были широко распространены в общественно-политических кругах. Почти все политические силы использовали их в своих целях, поскольку она отвечала интересам большинства населения,

¹ Pandey B. N., ed. The Indian Nationalist Movement 1885–1947. Selected Documents. Delhi: The Macmillan Company of India Ltd., 1979. P. 206–207.

состоявшего из бедных и беднейших слоев. В свою очередь, советский социализм выглядел достаточно привлекательным в глазах индийской политической элиты.

Неру писал, что социализм и марксизм стали символом стремления к социальной справедливости и пользовались огромным влиянием в массах. Человечеству, полагал он, нужна вера в «достойный идеал» для того, чтобы сделать жизнь осмысленной и сплотить всех вместе, нужно «чувство цели», выходящее за пределы материальных потребностей ежедневной жизни².

Но под влиянием Ганди он практически отошел от этой идеи «Если говорить об Индии, – писал он, – то коммунизм и социализм, по-видимому, являются здесь делом далекого будущего»³.

Социалистическая идея для Индии выражалась в социальной справедливости и равенстве, на основе которых, как говорил Неру, можно «покончить с нищетой, массовой безработицей, деградацией и угнетением индийского народа». Он полагал, что Индия «выработает свои собственные методы и может приспособить идею социализма к гению народа»⁴.

Альтернативные идеи развития Индии

Помимо социалистической, в Индии были и другие альтернативные идеи ее развития. Справа их выдвигали партии, которые выступали за создание институтов и механизмов частного предпринимательства, за отказ от лозунгов и программ, ориентированных на достижение социальной справедливости. Влиятельная консервативная группировка в Конгрессе во главе с заместителем премьер-министра и министром внутренних дел Пателем решительно выступила против реализации на практике социалистических идей Неру. В партии сложилось своеобразное двоевластие. Однако после смерти Пателя в 1950 г. среди консерваторов

² Nehru, Jawaharlal. India Today and Tomorrow. New Delhi: Indian Council for Cultural Relations, 1959. P. 5.

³ Ibid. P. 617.

⁴ Nehru, Jawaharlal. India and the World. London: G. Allen & Unwin Ltd., 1936. P. 27, 28.

не нашлось лидера, который мог бы противостоять авторитету Неру. И, тем не менее, он был вынужден учитывать возможности и интересы этой группировки, общую расстановку общественных и политических сил в стране, идти на компромиссы в своей практической деятельности.

Противоречия между Неру и Пателем вновь вышли на поверхность политической жизни более чем через полвека после завоевания независимости страны. Дискуссия о роли этих двух лидеров и отношениях между ними особенно остро разгорелась во время кампании по выборам в нижнюю палату парламента весной 2014 г. В ней противостояли Конгресс и Бхаратия джаната парти (БДП). Руководство Конгресса заявляло, что Пател был лояльным конгрессистом, и у него не было неразрешимых противоречий с Неру. Более того, оба уважали друг друга, и если в чем-то не соглашались, то не по принципиальным вопросам политики, а о том, как и какими способами решать сложные проблемы страны в первые годы ее независимости.

В свою очередь, кандидат в премьер-министры от БДП Нарендра Моди утверждал, что у Пателя были глубокие расхождения с Неру по вопросу о будущем развитии Индии, которая пошла бы по иному пути, если бы премьер-министром был Патель. Естественно, что через 64 года после смерти Пателя и 50 лет после смерти Неру эта дискуссия имела сугубо политический характер.

БДП стремилась создать образ Пателя как исторической фигуры, не только противостоявшей Неру, но и придерживавшейся тех же ценностей, что и эта партия. По мнению лидеров БДП, это могло бы привлечь дополнительные голоса избирателей на выборах в парламент. В этой же связи в штате Гуджарат, где главным министром был Моди, стали сооружать гигантскую статую Пателя, которая была открыта в конце октября 2018 г. Это объяснялось тем, что Патель недостаточно широко представлен в общественном сознании, в то время как Конгресс постоянно использует имена Неру, Индиры Ганди и ее сына Раджива Ганди в пропаганде достижений династии Неру–Ганди⁵.

⁵ The Hindu. 01.11.2013.

При этом БДП резко критиковала введение И. Ганди в 1975 г. чрезвычайного положения, которое сопровождалось насилием, массовыми арестами, что нанесло огромный ущерб ее авторитету. Вместе с тем, в то же время И. Ганди провела несколько поправок к конституции, в том числе 42-ю поправку, характеризующую устройство государства. К формуле «Индия – суверенная демократическая республика» было добавлено – «социалистическая, секулярная». Слово «социалистическая» было обращено к огромным массам бедного населения и подтверждало приверженность Конгресса идеалам социализма и справедливости.

До сих пор ни одно из правительств не предпринимало попыток изменить это положение конституции, что означало бы отказ от идеи социальной справедливости. В свою очередь, идея секуляризма зафиксировала на государственном уровне необходимость регулирования отношений между государством и религиозными общинами в целях сохранения единства страны. Индия формально светское государство, у нее нет официальной религии. Все граждане имеют равные права на свободу совести, вольны отправлять религиозные обряды и исповедовать любую религию или быть атеистами. Конституция не допускает дискриминации граждан по религиозным признакам со стороны государства.

Взгляды Амбедкара на конституционное устройство Индии

Амбедкар получил широкое образование и практические знания не только в Индии, но и в США, Великобритании и Германии⁶. Он придерживался современных взглядов на пути развития человечества, но всем своим жизненным опытом был глубоко связан с борьбой за обеспечение прав социальных изгоев.

Он исходил из того, что в Индии издавна существовал конфликт между религиозной нормой и секулярным законом. Со временем религиозный закон одержал верх над секулярным, что

⁶ См.: Юрлова Е. С. От неприкасаемых к далитам. М.: ИВ РАН, 2003. Глава 3 «Амбедкар – идейный и политический лидер далитов». С. 112–142.

было величайшим бедствием для индусского общества. Своим застоем оно было обязано ортодоксальным представлениям о невозможности изменить этот религиозный закон. Поэтому Амбедкар обращал особое внимание на то, что Конституция Индии могла быть подвержена изменениям, поскольку изложенные в ней принципы являются совокупным мнением всего лишь одного поколения людей.

Демократия, считал Амбедкар, может быть успешной только при условии существования эффективной оппозиции правящим политическим структурам. Он решительно выступал против однопартийной системы власти, полагая, что тоталитарные режимы, создаваемые на однопартийной основе, неизбежно ведут к тирании и злоупотреблениям общественными интересами. Допустить правление одной партии, – писал Амбедкар, – означало бы свести демократию к такой форме, через которую реализуется деспотизм. Подлинной гарантией против деспотизма является создание условий, при которых соперничающая партия получит возможность сместить правящую партию законным путем. Ни одно правительство не должно находиться вне критики. Чтобы государственная власть была демократичной, а не деспотичной, необходимо иметь, по крайней мере, две партии: одну – у власти, другую – в оппозиции. Демократия означает право вето со стороны народа и представительного парламента. Западные формы и методы демократии, по его мнению, нельзя было полностью применить к Индии, поскольку они не могли адекватно учесть социальные противоречия индийского общества, основанного на дифференцированном неравенстве, общества, в котором социальный статус человека определялся его правом по рождению и не зависел от способностей.

Амбедкар выражал сомнение в способности западной демократии решить проблему равенства. Почему демократия оказалась не в состоянии противостоять диктатуре в Италии, Германии, Испании в 1920–1930-х гг., спрашивал он. Политическая структура западной демократии, считал Амбедкар, не выражает подлинных интересов большинства народа, ибо «правители – всегда выходцы из правящего класса, а класс управляемых не имеет ре-

альной возможности стать правящим». Он ассоциировал западную демократию с капитализмом, который, по его мнению, не способен решить насущные проблемы простых людей.

Принципиально важным является положение Амбедкара о том, что политическая демократия, не является самодостаточной, и поэтому должна сочетаться с социальной демократией. Первым условием успешного функционирования демократических институтов должно быть устранение социально-экономического неравенства, создание такого общества, в котором не должно быть класса, обладающего всеми привилегиями, и класса, имеющего только одни обязанности. Но если не будет упразднено противоречие между политическим равенством и социально-экономическим неравенством, те, кто страдают от этого, могут разрушить демократию.

В речи на последнем заседании Учредительного собрания 25 ноября 1949 г., когда был одобрен проект конституции, Амбедкар, как Председатель конституционной комиссии, заявил: «В тот день, когда конституция будет введена в действие, нам предстоит вступить в жизнь, полную противоречий. В политике мы получим равенство, а в социальной и экономической жизни у нас останется неравенство. В политике мы будем признавать принцип: один человек – один голос, и один голос – одна ценность, а в жизни, из-за нашей социально-экономической структуры, продолжать отрицать принцип: один человек – одна ценность... Как долго мы будем мириться с этими противоречиями? Как долго мы будем отказывать в равенстве в нашей социальной и экономической жизни?»⁷.

Борьба в Учредительном собрании

В Учредительном собрании существовали различные точки зрения на будущее Индии и высказывались разные предложения по вопросам устройства страны. Так, оно отклонило предложение о президентской республике в пользу парламентской формы правления. Не получила в нем поддержки идея провозглашения

⁷ Thus Spoke Ambedkar. Selected Speeches. Vol. II. India. Jullundur City-3 (Punjab). Bheem Patrika Publications. 1969. P. 186–187.

Индии теократическим индусским государством, на чем настаивали идеологи индусского национализма. Некоторые депутаты высказывались против введения всеобщего избирательного права, мотивируя это тем, что основная масса населения была неграмотной и нищей. Но это предложение не получило поддержки. Также были отклонены предложения ввести образовательный ценз и предоставить избирательное право только мужчинам. Серьезные разногласия возникли при обсуждении вопроса о форме государственного устройства. В Учредительном собрании было немало сторонников сильного централизованного государства. Тяжелые последствия раздела Британской Индии порождали опасения, сможет ли федерация обеспечить целостность страны. С другой стороны, раздавались голоса в пользу децентрализации и за максимальную автономию для регионов. В конечном итоге возобладало мнение, что федерация необходима, но при этом нужна сильная центральная власть, способная противостоять центробежным тенденциям и обеспечить политическую, социальную и экономическую интеграцию страны.

В январе 1948 г. был опубликован проект конституции. Восемь месяцев отводилось на его обсуждение общественностью страны. С 15 ноября 1948 г. по 17 октября 1949 г. проект обсуждался в Учредительном собрании, статья за статьей. Всего было внесено 7635 предложений и поправок. 26 ноября 1949 г. конституция была принята Учредительным собранием. Таким образом, на выработку и принятие конституции ушло почти три года. После введения в действие Конституции Индии 26 января 1950 г. были отменены Акт английского парламента о независимости Индии 1947 г. и Акт об управлении Индией 1935 г.⁸

Никогда ранее территории, образующие современную Индию, не представляли собой единого социально-экономического и политического пространства, живущего по одним законам и объединяющего различные этносы, религии и культуры. Обсуждение конституции проходило в условиях открытости, жестких дискуссий и столкновений, борьбы разных мнений. Так родилась уникальная в своем роде конституция, по форме и содер-

⁸ Конституция Индии. М.: ИЛ, 1956. С. 395.

жанию во многом отличная от всех до сих пор имевшихся основных законов⁹.

Конституция учреждала Индию как суверенную демократическую республику, призванную обеспечить социальную, экономическую и политическую справедливость, свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов, равенства положений и возможностей, укрепление среди всех граждан братства, достоинство личности и единство нации.

Особенность Конституции Индии состоит в том, что она обращена лицом к человеку, предусматривает защиту прав всех граждан, в том числе наиболее обездоленных, и среди них – членов зарегистрированных каст и зарегистрированных племен.

В руководящих принципах политики государства, которые являются важной частью Конституции Индии, говорится, что государство в пределах своих экономических возможностей примет меры для обеспечения права на труд, образование и государственную помощь в случае безработицы, а также удовлетворительного прожиточного минимума. В отдельной статье записано, что государство проявляет особую заботу в отношении культурного и экономического развития слабых слоев населения и, в частности, зарегистрированных каст и зарегистрированных племен.

В том, что касается защиты прав человека, Конституция Индии удивительным образом перекликается со Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Декларация заявляет о признании внутреннего достоинства, равных и неотчуждаемых прав всех членов человеческой семьи, что является основой свободы, справедливости и мира на земле. Подчеркивается, что все люди имеют право на провозглашенные в Декларации права и свободы без каких-либо ограничений, связанных с расой, цветом кожи, языком, рождением или любым другим статусом. Все имеют право на жизнь, сво-

⁹ Индийский социолог А. Бетей, высоко оценив принятие основного закона страны, заметил, однако, что «конституция может указывать направление, в котором мы должны двигаться. Но как далеко мы сможем продвинуться и с какой скоростью, решит социальная структура». Beteille, Andre. *Constitutional Morality // Economic and Political Weekly*. October 4, 2008. P. 35–42.

боду и безопасность. Никто не может содержаться в рабстве или кабале, быть подверженным унижительному обращению или наказанию.

Конституция Индии предусмотрела сильный центр и пользующиеся реальной автономией штаты. Полномочия центра и штатов были четко разграничены. Во время выработки конституции не могли быть полностью учтены языковые, культурные, социальные и другие интересы многочисленных народов, населяющих различные регионы. Поэтому создатели конституции предоставили широкие полномочия центральным властям по реорганизации штатов и упростили процедуры, связанные с их решением.

После обретения Индией независимости Учредительное собрание продолжило свою работу над конституцией.

Конституция вступила в силу 26 января 1950 г. и на многие годы вперед определила главный вектор развития Индии по демократическому пути, заложила основу системы управления на принципах федерализма. В центре и в штатах устанавливалась парламентская форма правления.

Конституция – основа коренной реорганизации страны

На основе конституции правительство во главе с Неру осуществило коренную реорганизацию всей системы политического устройства страны. В результате произошло распределение полномочий между центром и штатами, были улажены многие спорные вопросы между отдельными штатами, которые были созданы на месте бывших провинций колониальной Индии и княжеств.

После интеграции княжеств в состав Индийского Союза на передний план вышла проблема управления страной, сохранения и укрепления ее единства, без чего невозможно было приступить к решению других проблем. В 1950-е гг. в Индии возобладала идея реорганизации штатов на лингвистической основе. Несмотря на объективную необходимость централизации экономической и политической власти в стране, невозможно было игнорировать тенденцию к децентрализации и регионализму. В 1954 г.

правительством Неру была создана специальная комиссия, в соответствии с рекомендациями которой в 1956 г. была принята поправка к конституции – закон о реорганизации штатов.

В индийском полиэтническом обществе проблема отношений и взаимодействия разных этносов и языков была и остается одной из наиболее сложных. Этот вопрос бурно обсуждался еще в Учредительном собрании. В дискуссии участвовали Ганди, Неру, Патель и другие деятели Конгресса. Было предложено рассмотреть несколько языков в качестве общего языка для страны: английского, хинди, хиндустани, урду, бенгали, телугу и санскрита. В сложных условиях тогдашней исторической и политической обстановки в стране Учредительному собранию удалось добиться консенсуса по этому вопросу.

Одним из основных итогов развития независимой Индии на ее первом этапе стало укрепление страны как целостного единого государства. Важная роль в этом принадлежала демократическим силам, в первую очередь Конгрессу и его правительству во главе с Неру. Создание индийской федерации, налаживание отношений между центром и штатами было абсолютно новым опытом государственного строительства Индии. За чрезвычайно короткий исторический период было немало сделано для консолидации нации и демократизации общественной жизни. Неудивительно, что на этом пути встретились большие трудности, особенно если принять во внимание огромное многообразие языковых, религиозных, кастовых факторов, неравномерность социально-экономического и культурного развития отдельных районов страны.

При всей значимости решения этноязыковых проблем, главным для индийского государства оставалось сохранение территориальной целостности и единства страны. Важным принципом индийской конституции было то, что штаты не обладают правом отделения от Индии. Принятая в 1963 г. поправка к конституции усилила это положение, подчеркнув, что любые действия, выступления, а также создание партий, организаций и ассоциаций, деятельность которых направлена на отделение от Союза, считаются антиконституционными со всеми вытекающими из этого последствиями. Опасность сепаратистских настроений и

движений в Индии существовала с момента ее образования. Однако ни одна попытка отделения от Индии не увенчалась успехом. В случае возникновения угрозы единству страны центральные власти располагали целым набором конституционных мер для борьбы с ней.

В 1947 г. Конгресс принял решение, предусматривавшее создание демократической системы с экономической структурой, которая могла бы обеспечить условия для быстрого развития производства, но не допускала появления частных монополий и концентрации богатства¹⁰. В принятой Конгрессом в 1948 г. по инициативе Неру резолюции по промышленной политике была заложена основа смешанной экономики, в которой при стратегическом контроле со стороны государства частному сектору отводилась большая роль. На государственный сектор в 1948 г. пришлось всего 6% промышленного производства страны.

Правительство Конгресса заявило, что будет осуществлять планирование главных направлений жизни страны, что базовые предприятия должны находиться в руках государства и под его контролем. Одновременно широкое поле деятельности оставалось для частного предпринимательства, которое вместе с тем должно было учитывать цели, выдвигаемые государством.

Неру писал: «В основе нашего плана лежит концепция единства Индии и мощных кооперативных усилий всех ее народов. Следует постоянно подчеркивать взаимосвязь одной части Индии с другой. Если мы будем придерживаться такого подхода, то тем самым поведем борьбу с главной болезнью или слабостью Индии – разделительными тенденциями и узкими, местническими взглядами, которые стоят на пути нашей деятельности. Чем больше мы думаем о сбалансированной картине всей, целой Индии, тем меньше у нас шансов уйти в сторону и попасть на кривые дорожки провинциализма, коммунизма, кастеизма и других разрушительных и разъединительных тенденций»¹¹. Все это

¹⁰ Rao, Ramana M.V. A Short History of Indian National Congress. New Delhi, 1959. P. 255.

¹¹ Nehru, Jawaharlal, Letters to Chief Ministers, 1947-1964 / General Editor G. Parthasarathi. 5 Vols. Vol 3, 1952-1954. Government of India, 1987. Jawaharlal Nehru Memorial Fund, New Delhi. P. 203-206.

привело Неру к концепции среднего пути, которая нашла свое выражение в теории и практике смешанной экономики.

Идея о роли государства в экономическом и социальном развитии была связана не только с предыдущим опытом Неру в вопросах выбора социально-экономического и политического курса, но, прежде всего, с последствиями колониальной эксплуатации Индии, а также с разрушительными результатами Второй мировой войны. В этом отношении Неру не был одиноким в своей вере в то, что только у государства имеются ресурсы и власть, чтобы планировать и управлять стратегией крупных социально-экономических реформ. Это было частью широкого интеллектуального консенсуса в середине XX в., особенно в вопросах послевоенной реконструкции и управления молодыми национальными экономиками после колониального правления. В самой Индии существовала значительная поддержка такого подхода, в том числе со стороны крупного бизнеса, который признавал роль государства в создании жизненно важной инфраструктуры для обеспечения экономических реформ, включая индустриализацию¹².

Конечно, Неру приходилось быть прагматичным и принимать во внимание индийскую реальность, а также учитывать мнение оппозиции внутри Конгресса, которая придерживалась консервативных взглядов.

Парламентская демократия и социализм в Индии

Неру подчеркивал, что выбор парламентской формы правления Индией не был случайным. Он связан с тем, что эта форма государственного управления дает возможность мирного решения проблем¹³.

Один из главных вопросов состоял в том, насколько эффективно парламентская демократия может решать проблемы, воз-

¹² Brown, Judith. Nehru. A Political Life. New Haven and London: Yale University Press, 2003. P. 239.

¹³ Nehru J. Democracy and the Changing World. From Inaugural Address at the Seminar on Parliamentary Democracy. New Delhi. Dec 6, 1957 // Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957 – April 1963. Vol. IV. Delhi: Publication Division, Government of India, August 1964. P. 69–72.

никающие в ходе развития страны. При этом стало очевидно, что политические перемены сами по себе недостаточны. Неру утверждал, что «от политической демократии мы продвигаемся вперед к концепции экономической демократии»¹⁴. Но и политическую демократию вряд ли можно создать без массового образования, полагал он. «В развитых и иных странах полнокровная политическая демократия стала возможной только после того, как образование распространилось в массах в результате экономической революции»¹⁵.

Одна из важных проблем, стоящих перед обществом, связана с тем, что мир движется к все большей централизации (глобализации), но «мы должны следить за тем, – отмечал Неру, – чтобы эта централизация не ограничила и не убила свободу»¹⁶. Вопрос состоит в том, чтобы решить проблему централизации и национальной свободы. Он полагал, что парламентская демократия способна сделать это более успешно, чем другие формы правления, которые ведут к авторитаризму. Поэтому Неру выступал против диктатуры. В целом, по его мнению, парламентская система правления, несмотря на все связанные с ней проблемы, имеет то достоинство, что она способна адаптироваться к меняющимся условиям жизни.

Развивая тему демократии, Неру писал, что обычно под демократией подразумевают только политическую демократию, предоставление каждому право голоса. Это важно и полезно, но этого очень мало, если это право сопровождается голодом и голодной смертью. Поэтому, для того чтобы обеспечить полную демократию, а не только политическую, нужно создать экономическую демократию. Она должна дать возможность огромному числу людей пользоваться благами демократии и получить более или менее равные шансы на прогресс. Политическая демократия неизбежно должна вести к экономической демократии.

Неру считал, что Индия нуждается в промышленной революции. Без модернизации методов производства Индия не смо-

¹⁴ Ibid. P. 70.

¹⁵ Ibid. P. 71.

¹⁶ Ibid. P. 72.

жет производить достаточно, чтобы избавиться от нищеты. При этом планируется равноправное распределение продукта. «Мы не хотим, чтобы доходы от роста производства в Индии попали в карманы лишь немногих людей – писал Неру. – Понятно, что все люди не равны в своих способностях и возможностях. Но каждому должен быть предоставлен равный шанс на работу и развитие. В любом случае, не может быть оправдания для существующего в Индии огромного неравенства в доходах. В широком смысле целью правительства Индии является установление государства благоденствия в обществе социалистического образца, где не было бы колоссального разрыва в доходах, и которое предлагало бы равные возможности для всех»¹⁷.

Говоря о практическом подходе к решению этой проблемы, Неру полагал, что Индия будет продвигаться вперед «по особому пути демократии с большой долей социализма – не доктринарного социализма, а практического, прагматического социализма, который будет соответствовать индийским идеалам и индийским запросам»¹⁸. «Мы намеренно поставили в качестве нашей цели создание общества социалистического образца, – подчеркивал Неру. – Лично я считаю, что жадное к стяжательству общество, которое является основой капитализма, более не соответствует нынешним временам. Мы должны создать более высокий порядок, который соответствовал бы современным тенденциям и условиям, основанный не столько на конкуренции, сколько на значительно более тесном сотрудничестве». «Мы приняли социализм в качестве нашей цели не только потому, что он кажется нам верным и плодотворным, но потому, что нет иного пути для решения наших экономических проблем» ... «Проблема, которая стоит перед нами, состоит в том, чтобы, в конечном счете, изменить образ мысли и деятельности сотен миллионов людей, и сделать это с их согласия демократическим путем»¹⁹.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 152.

¹⁹ Jawaharlal Nehru's Speeches. September 1957 – April 1963. Vol. IV. Delhi: Publication Division, Government of India, August 1964. P. 5.

Реальная жизнь показала, что решение этой гигантской проблемы в индийском обществе сталкивается со многими препятствиями и трудностями. Сегодня, как в Индии, так и во многих других странах, идут поиски «среднего пути» между капитализмом и социализмом с учетом особенностей и специфики отдельных государств. Процесс продолжается, его исход пока неясен. Одно понятно: большую часть населения мира не может устраивать такое положение, когда существует огромное неравенство между богатым меньшинством и бедным большинством.

Г. В. Стрелкова*

ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР И РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация. Отечественная индология до XX в. уделяла основное внимание древнеиндийской литературе, позже – литературе Нового времени и современности. Одним из основных методов исследований был историко-типологический. Фундаментальный труд «История мировой литературы» даёт объективную картину развития индийской литературы от Древности до конца XX в. Исследования индийских литератур демонстрируют литературоведческий анализ, использующий типологический, системно-структурный, историко-теоретический и другие методы, ориентированные на литературный или культурно-исторический контекст. Изучение литературы опирается на перевод источников исследования.

Ключевые слова: индийская литература, литература хинди, чхаявад, региональная проза, литературный перевод.

Guzel V. Strelkova**

STUDIES OF MODERN INDIAN LITERATURE IN THE USSR AND RUSSIA: PAST AND PRESENT

Summary. Russian Indology till the XXth century focused on ancient Indian literature. Only later in the Soviet Union translations and studies of Modern and Contemporary Indian literature started in. One of the main research methods was historical-typological. The fundamental work “The History of World Literature” gives an objective picture of the development of Indian literature.

* Стрелкова Гюзель Владимировна – доцент кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки МГУ, кандидат филологических наук, gstr@mail.ru

** Guzel V. Strelkova – Associated Professor of Indian Philology Department, Institute of Asian and African Studies, MSU, gstr@mail.ru

ature from the Ancient Times to the end of the twentieth century. Studies of Indian literatures demonstrate literary analysis based on the typological, system-structural, historical-theoretical and other methods focused on the literary or cultural-historical context. The study of literature relies on the translation of research sources.

Key words: *Indian literature, Studies of Hindi literature, Chayavad, Regional prose, literary translation.*

Отечественная индология, зародившаяся еще в конце XVIII в., вплоть до начала XX в., как хорошо известно, уделяла основное внимание древнеиндийской литературе на санскрите и пали. Вместе с тем, некоторые российские исследователи проявляли интерес и к более поздней литературе. Это подтверждает пример русского путешественника Герасима Лебедева, который перевёл с бенгальского «Видья Сундар» – вторую, наиболее популярную и по сей день часть поэмы «Оннода монгол коббо» поэта Бхаратчандра Рая, написавшего её в середине XVIII в. Исследования уже по-настоящему современной индийской литературы начались практически лишь в 1920-е гг. Вначале это были рецензии или обзоры, позже Краткие очерки, подготовленные и написанные в основном А.П.Баранниковым. Среди них рецензии на книгу Абдул Латифа Саида «The influence of English literature on Urdu Literature» 1927 г. и на две книги Карма Джавалататты о великих поэтах урду Галибе и Зауке того же года¹. Этот интерес русского индолога к литературе урду не случаен – несколько позже А. П. Баранниковым был написан «Краткий очерк литературы урду», изданный в Ленинграде в 1930 г. Но и литературе хинди тоже было уделено внимание, в частности, написана рецензия на исследование литературоведа Рамачандры Шуклы «Развитие литературы хинди»² (1934). Примечательно, что периодизация истории развития литературы хинди, предложенная Рамачандрой Шуклой, – это Ади калъ («Изначальное время»),

¹ Баранников А. П. (рец.) Abdul-Latif Saiidi. The influence of English literature on Urdu Literature. Carmma Jwaladatt // «Записки Коллегии востоковедов при Азиат. Музее АН СССР». Л., 1927. Т. 2, вып. 1, с. 191-194.

² Баранников А. П. Рамачандра Шукла. Развитие литературы хинди. Ramachandra Shukla, Hindi Sahitya Ka Itihas. Hindi Shabdsagar. Kashi, 1923 // «Библиография Востока». Л. 1934, вып. 5-6. С. 81-84.

Бхакти каль (Эпоха бхакти), Аадхуник каль (Современность), внутри которого выделяются, в свою очередь, Бхаратенду юг (Эпоха Бхаратенду), Дешбхакти юг (Эпоха патриотизма), Чхаявад юг (Эпоха чхаявада), до сих пор используется индийскими литературоведами, когда идёт речь о литературе хинди второй половины XIX – первой трети XX в. Таким образом, начало изучению новых индийских литератур в нашей стране было положено, но требовалось время, чтобы оно стало более серьёзным и основательным.

Кроме названных выше работ интерес представляет то, что еще в 1940 г. некто Е. Львов опубликовал в журнале «Интернациональная литература» небольшую статью «Вопросы индийской литературы», представлявшую собой обзор журнала “New Indian Literature”, издававшегося в Лакхнау. Но в подлинном смысле этого слова, изучение индийской литератур Нового и Новейшего времени началось лишь во второй половине 1950-х гг., после грандиозных перемен и в жизни нашей страны. Можно сказать, что, начиная с декабря 1955 г. (после визита в Индию руководителей СССР Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина), в истории советско-индийских отношений наступила новая эпоха. Одним из подтверждений этого было создание ИВЯ – Института восточных языков при МГУ (с 1972 г. ИСАА) в 1956 г., где с самого начала преподавались индийские языки, в первую очередь, хинди и урду. Конечно, эти языки преподавались и в Московском институте востоковедения (МИВ), и в Военном институте иностранных языков, но в то время, в эпоху Оттепели, для изучения этих языков возникли совсем новые условия. Это отразилось и в том, что в те годы появляются обзоры, рецензии, публикуются тезисы докладов, посвященных индийской литературе, а позже и статьи, написанные на материале индийских литератур – и не только хинди и урду, но и на других индийских языках.

Правда, еще раньше, в 1951 г. индолог-литературовед, специалист по санскритской литературе и священной книге сикхов «Ади Грантх» Игорь Дмитриевич Серебряков написал статью «Современная прогрессивная индийская литература», причём на узбекском языке (опубликовано в Ташкенте, в журнале «Шарк

Юлдуз»). Через три года, в 1954, уже на русском языке, в журнале «Советский Казахстан» опубликована его статья с выразительным названием «Вместе с народом (Заметки о современной прогрессивной индийской литературе)»³.

Тот факт, что именно в среднеазиатских республиках СССР и в Казахстане к индийской литературе проявлялся интерес или же создавались возможности для подобных публикаций, говорит о том, что во многом это определялось государственной политикой, а не свободной волей индологов.

На примере изучения индийской литературы Нового времени и современности можно проследить, как менялся подход индологов-литературоведов к выбору объектов исследования и к самим исследованиям литературных произведений на многих индийских языках. В качестве основного избирался, как правило, историко-типологический метод, при этом в Советскую эпоху большую роль играл и марксистский – «классовый подход», что определяло выбор социологического метода. Это особенно явно проявилось в 1950-1970 гг., так, при выборе исследуемых произведений предпочтение отдавалось «социальной» литературе, часто с коммунистической направленностью. Неслучайно, переводились и исследовались романы и рассказы таких писателей, как Премчанд, Яшпал, Амритлал Нагар, Пханишварнатх Рену, а также и других писателей и поэтов, которые писали преимущественно реалистические произведения и считались представителями прагативада (букв. прогрессивизм). Многие из этих произведений были посвящены жизни простого народа, а также борьбе индийского народа за Независимость. Примечательно, что всего несколько рассказов и стихотворений одного из выдающихся прозаиков и поэтов хинди, основоположника прайогвада (букв. экспериментализм) – литературного направления литературы хинди второй половины XX в., – писавшего под псевдонимом Агьея (Непознаваемый)⁴, были переведены на русский язык

³ См. Библиография Индии. Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР, оригинальная и переводная. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 455.

⁴ Настоящее имя этого поэта и прозаика хинди – Хирананда Саччидананда Ватсьяяна (1911–1987).

лишь в 1970-х гг. К тому времени Агъею и в самой Индии воспринимали как великого писателя, чьи произведения выдвигались даже на Нобелевскую премию.

Среди работ индийских литературоведов предпочтение было отдано книге «Очерк истории литературы хинди» Ш. Чаухана⁵, которая была переведена на русский язык еще в 1960 г. На мой взгляд, она отличается так называемым «вульгарным социологизмом», который был приметой и некоторых других индийских литературоведческих трудов.

Начиная с 1960-х гг., основное внимание современной индийской литературе уделяют советские индологи Евгений Петрович Челышев, Нина Дмитриевна Гаврюшина, Наталья Александровна Вишневская, Владимир Александрович Чернышев, Виктор Иосифович Балин и другие. При этом, насколько мне представляется, изучение древней и средневековой литературы Индии в советские годы было более интересно, а порой и важно, так как в этом случае не требовалось исследования борьбы рабочего класса или необходимости подчеркнуть прогрессивные взгляды автора и т. п. В то же время, интерес к средневековой индийской литературе, которая была преимущественно религиозной, пронизанной чувством бхакти – рамаитского, кришнаитского, шиваитского, давало возможность не только «прикоснуться к экзотике», но и свободно заниматься религиозной проблематикой, что в эпоху победившего атеизма было очень привлекательно. Так, Н. М. Сазанова, долгие годы преподававшая в ИСАА индийскую литературу, специализировалась на поэзии Сурдаса, так же как и Ю. В. Цветков, научный сотрудник Института востоковедения РАН или Н. Б. Гафурова, изучавшая поэзию Кабира.

О высоком уровне отечественного индологического литературоведения свидетельствует, в частности, многотомный фундаментальный труд «История мировой литературы». Основной корпус этой Истории был издан преимущественно во времена СССР. Он даёт достаточно объективную картину развития ин-

⁵ Чаухан Ш. Очерк истории литературы хинди. М.: Издательство иностранной литературы. 1960.

дийской литературы на протяжении веков – от древности почти до конца XX в. Одновременно отечественные индологи-литературоведы, участвовавшие в написании разделов и глав, посвященных индийской литературе, – П. А. Гринцер, А. М. Дубянский, В. К. Ламшуков, Н. А. Вишневская – продемонстрировали важность и значимость индийской литературы в мировом литературном процессе. В этом многотомном труде был подведён своеобразный итог многолетних исследований отечественной литературоведческой школы. Представляется, что как раз к середине 1970-х гг. наступило время обобщения не только индологических, но и востоковедческих исследований в области литературы.

Одну из определяющих ролей сыграла и идея Мировой литературы, согласно которой каждая отдельная литература, будь то Западная или Восточная, проходит сходные этапы; поэтому эти периоды не только относительно европейской, но и восточной литературы называют эпохами Древности, Средневековья, Возрождения, Просвещения. Видимо, многие из нас помнят четырехтомный учебник по литературе Востока, который создавался в стенах ИСАА МГУ преподавателями кафедры литератур стран Азии и Африки. В этом учебнике литературоведы И. В. Боролина, В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Н. М. Сазанова, Л. Д. Позднева и другие, основываясь на идеях и исследованиях Н. И. Конрада и Д. С. Лихачева, писали о Возрождении на Востоке, относя к этой категории, в частности, поэзию бхакти. Так, и в предисловии к коллективной монографии «Изучение литератур Востока. Россия, XX век» Е. П. Чельшев пишет: «Литературы освободившихся от колониальной зависимости стран Азии и Африки не только воспринимают творческий опыт, лучшие достижения мировой литературы, но и сами играют активную роль в её развитии, привнося в него пробуждённую к жизни энергию, новое видение мира. В странах Азии и Африки формируются типологически близкие друг другу либо однотипные культуры, решающими условиями возникновения которых являются, как писал Н. К. Конрад, “вступление разных народов на одну и ту же ступень общественно-политического и

культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется»⁶.

Если остановиться на исследованиях литератур хинди, урду, маратхи, можно проследить, насколько менялся подход к изучаемому материалу. Отечественные индологи-литературоведы, такие как Ю. М. Алиханова, В. И. Балин, А. П. Баранников, Л. А. Васильева, Н. А. Вишневецкая, Н. В. Глебов, Н. Д. Гаврюшина, А. М. Дубянский, Г. А. Зограф, В. К. Ламшуков, А. С. Сухочев, А. А. Суворова, С. Д. Серебряный, Е. П. Чельшев, В. А. Чернышев, С. М. Эминова и другие, прибегали к различным методам. Среди них не только типологический, но и системно-структурный, историко-теоретический, биографический и другие, ориентированные на литературный или культурно-исторический контекст.

В частности, хорошее представление об исследованиях специалистов по литературе урду можно получить, обратившись к очень информативной главе из упомянутой выше монографии «Изучение литератур Востока. Россия, XX век» – «Индоевропейские литературы Южной Азии (вторая половина XIX–XX вв.)». Она написана специалистом по литературе урду А. С. Сухачевым, который даёт краткий, но ёмкий обзор исследований художественной прозы урду, среди них – монография самого А. С. Сухачёва «От дастана к роману», а также работы его соавтора в других исследованиях Н. В. Глебова. Кроме этого, характеризуются также книги и статьи А. А. Суворовой, Л. А. Васильевой, переводивших и изучавших литературу урду XIX и XX вв. Кроме этого, А. С. Сухачёв отмечает и работы индологов, занимавшихся бенгальской литературой – Е. В. Паевской и В. А. Новиковой. К сожалению, эта глава краткая – с 435-й до 456 страниц⁷. Из них шесть страниц занимает библиография, тем не менее, этот обзор даёт определённое представление о том, как шёл процесс изучения современной индийской литературы в нашей стране. Важно отметить, что многие исследователи индийской литературы были одновременно и переводчиками.

⁶ Изучение литератур Востока. Россия, XX век. Редактор-составитель Суворова А. А. М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 7.

⁷ Там же. С. 435–456.

В Таджикистане и Узбекистане были собственные индологические школы и свои специалисты, владеющие хинди и урду, поэтому некоторые произведения индийской литературы, созданные на языках хинди или урду, переводились непосредственно на таджикский и узбекский. На грузинский и некоторые другие языки советских республик переводы делались, как правило, с русского перевода. Это позволило читателям из бывших Союзных республик СССР познакомиться с индийской литературой.

О том, в каких масштабах проявлялся интерес к индийской литературе в СССР, мы можем судить по «Библиографии Индии» издания 1976 г. Этот справочник даёт впечатляющий материал, чтобы составить представление о том, как интенсивно и какими тиражами переводились и издавались переводы не только обязательной в ту эпоху идеологической и политической, но и, в частности, художественной литературы хинди. Как известно, многие специалисты-индологи работали в Институте востоковедения Академии наук СССР, где был открыт отдел «Литературы Индии», который возглавлял ставший впоследствии академиком Е. П. Чельшев. Он сам занимался исследованиями поэзии Сурьяканта Трипатхи Ниралы и Сумитранандана Панта. Им написано много книг, посвященных современной – на ту пору – литературе хинди. Некоторые из них вышли в научно-популярной серии «Писатели и учёные Востока». Они сопровождались переводами стихов этих замечательных поэтов – представителей литературного направления чхаявад. Но переводчиком этой поэзии значился С. Северский, который вряд ли знал язык хинди, он работал по подстрочникам.

Примечательно, что уже в 1958 г. в Издательстве восточной литературы был опубликован сборник статей «Литературы Индии»⁸. Он посвящен обзору преимущественно современной индийской литературы, но включает и «Краткий очерк развития тамильской литературы (до конца XIX века)» И. Смирновой, и статью В. Новиковой «Прозаики современной Бенгалии», и «Два исследования о могольской поэзии» К. А. Антоновой. Таким образом, для переводчиков индийской литературы был соз-

⁸ Литературы Индии. Сб. статей. М.: ИВЛ, 1958.

дан определённый базис исследований этой литературы, возможность отобрать лучшее, наиболее представительное. За год до этого научного издания, в 1957 г. в издательстве Иностранной литературы вышел в свет сборник «Рассказы индийских писателей». В него вошли и рассказы, переведённые с урду (Али Сардара Джафри, Кришан Чандра, Ходжи Ахмада Аббаса), и с хинди (Бхишмы Сахни, Сударшана, У. Ашка, Яшпала). Были представлены и бенгальские новеллисты – это Маник Банерджи, Монодж Бошу, Нараян Гонгопадхъяй, и англоязычная индийская литература (Мулк Радж Ананд), и панджабская (Гурбакш Сингх). Подобные сборники впоследствии достаточно часто издавались в СССР. Среди них «Зов Земли» 1984 г.⁹, в который вошёл и выполненный Н.В. Гуровым перевод небольшого романа «Подсолнухи во тьме» писательницы хинди Кришны Собти, удостоенной впоследствии самой высокой литературной награды Индии Гьян Питх. Примечателен сборник «От океана до Гималаев» (1990)¹⁰, в который вошли повесть «Анаро» писательницы хинди Манджул Бхагат, и роман маратхского писателя Вьянктеша Мадгулкарка «Огненные вихри», и повесть выдающейся писательницы урду Куррат Ул-айн Хайдар «Дильруба». Таким образом, отечественные индологи и переводчики – М. Л. Салганик, А. А. Суворова, Л. А. Кузнецов и многие другие имели возможность познакомить российских читателей с современными произведениями Индии, показать, какие литературные направления там развиваются («женское письмо», литература далитов, в частности).

Среди тех, кто внёс большой вклад в то, чтобы индийская литература XX в. была хорошо известна в СССР, а потом в России, – одна из старейших сотрудниц Отдела литератур Индии Института востоковедения РАН – Нина Дмитриевна Гаврюшина. Она специалист по творчеству Премчанда и автор монографии «Премчанд и роман хинди XX века»¹¹. Эта книга рассказывает об особенностях творчества выдающегося писателя хинди

⁹ Зов земли. М.: Радуга, 1984.

¹⁰ От океана до Гималаев. М.: Радуга, 1990.

¹¹ Гаврюшина Н. Д. Премчанд и роман хинди XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 2006.

и значении Премчанда в наши дни. Н. Д. Гаврюшина была одной из тех, кто поступил на Восточный факультет Ленинградского университета вскоре после Великой Отечественной войны. Одним из её преподавателей был Рахул Санкритьяян – писатель, путешественник, полиглот, автор книги «От Волги к Ганге». Для истории отечественной индологии, да и литературы хинди были бы очень важны воспоминания Н. Д. Гаврюшиной. Ведь она не только училась у Рахула Санкритьяяна, но и встречалась с приезжавшими в Советский Союз выдающимися писателями хинди Джаянендрой Кумаром и Агъеей, сопровождала их в поездке в Ясную Поляну.

В Институте мировой литературы им. Максима Горького долгие годы плодотворно работает Н. А. Вишневская, специалист по эпохе чхаявада, автор книги «Чхаявад и проблемы формирования новой литературной системы поэзии хинди»¹². Она перевела и несколько одноактных пьес драматургов хинди – Упендранатха Ашка, Джаяшанкара Прасада и других, предпослав сборнику «Индийская одноактная драма»¹³ обстоятельное Предисловие. Кроме этого, в соавторстве с Е. П. Зыковой ею написана книга о взаимодействии индийской и английской литератур «Запад есть Запад, Восток есть Восток. Из истории англо-индийских литературных связей в Новое время»¹⁴. На мой взгляд, особенно интересен разбор переложения на хинди пьесы Шекспира «Венецианский купец», сделанный классиком литературы хинди Нового времени Бхаратенду Харишчандрой. В таком варианте «склонения на местные нравы» действие из Европы переносится в Индию, ростовщик-иудей становится джайном, герои приобретают индийские имена и т.д.

В ИМЛИ в 1970-80-е гг. работал и известный поэт, переводчик, специалист по современной поэзии хинди Александр Николаевич Сенкевич, выпускник ИВЯ при МГУ. Его кандидатская

¹² Вишневская Н. А. Чхаявад и проблемы формирования новой литературной системы в поэзии хинди XX века. М.: Наука, 1988.

¹³ Вишневская Н. А. Индийская одноактная драма. М.: Восточная литература РАН, 1964.

¹⁴ Вишневская Н. А., Зыкова Е. П. Запад есть Запад, Восток есть Восток. Из истории англо-индийских литературных связей в Новое время. М.: Наследие, 1995.

диссертация была посвящена исследованиям поэзии Хариванша Рая Баччана, а докторская диссертация «Художественные направления в поэзии хинди (1940-е – 1980-е гг. XX в.)» – исследованиям и характеристике особенностей поэзии Агъеи, Муктибодха и других выдающихся поэтов хинди второй половины XX в. Эта же тема отражена в его книге «Общество. Культура. Поэзия (Поэзия хинди периода Независимости)»¹⁵. Одна из первых книг А. Н. Сенкевича посвящена Хариваншу Раю Баччану¹⁶ и была переведена, в свою очередь, на язык хинди. По словам самого А. Н. Сенкевича, это стало возможно в основном потому, что этот поэт – чхаявадист был близок семье премьер министра Индии Индиры Ганди, которая любила поэзию Баччана.

Можно сказать, что исследования прозы и поэзии хинди способствовали переводам многих произведений этой литературы на русский язык. Большинство литературоведов-индологов одновременно выступают и как переводчики той художественной литературы, которую исследуют.

Большой вклад в популяризацию и переводы современной литературы хинди внесла М. Л. Салганик. Она, в частности, долгие годы работала как переводчик в Союзе писателей СССР и сотрудничала с журналом «Иностранная литература», в котором публиковались её статьи по современной литературе Индии, Пакистана и Бангладеш, переводы произведений писателей хинди, а также англоязычных индийских писателей. Она одной из первых обратила внимание русскоязычного читателя на творчество выдающейся писательницы хинди Кришны Собти, опубликовав в «Библиотеке журнала “Иностранная литература”» перевод её ранней повести «Чертова Митро»¹⁷. Кроме этого, М. Л. Салганик была и членом редколлегии, и переводчиком сборника «Слепой век. Индийская драма XX века»¹⁸, в который вошли в её переводе пьесы Дхармавира Бхарати «Слепой век» и Хабиба Танвира «Чарандас-вор».

15 Сенкевич А. Н. Общество. Культура. Поэзия. (Поэзия хинди периода независимости). М.: Наука, 1989.

16 Сенкевич А. Н. Хариванш Рай Баччан. М.: Наука, 1979.

17 Кришна Собти Чёртова Митро. // Чертова Митро. Мать Пемии. Библиотека журнала «Иностранная литература». М.: Известия, 1984. С. 9–90.

18 Слепой век. Индийская драма XX века. М.: Художественная литература, 1996.

Время 1960–1980-х гг. можно назвать расцветом «русской индологической школы перевода», когда появились большие, а с точки зрения сегодняшнего дня огромные, возможности для знакомства с индийской литературой, переведённой не только с хинди, но и с многих других индийских языков. В те годы существовало несколько издательств (Восточная литература, Прогресс, Радуга, Мир), в которых работали и индийские переводчики, и отечественные специалисты-индологи. Что касается переводов с русского языка на хинди, то предпочтение отдавалось именно носителям языка, которые обычно переводили русскую литературу не с оригинала, а с английского перевода, однако некоторые владели русским языком. Среди них, например, Мадан Лал Мадху, который долгие годы жил в СССР и России. Он переводил и А. П. Пушкина, и многих других русских писателей и поэтов. Некоторые из индийских переводчиков сами были писателями. Один из ярких примеров переводчиков-писателей – замечательный новеллист и романист хинди Бхишма Сахни (1919-2003), который прожил яркую творческую жизнь и воспринимается как продолжатель реалистических традиций Премчанда в литературе хинди. Этот писатель считается представителем литературного направления прагатиवाद (прогрессивизм) и выразителем «социального реализма» в литературе хинди. Несколько лет он был Генеральным секретарём Ассоциации Прогрессивных Писателей Индии (АППИ). С 1957 по 1963 г. Бхишма Сахни жил в Москве, переводил русскую художественную литературу на хинди. В это же время были переведены на русский язык и многие его рассказы, вошедшие в различные сборники, как его авторские, так и коллективные, например, «Гнев всевышнего» или «Робинзоны из Бомбея». Были переведены и опубликованы также повести Бх. Сахни «Окна отчего дома» и «Девушка с делийской окраины» (в оригинале «Басанти»).

Один из плодотворно работавших переводчиков с хинди – Л. Кузнецов, который в 1960-80 гг. перевёл многие произведения литературы хинди, ставшие теперь классическими. Это и «Ложная правда» Яшпала, и рассказы Бхишмы Сахни, и «Гибель великого города» Рангея Рагхава, и «Тёмные закрытые комнаты»

Мохана Ракеша, «Забутые картины» Бхагаватичарана Вармы. Каждое из этих произведений занимало, а некоторые и до сих пор занимают значимое место в самой литературе хинди. Характерно, что в годы после «Оттепели» на русский язык переводились не только уже ставшие классикой произведения индийской литературы, но современные, в самой Индии привлекавшие внимание читателей и литературных критиков.

О каждом из упомянутых переводов можно говорить отдельно, также как и о переводах «анчалик упаньяс», или индийской региональной прозы. Основоположнику этого литературного течения 1950–60-х гг. – Пханишварнатху Рену был верен – как исследователь и переводчик – научный сотрудник Института Востоковедения В. А. Чернышев. Об одном из его переводов я довольно подробно написала в своей статье «Три вопрошения “Третьей клятвы” Пханишварнатха Рену – рассказ, перевод, фильм»¹⁹. Этот замечательный индолог был не только специалистом по диалектам хинди, но и увлечённым собирателем книг²⁰, и талантливым переводчиком и популяризатором индийской прозы. Благодаря этому индологу многие современные писатели хинди стали известны русским читателям. В. А. Чернышев был автором предисловий, переводчиком и составителем нескольких сборников рассказов, среди них «Современная индийская новелла», 1976; «Под рокот мриданга» (рассказы о людях искусства Индии), 1984; «При свете дня, во мраке ночи» (рассказы о городах Индии), 1980 и других. В каждый из этих сборников он обязательно включал рассказы Пх. Рену, и ему посвятил отдельное исследование «Пханишварнатх Рену. Бытописатель индийской деревни»²¹. Кроме этого, в его переводе на русский язык издано главное произведение Пх. Рену – роман «Maĩlaa ancał» («Грязное покрывало»²²), который прославил начинающего писателя и по-

¹⁹ Стрелкова Г. В. «Три воплощения “Третьей клятвы” Пханишварнатха Рену: рассказ, перевод, фильм» // «Востоковедные чтения 2008». М.: ИВРАН, 2009. С. 481–506.

²⁰ Часть своей обширной библиотеки В. А. Чернышев еще при жизни передал Библиотеке иностранной литературы, однако, к большому сожалению, оставшаяся её часть, так же как и его переписка с писателями хинди, были утрачены после его смерти.

²¹ Чернышев В. А. Пханишварнатх Рену. М.: Наука, 1990.

²² Рену, Пханишварнатх. Грязное покрывало. М.: Молодая гвардия. 1960.

ложил начало целому литературному направлению в литературе хинди – «региональному роману» («провинциальному», в терминологии В. А. Чернышёва). Перевёл он и повесть Рену «Заведение»²³, в которой переводчик увидел, несмотря на драматизм сюжета, преобладающее сатирическое начало, с помощью которого автор пытается показать, как тяжело приходится в этом мире чистым и наивным людям. Очевидно, для индолога – специалиста по диалектам хинди особенно привлекательными были народные говоры и выражения. Именно поэтому при переводе на русский язык он порой утрировал «народность» стиля изложения, а какие-либо литературные ассоциации, скрытые намёки – присущее индийской литературе категорию дхвани, то есть скрытый смысл высказывания или стиха, не всегда мог или хотел донести до читателя.

И хотя двумя из основных целей В. А. Чернышёва как переводчика были, на наш взгляд, именно популяризаторская и страноведческая, этот индолог внёс очень большой вклад в перевод на русский язык произведений целого направления литературы хинди второй половины XX в. – региональной прозы. И в истории индологии его имя навсегда связано с Пханишварнатхом Рену, которого он буквально открыл для русских читателей. В связи с этим явно видно, насколько важна роль специалиста, который становится и переводчиком, так как стремится поделиться своими знаниями и глубиной постижения исследуемого литературного материала. Как правило, такая роль недооценивается. Такой литературовед-переводчик часто воспринимается не как творец, а как некий посредник, обладающий определённым навыком, владением иностранным языком и умением более или менее точно передать смысл текста, который он переводит, как правило, на свой родной язык. Очень бы хотелось, чтобы имена наших отечественных индологов-переводчиков были сохранены надолго, а их талант и труд ценили по достоинству, перечитывая их переводы.

В заключении коротко остановимся на изучении и переводах литературы маратхи в нашей стране. Среди индологов,

²³ Рену, Пханишварнатх. Заведение. М.: Известия. 1986.

специализировавшихся на изучении маратхи и маратхской литературы, следует назвать Владимира Калабековича Ламшукова. Он выпускник Ленинградского университета, где учил маратхи под руководством Т. Е. Катениной еще во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Позже он переехал в Москву и работал в Институте мировой литературы и Институте востоковедения Академии наук. Главной сферой интересов В. К. Ламшукова была индийская, и в первую очередь, маратхская литература. Это явно отражено в теме и названии его кандидатской диссертации – «Становление и важнейшие этапы развития маратхской литературы XII в. н. э. – 20-х годов XX века», которая была защищена в 1967 г. В продолжение этой научной работы им была написана книга «Маратхская литература. Краткий очерк», с приложением обширной библиографии. Это книга вышла в 1970 г. в серии «Литературы Востока», издававшейся Институтом востоковедения АН. Кроме этого, перу В. К. Ламшукова принадлежит обстоятельное исследование «Индийский просветитель и романист Х. Н. Апте»²⁴, а также многочисленные биографические статьи, посвященные маратхским писателям. Они вошли в Большую Советскую Энциклопедию, в Литературную энциклопедию, многотомный труд «История Всемирной литературы», а также востоковедные сборники. Среди этих работ выделяются, на наш взгляд, статьи «Ранний маратхский роман и его уроки»²⁵ и «Принцип “подвижной перспективы”»²⁶, а также очерк маратхской литературы, вошедший в Историю всемирной литературы и который не утратил своей актуальности и сегодня.

Есть надежда, что новое поколение индологов-литературоведов, которых у нас в стране, по сравнению с прошлым, гораздо меньше, оценит по достоинству труды своих предшественников и продолжит изучение великой индийской литературы. Для такой надежды есть основания, например, на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета активно преподают и продолжают исследовать индийскую литературу индологи

²⁴ Ламшуков В. К. Индийский просветитель и романист Х. Н. Апте. М.: Наука, 1974.

²⁵ Проблемы индийского романа. М.: Наука, 1974. С. 168–196.

²⁶ Литературы Индии. М.: Наука, 1989. С. 230–245.

разных поколений. Среди них санскритолог В. Г. Эрман, специалист по бенгальской литературе Е. К. Бросалина, исследовательница средневековой литературы эпохи рити С. О. Цветкова, специалисты по современной литературе хинди А. В. Челнокова и Л. А. Стрельцова и некоторые другие. В 2014 г. ими была издана коллективная монография «Очерки истории литератур Индии (X–XX вв.)», в которой даётся обзор «становления и развития важнейших по своему значению и масштабам индийских национальных литератур: литературы хинди, бенгальской литературы и литературы телугу»²⁷. Кроме этого, в монографии даются очерки и древнеиндийской литературы на санскрите, а также приобретающей всё большую популярность не только в самой Индии, но и за её пределами англоязычной индийской литературы. Характерно, что авторы этой коллективной монографии, в частности, бенгалист Е. К. Бросалина и А. В. Челнокова, которая специализируется на современной литературе хинди, активно переводят и англоязычную индийскую литературу. Например, в их переводах на русский язык было опубликовано несколько романов Салмана Рушди.

Московские индологи также продолжают изучение, переводы и популяризацию индийской литературы. Так, Л. А. Васильева, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН – автор нескольких книг, посвященных истории литературы урду. Среди них «Благонравный мятежник. Алтаф Хусейн Хали – поэт-просветитель мусульманской Индии конца XIX – начала XX века» (М.: РИФ «Рой», 1997) и «Становление газели урду. У истоков жанра» (М.: ИВРАН, 2015). Эти научные исследования написаны великолепным литературным языком и дают прекрасное представление об особенностях литературы урду разных эпох.

Один из ярких примеров интереса к литературе – междисциплинарный проект «Под небом Южной Азии» (главный руководитель – д. и. н. И. П. Глушкова). В каждый том, изданный по результатам проведённых в рамках проекта конференций, вхо-

²⁷ Цветкова С. О. (отв. ред.) Очерки истории литератур Индии (X–XX вв.). СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2014. С. 3.

дят не только научно-исследовательские статьи, посвященные главной теме того или иного тома – от изобразительного искусства до хулы и хвалы²⁸, но и переводы художественных произведений, в которых, так или иначе, отражается заглавная тема. Важно и то, что переводы выполняются участниками проекта. Благодаря этим своего рода литературным иллюстрациям к той или иной научной проблеме у российских читателей появляется столь необходимая возможность лучше познакомиться с индийской литературой.

На кафедре индийской филологии Института стран Азии и Африки МГУ также продолжается изучение индийской литературы или же подводятся некоторые итоги предыдущих многолетних исследований. Так, к юбилею Ю. М. Алихановой, замечательной исследовательницы древнеиндийской литературы, в частности поэтического трактата «Дхванья лока» Анандавардханы, драм Калидасы и древнеиндийской поэзии, была выпущена книга «Индийская драматургия. Избранные сюжеты. В честь Юлии Марковны Алихановой»²⁹. В эту книгу вошли дипломные работы, написанные в разное время студентами ИСАА под руководством доцента Ю. М. Алихановой, долгие годы преподававшей в ИСАА историю индийской литературы и литературоведение. Главные авторы книги – Павел Вязников, Екатерина Мельникова, Кирилл Горбатов, учившиеся в ИСАА в 1970–2000-х гг. Жизнь распорядилась так, что никто из этих трёх выпускников по тем или иным причинам не стал продолжать исследования индийской литературы. Тем не менее, их магистерские диссертации, посвященные будь то лирическим пьесам тривандрумского цикла, средневековым драмам Харши или же историческим драмам Джаяшанкара Прасада, несомненно, принесут пользу и знания, они будут интересны не только студентам или ограниченному кругу индологов, но и всем, кто проявляет интерес к Индии, её культуре и истории. Достоинство этого издания заключается и в том, что в Приложении даны пе-

²⁸ Последняя, заключительная, конференция этого проекта «Слуга и хозяин» прошла в 2018 г.

²⁹ Индийская драматургия. Избранные сюжеты. В честь Юлии Марковны Алихановой. М.: Наука – Восточная литература, 2017.

реводы некоторых пьес. Составителем и ответственным редактором этой книги была Т. А. Дубянская, Предисловие написали доц. А. М. Дубянский и доц. Г. В. Стрелкова, также в своё время защищавшие кандидатские диссертации под руководством Юлии Марковны Алихановой. Все они продолжают преподавать, а также изучать индийскую литературу, будь то древнетамильская поэзия, литература хинди Нового времени или же современная индийская литература.

Таким образом, благодаря научно-исследовательским институтам и высшим учебным заведениям в России по-прежнему есть возможности для изучения, переводов и преподавания великой многовековой индийской литературы.

А. В. Иванов*

АНДАМАНСКИЕ ОСТРОВА. ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Аннотация. Работа базируется на недолгом (1 месяц) путешествии автора по Андаманским островам. За время этой поездки удалось увидеть практически все острова, открытые для посещения, собрать новейшую литературу, а также интервью экспертов, тех, с которыми удалось пообщаться. Автор не претендует на оригинальность своего исследования, рассказывая историю колонизации островов, но приводит данные, малодоступные не только в нашей стране, но и за рубежом. Информация, изложенная в статье, в основном справочная, впрочем, мысли относительно возможностей и перспектив полевых исследований, собственные.

Ключевые слова: Андаманские острова, колонизация, ярава, онге, санинелъцы.

Alexey Ivanov**

ANDAMAN ISLANDS. THE HISTORY OF COLONIZATION AND ETHNICAL RELATIONS

Summary. This paper is based on the data, which have been collected during the short survey (1 month) in Andaman Islands. The author has visited almost all islands that are opened for the foreign visitors, have run through the main published literature and picked up a number of expert interviews. The author doesn't pretend to be original telling the story of the colonization, but these

* Иванов Алексей Вадимович – к. и. н., доцент Учебно-Научного центра Социальной Антропологии Российского государственного гуманитарного университета, Alex.freeday@gmail.com

** Ivanov Alexey – PhD, reader at the Department of Social Anthropology at the Russian State University for the Humanities, Alex.freeday@gmail.com

materials are rare and out of reach; they may help to those, who are interested in the ethnic processes on Andaman Islands in particular or in India in whole.

Key words: *Andaman Islands, colonization, Jarawa, Onge, Santilese.*

Андаманские острова – мечта любого этнографа. Здесь до сих пор сохранилась последняя на планете этническая группа, не описанная ни одним исследователем¹; полагаю, любой антрополог втайне мечтает взять штурмом эту крепость, но этот любой, верю, знает, что тайна должна сохраниться, привлекая вновь молодых и смелых. На островах, кроме тех сантинельцев, что не нашли пока своего поэта (в смысле исследователя, ведь до той поры, пока этнография – это субъективная интерпретация, то и этнограф – скорее писатель, чем ученый), есть довольно этнических сообществ, т. н. племен²: это и ярава, мечта туриста, и Великие Андаманцы, почти исчезнувшие, но постепенно возрождающиеся вновь, и онге, одна из самых технологически примитивных групп на свете. Кроме того, здесь существует и довольно пестрая картина колонистов, прибывавших в разные исторические периоды; все эти группы, этнические или корпоративные, находятся в противодействии и делят богатые ресурсы Андаманов так, как могут. Эта статья посвящена истории колонизации островов – автор не проводил своего полевого наблюдения среди перечисленных этнических групп и не собирается, но ради тех, кто способен на это непростое предприятие, и написана данная статья. С трудностями лучше ознакомиться до того, как встретишься с ними лицом.

Мы³ попытаемся охватить период с древности, который малоизвестен (до 1790 г.), и далее до наших дней, постараемся обозначить основные этапы колонизации, дадим информацию о том, чем эта колонизация обернулась в русле взаимоотношений меж-

¹ Аборигены с острова Северный Сантинел (далее в тексте – сантинельцы).

² Этнические группы определяются как «племя» согласно Конституции Индии (1950 г. ст. 342).

³ Я пишу «мы» вместо «я» – здесь нет того, что древние называли бы *pluralis majestatis*; я вижу себя вместе с читателем и выступаю от его лица. «Я – это синтез наших неудач; но синтез частичный. Бойтесь этого слова» (Уэльбек М. Возможность острова. М: Иностранка, 2005. С. 11).

ду этническими группами⁴. В таком историческом подходе есть свои плюсы: рассказывая о бесконечных войнах, не завершившихся до настоящего времени, о взаимоотношениях между колонистами и аборигенами, мы рассчитываем пояснить причины, определившие сегодняшний день. К тому же история – упрямая вещь и очень важна этнографу – те события сформировали настоящее положение дел и создали условия, в которых проведение полевой работы с любой из этнических групп Андаманских островов крайне затруднительно. Вероятно, знание фактов позволит взглянуть на эти солнечные острова под другим углом, и понять, что граница между раем и адом порой остается совсем без охраны.

План статьи прост: во-первых мы сообщим необходимые экологические данные, географию и ландшафт, флору и фауну; во-вторых – аборигенный⁵ этнический состав; и в-третьих – займемся основной темой статьи, т. е. проанализируем перипетии колонизации. Полагаем, история поможет объяснить настоящее; отсюда мы вкратце сообщим об успехах или неудачах работ этнографов и дадим советы тем, кто готов рискнуть. Чем они рискуют, зачем это делать, и что от них, возможно, требуется – необходимо знать, во всяком случае, желательно. Работа этнографа – это лишь вариант труда, и Э. Эванс-Причард⁶, герой антропологии, человек, проживший в поле пару лет с револьвером под подушкой, верил, что любой, «кто не полный идиот, способен провести полевую работу»⁷; тем не менее, исследователь, особенно начинающий, часто сталкивается с проблемами. Знать и предугадывать их важно – возможно, в этом залог успеха в поле; к сожалению, на Андаманских островах речь пойдет в основном о трудностях. Плохих полевых исследований

⁴ Мы будем избегать терминов «народ», «этнос» или «раса» – они расплывчаты и спорны, нам достаточно принципа группы: коллектива, связанного внутренним взаимодействием, пусть и лишь на основе этничности.

⁵ Аборигены (лат.) – от истоков, т.е. коренные жители.

⁶ Э. Эванс-Причард – исследователь нуэров в период их войны за независимость Судана от Британии, гражданином которой он был.

⁷ Evans-Pritchard E. E. Some Reminiscences and Reflections on Fieldwork // *Ethnography*. Ed. A. Bryman. London: Sage Publ., 2001. Vol. 1, p. 71.

здесь намного больше, чем редких удач, и даже великий А. Рэдклифф-Браун, проводивший здесь свою первую работу в начале XX в., потерпел неудачу. К счастью для мировой антропологии, сам он остался жив и вернулся домой, но весь его материал был основан на единственном информанте из бывших заключенных⁸. Обсудим мы и некоторые труды отечественных этнографов, точнее единственную работу, и попытаемся сделать свои выводы.

Андаманские острова. География и Экология

Андаманы – это 325 островов. Самый северный – это Landfall (в 300 км от Мьянмы); самый южный – Малый Андаман (Nutbay). Общая протяженность островов – 464 км; общая площадь – 6 408 кв. км⁹. Лишь на 26 островах проживают люди.

Этимология слова Андаман имеет несколько вариантов: в происхождение названия от имени Хануман верят в основном индуисты; западные ученые считают, что название пошло из Альмагеста Птолемея (II в. н. э.), где острова были названы «Андаман»; китайские и арабские ученые считают, что это монах и путешественник Ицзин (Tsing) в 7 в. н. э. назвал острова «Андабаин». Вероятно, название это местное и путешественники лишь повторили его немного по-своему. Описывал острова и Марко Поло, он использовал название Птолемея и сообщил нам, что лицами жители островов похожи на больших мастиффов, а едят они все, что способны поймать.

Андаманы делятся на три группы – Северный, Центральный и Южный Андаман. Они разделены довольно условно – проливы между ними незначительны и лишь в районе Баратанга, между Северным и Средним Андаманами, есть небольшой паром, на нем минут на десять ходу. Набивается куча людей и пара автобусов, которые поедут дальше; больше им паром не понадобится. Переход на Северный Андаман будет по мостам, и путь уже не так труден – только держитесь на поворотах, их немало. Дорога,

⁸ Kuper A. *Anthropology and Anthropologists: The Modern British school*. London: Routledge and Kegan Paul, 1983. P. 42.

⁹ Данные Wikipedia https://en.wikipedia.org/wiki/Andaman_Islands (Обращение 13.11.2018).

давшийся с большими трудами и, главное, затратами, единственным сухопутный путь через острова (Andaman Trunk Road) – это вам не хайвэй 99. Дорога узкая и разбитая, и к концу пути, устав прыгать к крыше автобуса, любой, вероятно, мечтает о пути назад по морю; во всяком случае, очередь у кассы порта в г. Дигли-пур (самый крупный населенный пункт Северного Андамана) строится уже рано утром, а билеты выкупают за три дня до отправления.

Сами острова холмисты, а их холмы – лесисты; равнинные территории редки. Река здесь одна, на острове Северный Андаман; наивысшая точка – Saddle Peak (738 м) расположена также на этом острове. Основные острова вулканические, и до сих пор острова Norcondum (710 м) и Warren (354 м) сохранили кратеры, на последнем вулкан до сих пор активен и это единственный вулкан Южной Азии. С Олигоцена (ок. 30 млн лет назад) здесь формируются многочисленные коралловые острова, в основном с восточной стороны архипелага. Наиболее известны из них Neil и Havelock, очень популярные среди туристов.

Растительность на всех островах очень богатая и разнообразная. Исследователи выделяют шесть видов лесов, вот три основных:

1) Мангровые заросли по берегам. Представлены семейством Ризафоровые (Rhizophoraceae).

2) Влажные листопадные леса, представлены в основном деревьями Падук (род *Pretocarpus*), Хурма (род *Diospiros*), а также акациями и альбициями.

3) Гиганский вечнозеленый лес – деревья Гурджан (сем. *Dipterocarpaceae*), Пун (сем. *Calophyllaceae*), и семейством Тутовых (род *Artocarpus*).

Есть и промежуточные формы, но главное, что нужно подчеркнуть – растительность здесь великолепная. Таких деревьев не встретишь в Индии вместе – как правило, основные виды давно вырублены на экспорт, и лишь на территории племен¹⁰ мож-

¹⁰ Например, в лесу Наламала на территории штата Андхра-Прадеш, где автору повезло проводить исследование среди этнической общности ченчу в 2009–2010 гг.

но найти многоярусные комбинации. Но там это редкость, в то время как тут – норма.

Фауна характерна для южных морей. Здесь обитают:

1) Макак-крабоед (*Macaca fascicularis*) – до 5 кг, крупный зверь; живет и в Южной, и в Юго-Восточной Азии.

2) Гребнистый крокодил (*Crocodylus porosus*) – до 7 м в длину. Может жить в соленой воде. Распространен в Индонезии и Юго-Восточной Азии, известен как крокодил-людоед. Истинный кошмар этих мест, крокодилы регулярно нападают на купальщиков (в основном на туристов, индийцы, как известно, соленую воду не любят). Особенно часты нападения в районе крупных населенных пунктов, например, возле Порт-Блейра.

3) Дюгонь (*Dugong dugon*) распространен в теплых водах, наибольшая популяция на Барьерном рифе. Занесен в Красную книгу. Редкий вид, почти уничтожен, но, по поверью, приносит счастье – нужно коснуться морской коровы рукой, и будет вам удача.

4) Кожистая черепаха (*Dermochelys coriacea*) – самые крупные на свете черепахи. Длина тела до 2,5 м, масса до 900 кг. Всего несколько мест кладки яиц (Карибское море, восток Австралии и Северный Андаман). Приходят откладывать яйца (как и 3 других вида, меньших по размеру) в районе пляжа Калипур, в 20 км от Диглипура. Там есть специальный пост, и человек с этого поста несколько раз за ночь обходит берег в поисках кладки; если она обнаружена, яйца аккуратно переносят за огражденную бетонным забором территорию и ставят табличку с датой. Маленьких черепах отпускают в море – черепаха всегда вернется отложить яйца туда, где родилась сама.

Птиц, несмотря на утверждение С.А. Маретиной о богатстве этого класса позвоночных на островах¹¹, мало, и в основном это голуби, например вяхирь (*Columba palumbos*), похожий на нашего городского голубя, но это перелетная птица; а также утки, к примеру, зондский чирок (*Anas gibberifrons*). Есть, впрочем, и более экзотические виды, включая один из подвидов птицы-носорога.

¹¹ Маретина С. А., Котин И. Ю. Племена-изоляты (Андаманские аборигены) // Племена Индии. СПб.: Наука, 2011. С. 14.

рога (*Rhyticeros narcondami*), но это эндемик лишь одного острова Norcondum¹².

Кроме перечисленных островов, составляющий т.н. Великий Андаман, есть еще ряд островов, из которых самими известными являются Малый Андаман (Nutbay) и Северный Санти-нел. Первый является родным островом для онге, второй – для санинелъцев, о которых антропологи до сих пор знают так мало, что продолжают спорить об их численности. Впрочем, здесь стоит перейти к людям, населяющим Андаманские острова.

Аборигенное население

Об андаманских аборигенах в мире (как минимум в зоне английского языка) стало известно со времени публикации работы М.В. Портмана¹³, «замирителя аборигенов»¹⁴. Что мы о них знаем точно?

По расовому типу они относятся к редкой в настоящее время группе негритос и схожи с семангами (меник) Малазии и аэта с Филиппин, вероятно, они были одной из первых волн миграций из Африки.

Согласно А. Рэдклифф-Брауну острова заселялись людьми через регион Аракан (Мьянма)¹⁵ и эта точка зрения выглядит более убедительной, чем гипотеза П.С. Датта о заселении островов через Юго-Восточную Азию в начале нашей эры¹⁶. Впрочем, по этому пути заселялись Никобары, и аборигены этих островов (шомпен) относятся по расовому типу к монголоидам, возможно, стремительный Ten Degree Channel был непреодолимой прегра-

¹² Небольшой удаленный от основного архипелага остров, около 4 км в диаметре.

¹³ Portman M.V. A history of our Relations with the Andamanese, II Vol. 1899. http://booksnow2.scholarsportal.info/ebooks/oca2/22/historyofourrela02portuoft/historyofourrela02portuoft_bw.pdf (Обращение 13.11.2018).

¹⁴ Этот смелый моряк прекрасно знал острова и собрал все заметки более ранних исследователей.

¹⁵ Radcliffe-Brown A. R. The Andaman Islanders. London: Fetter Lane, 1922. P. 5. <http://openpress.org.uk/wp-content/uploads/2014/10/Radcliffe-Brown-1922-The-Andaman-Islanders.pdf> (Обращение 13.11.2018).

¹⁶ Dutta P. C. The Great Andamanese Past and Present. Calcutta: Anthropological Survey of India, 1974. P. 33.

дой для людей времени Великих дождей (назовем так плючивальные периоды). Существует еще и теория С.К. Гупты¹⁷ о миграции на острова киратов¹⁸, но она не выглядит достаточно аргументированной.

Четырьмя основными этническими группами островов являются:

1) Великие андаманцы¹⁹ – в момент прибытия первых колонистов²⁰ (1789 г.) по статистике их насчитывалось между 5 000 и 8 000 человек, распределенных между 10 сообществами; в 1981 их уже лишь 28 человек, в 2008 г. – 53.

2) Онге (Малый Андаман) – 107 человек в 1981, но уже лишь 96 в 2001 г.

Это охотники и собиратели с острова Малый Андаман (Nutbay), резервация существует с 1957 г. Вероятно, это самая технологически примитивная группа в Индии. Онге не носят одежду (исключая белую глину для спасения от насекомых и красную – для церемоний, а еще кисточек на поясе), и не строят жилищ. Есть лидеры, хотя они и не имеют права давать команды, но лишь советы²¹.

3) Джарава²² (самоназвание – Анг) – их 266 человек на 2003 г.

4) Сантилези – по разным данным от 39 человек до 80 (точных данных нет).

Это единственная этническая группа на земле, еще не исследованная ни одним этнографом. Живут на острове Северный Сантинел. Первый контакт – март 1867 г. В январе 1880 г. – по-

¹⁷ Gupta S. K. Census of India 1951, Anadaman and Nicobar islands. Delhi: Manager of Publication, 1951. P. 13.

¹⁸ Общий термин в литературе на санскрите для монголоидных народов в Гималаях на Северо-Востоке Индии.

¹⁹ «Великие андаманцы» является переводом с английского языка этнонима Great Andamanese, общего для десяти сообществ.

²⁰ Das H. H., Rath R. The Tribals of Andaman and Nicobar Islands. ND: Ashish Publ. H. 1991. P. 22.

²¹ Ibid. P. 25.

²² Мы используем название джарава вслед за С. А. Маретиной (см: Маретина С. А., Котин И. Ю. Указ. соч.) но лично автору название ярава кажется более подходящим.

пытка М. Портмана установить доверительные отношения, по счастью для островитян неудачная.

Все этнические группы объединяет не только общий расовый тип, но также схожая экономика и социальная структура. Все они охотники и собиратели, и сохранили принцип «достаточной», или субстантивистской²³ экономики. Тропические леса дают возможность существовать без сельского хозяйства, которое, на субъективный взгляд автора, более энергозатратно в данных условиях, чем охота и собирательство; по данным исследователей одна квадратная миля леса способна прокормить двух человек в течение года²⁴. Впрочем, исходя из идеи структуры общества, существование главных вождей (*mac-a-igta*), вождей второстепенных и основного общества (*maiola*)²⁵ говорит скорее о системе редистрибуции (перераспределении), чем о реципрокции (отдаривании), характерной для охотников и собирателей. Если существует перераспределение, то есть и излишки, или те блага, которые можно перераспределить, а наличие излишков указывает уже на более сложную экономическую модель, чем присваивающая экономика; впрочем, мы не будем пытаться показать специалистом в том, о чем достоверно не знаем, и оставим читателю право решить (или узнать об этом) самостоятельно.

Относительно же социальной структуры общества все исследователи, включая С.А. Маретину, к работе которой мы вернемся в заключительном разделе, говорят о доминировании нуклеарной (парной) семьи как основной ячейке общества.

²³ Впервые понятие субстантивизма (дословно – достаточности) сформулировано в 1929 г. австрийским ученым К. Менгером в работе «Основы политической экономики», но более детально разработано венгерским экономистом К. Поланьи в труде «Великая Трансформация» (1944 г.). Это понятие, означающее процесс добычи средств существования в достаточном объеме, противопоставлено рациональному человеку рыночной экономики, всеми путями максимизирующему прибыль от своего труда. Но, вероятно, в этом случае можно сказать, что все современные люди – субстантивисты, и готовы работать ровно столько, сколько считают для себя достаточным, вопрос же, сколько каждому достаточно, диктуется скорее культурой, чем здравым смыслом – кому-то достаточно заработать на бутылку, а кому-то мало и дворца в Монако. Разумеется, спор об этом не входит в задачу нашей статьи.

²⁴ Erickson P., Beckerman S. Population Determinants in the Andaman Islands // Mankind 10 (2). 1975. P. 105-7.

²⁵ Das H. H., Rath R. Op. cit. P. 83.

История топонима и I-й этап колонизации

Как уже упоминалось выше, острова посещали путешественники, и на основании этого Птолемей (2 в. н. э.) внес их в свой атлас, в VII в. здесь побывал китайский монах Ицзин, а в XIV в. – Марко Поло. Посещали острова и малайские пираты, и сохранились свидетельства того, что аборигена можно было приобрести на невольничьем рынке. Со времени Великих географических открытий острова регулярно посещали португальцы, и в 1658 г. сюда попадают собаки, прирученные позже аборигенами²⁶.

Первая попытка колонизации островов англичанами была предпринята в 1780 г., и на тот момент число аборигенов было указано в диапазоне от 5 до 8 тыс. человек. Тогда же состоялся и первый контакт британцев²⁷ с джарава. Известно, что они проявили некоторую готовность к сотрудничеству, видимо, желая привлечь вновь прибывших к войне с племенами Великих Андаманцев, их исконными врагами; так это или нет, окончательно не ясно. Впрочем, ни дружбы, ни тем более военного союза тогда не вышло, а аборигены ретировались обратно в свой лес.

В 1788 г. правительство Бенгалии приняло решение об учреждении колонии-поселения; в 1789 г. А. Блейр организовал первое поселение на острове, названным им Чэтам (Chatham), это один из островов вокруг Порт-Блейра. Вскоре (1792 г.), в связи с планами строительства военно-морской базы в заливе Arig-el Bay, поселение было перенесено на Северный Андаман в район современного г. Диглипур. В 1796 г. из-за высокой смертности от болезней и нападений аборигенов поселение ликвидировали. Оставшихся поселенцев (около 270 человек) переселили на остров Принца Уэльского (ныне Пенанг, королевство Таиланд). Почти на 60 лет контакты прекратились, и лишь доклады о кораблекрушениях и гибели спасавшихся на берегах моряков продолжали поступать регулярно²⁸.

²⁶ Ibid. P. 22.

²⁷ Командовал кораблем лейтенант Арчибальд Блейр, в честь которого названа нынешняя столица островов – Порт-Блейр.

²⁸ Das B. K. Mee Ang: An Ethnographic profile on the Jarawa of Andaman Islands. Kolkata: Balaji Publ. 2016. P. 21.

В 1856 г. капитан Г. Хопкинсон, комиссар британцев в Аракане (Мьянма), настоятельно рекомендовал властям империи приступить к колонизации островов, и уже вскоре, в 1857 г., сразу после восстания сипаев, правительство Британской Индии приняло решение об учреждении новой колонии-поселения²⁹. Нельзя же всех привязать к пушкам Красной крепости... Нужно было найти место, где протестующие смогут изменить свою точку зрения – британцы никогда не уничтожали без смысла тех, кто потом может быть им хоть как-то полезен.

Для нового поселения вновь была выбрана юго-восточная гавань, место первой колонии, и 10.03.1858 г. фрегат «Семирамида» доставил первую партию колонистов: 200 заключенных, 50 охранников и двух врачей; управлять поселением был назначен д-р Джеймс П. Уокер. Вскоре, в связи с низким качеством питьевой воды, губернатор Уокер принял решение перенести поселение на остров Росс, и с начала мая 1858 г. этот остров стал резиденцией британской администрации.

К 1860 г. число заключенных достигло 4495 человек, из которых 1734 умерло от различных болезней, 91 человек был казнен, 379 бежало, и 89 было освобождено³⁰. По условиям заключения после отбытия наказания (10 лет для мужчин и 5 для женщин), освобождённые получали право поселения в деревнях вокруг колонии. На 01.07.1874 численность заключенных составляла уже 7820 человек, из них 895 женщин, 500 супружеских пар с 584 детьми³¹. Поселение росло, и острова осваивались.

В период с 1896 по 1906 гг. была построена Сотовая тюрьма (Cellular Jail), получившая прозвище «Калапани»³². Большинство заключенных тех лет были не солдатами, не пожелавшими кусать патрон со свиным жиром, а новыми борцами за независимость, и многие – членами Индийского национального конгресса. Сейчас эта тюрьма – популярный аттракцион для туристов; поднимаясь четыре этажа по центральной башне, где раньше со-

²⁹ Ibid. P. 22.

³⁰ Ibid. P. 23.

³¹ Ibid.

³² Черная вода, в переводе с хинди.

держалась охрана тюрьмы, вы можете читать долгий список заключенных. Это индийский Вечный огонь – люди внимательно читают фамилии, и нет обычных улыбок, и нет привычного смеха. Самый терпеливый народ на свете понимает, что есть разница между аскетом в пещере и воином в карцере. Как уже было упомянуто, освобожденным после отбытия срока заключения предписывалось оставаться на островах, и наша история о тех, кто вынужден был здесь выживать. К 1926 г. насчитывалось уже 4377 свободных поселенцев³³, расселившихся вокруг тюрьмы в окружении тех, кто справедливо считал эти острова своими.

Первые атаки аборигенов начались с 1859 г. История сообщает о первом нападении островитян: 6 апреля были атакованы 248 заключенных, работавших на расчистке леса. Было много убитых и раненых. Через неделю – новая атака, в ней приняли участие более 1500 островитян. Конечно, британцы отвечали, и скорее всего, довольно жестко. О том, насколько жестко, история молчит, ее ведь пишут победители.

17 мая 1859 случилась битва при Абердине (не путать с Абердином в Шотландии – здесь это название острова в бухте Порт-Блейра). Началась история в апреле 1858 г., когда группа заключенных совершила побег. Они скрывались в джунглях, голодали и отбивались от нападений; известно, что один из них, некто Дудхнат Тивари, бывший солдат 14 пехотного полка, участник восстания, раненным попал к аборигенам, к одному из сообществ великих андаманцев, вероятно, в ака-беа. Его выходили, и около года он жил со своими спасителями, и женился на местной женщине по имени Липа (20 лет), а позже, в обход обычая моногамии, женился вторично на Джиге (Jigah), девушке шестнадцати лет³⁴. Они вместе кочевали и посетили многие соседние сообщества; вскоре он понял, что аборигены планируют нападение. И Дудхнат совершил побег и предупредил англичан. Зачем? Сложно даже угадать, вероятно, это тот тип ума, что подсказывает нам скорее мириться со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться... Наверное, он рассчитывал за-

³³ Das B.K. Op. cit. P. 24.

³⁴ Ibid. P. 26.

служить прощение; получил он его или нет, нам неизвестно, но точно известно, что англичане успели подготовиться к обороне. Число жертв этого боя не указывается, вероятно, что убитых андаманцев было так много, что их даже никто не считал.

После этого сражения наступило затишье. Британцам не нужна была война, им теперь необходимо было сделать что-то для установления мира. Случай подвернулся вскоре. В 1863 г. убили матроса, напавшего на женщину-аборигена в лесу. Убийца матроса, абориген по имени Джумбо, был схвачен англичанами и заключен под стражу, но вскоре отпущен на свободу с разрешением поселиться вместе с женой на острове Росс. Это место было названо «Andaman Home» – дом андаманцев. Для того, чтобы новый дом не выглядел как старый, Джумбо был снабжен солидными запасами, а по несчастью или к счастью, но бог аборигенов научил их делиться друг с другом. Его начали посещать сначала родственники, а после и все подряд.

К 1870 г. было уже несколько таких мест, куда аборигены приходили за подарками от английских властей. Вскоре начались эпидемии, прежде всего андаманцев косил сифилис и туберкулез. Известно, что из 150 детей, рожденных между 1864 и 1870 гг., лишь один смог дожить до 6 лет, но не дольше. Число великих андаманцев, составлявших прежде 10 племен, неуклонно сокращается с каждым годом: из 3500 человек в 1858 г. к 1901 осталось лишь 625, а к 1961 г. – всего 19 человек. В 1970 г. оставшиеся в живых аборигены были переселены на остров Strait island³⁵, где они сейчас могут существовать вне контактов с прочими этническими группами. В 2008 г. их численность составляла 53 чел.

С почти полным исчезновением 10 племен великих андаманцев пришло время джарава появиться на сцене истории. В период с 1890 по 1910 гг. эта этническая общность переселилась с Южного на Средний Андаман, где прежде жили их заклятые враги – племена око-жива, ака-кол и ака-кеде. Они осваиваются в р-не г. Маябандар, где тут же вступают в конфликт с каренами, переселенцами из Мьянмы; число жертв точно неизвестно,

³⁵ Остров в проливе Diligent, несколько километров от поселения Баратанг; между Южным и Средним Андаманскими островами.

но деревня каренов существует здесь и по сей день. Наиболее частые столкновения джарава с колонистами происходили с 1921 по 1924 гг., и тогда аборигенами был убит 21 колонист, а ответными действиями – 37 джарава.

В 1947 г. Индия получила независимость; первые годы автономного плавания были омрачены переселениями, войнами и сепаратизмом территорий, но уже второй пятилетний план развития страны включал в себя создание организации, занимающейся развитием племен. Бесспорно, главная заслуга здесь принадлежит В. Элвину, британскому миссионеру, антропологу-гуманисту, блестящему писателю и государственному деятелю. В 1954 г. он принял индийское гражданство и Дж. Неру назначил его советником по делам племен при правительстве страны; его задачей была разработка программ по развитию сложно определяемой категории населения, тех самых «племен». Стоит учитывать, что ни Неру, ни Элвин не были профессиональными экономистами и их взгляды на будущее страны отражали скорее понятия развития, патриотизма и прав человека, чем четкое понимание будущего; нужно отметить, что два этих государственных деятеля видели и будущее племен несколько различно³⁶. В. Элвин утверждал, что существовавшая система доминантных каст (различающаяся по регионам, но не по сути явления) подавляет и угнетает менее обеспеченное и хуже организованное меньшинство, постоянно посягая на земельные права и культурные ценности; он предлагал создать нечто подобное резервациям для американских индейцев, но лучше и продуманнее. Дж. Неру, владея, видимо, более полной информацией, требовал создания программ по включению довольно многочисленного племенного населения в общий рынок труда и капитала, а также по предоставлении им помощи в адаптации к этой непростой (даже для более развитых обществ) форме взаимодействия. Не вдаваться в детали их конфликта, многократно описанные индийскими исследователями³⁷, сообщим лишь, что в 1957 г. В. Элвин опубликовал книгу «Фило-

³⁶ Rath G. C. Nehru and Elwin on Tribal Development: Contrasting Perspectives // Tribal Development of India. Ed. Rath G. C. New Delhi: Sage Publ. 2006. P. 65.

³⁷ G.C. Rath, R. Guha, H. R. Rattan, M. N. Srinivas и многими прочими.

софия Северо-Восточной Пограничной Службы», а предисловие к ней написал сам Дж. Неру. В нем он сформулировал пять основных принципов, по которым впредь будут строиться отношения с теми, кто в Конституции Индии (1950 г. ст. 342) обозначен как «зарегистрированное племя». Вторым пунктом этих принципов были декларированы права племен на их земли и леса, это было очень кстати для андаманцев.

В 1956 г. появилась демаркационная линия между аборигенами и переселенцами с континента. Число аборигенов на этот момент неизвестно, но колонистов к 1959 г. было уже более 10 тыс. человек (68 деревень). Столкновения, тем не менее, продолжались, и особо ситуация обострилась во время строительства дороги через острова. Всего со времени независимости Индии было зафиксировано 100 инцидентов, в которых погибло 124 человека колонистов и ранено около 60³⁸. Обычно по статистике число раненных всегда больше числа убитых, но джарава, судя по всему, разбираются в этом деле, и колонисты пытались наладить отношения с таким серьезным врагом всеми доступными им способами.

Так в июне 1968 г. двое мальчишек пришли в деревню Кадамтала (Средний Андаман), где были задержаны местными жителями и отправлены в Порт-Блейр, откуда вернулись через месяц с богатыми подарками. В апреле 1974 г. они вернулись в деревню в компании прочих джарава, и после этого случая визиты стали регулярными, что стало раздражать местных фермеров – джарава без всякого спроса обирали их сады и уводили животных, сами же, при появлении фермеров на своей территории, беспощадно атаквали их. Война продолжалась.

В апреле 1996 г. мальчик по имени Энмей был доставлен в госпиталь Порт-Блейра с сильно поврежденной на охоте ногой. Его долго лечили и отпустили назад с подарками. В октябре 1997 он пришел в деревню Уттара-Джетти в компании других джарава, произошел обмен подарками и долгожданное примирение. Впрочем, нападения на фермеров не прекратились окончательно, и в феврале 1998 г. была убита 63-летняя женщина, удившая

³⁸ Das B.K., Mee Ang: Op. cit. P. 37.

рыбу в ручье на территории джарава, были и другие случаи нападений.

Как мы видим, взаимоотношения между аборигенами и пришлым населением довольно давние. М. Портман придумал способ – дарить подарки, и если онге были удовлетворены, то санинелъцы – нет. Великие андаманцы были рады подаркам, но дорого расплатились за них; джарава вроде бы и рады, но хорошо отличают свое от чужого, и получить стрелу в джунглях – это обычно дело. В настоящее время индийские антропологи оставили этот старый и добрый, но не всегда надежный способ построения отношений, и общение между индийцами и аборигенами ограничены до минимума – иногда джарава появляются на рынках Среднего Андамана, но, как я неоднократно слышал, люди сторонятся их. Они неодеты, они опасны, и от них крестьянам нет никакого прока – работать они не хотят, денег у них нет, зато есть стрелы и джунгли. С многочисленными же туристами, большими любителями любой экзотики, отношения и вовсе запрещены – нельзя даже фотографироваться вместе, и причиной был один случай, зафиксированный в 2012 г. британским журналистом: полицейский кидал аборигенам печенья и заставлял их танцевать на потеху туристам, но одна девушка не хотела танцевать³⁹. Это было названо «human safari», лучше названия и не придумать, и теперь туристам путь в джунгли закрыт.

Заключение

Автору статьи эта политика представляется вполне разумной, и внутреннее согласие с ней и было той причиной, по которой не только полевая работа, но и всякие контакты с аборигенами были исключены из плана путешествия. В этом мире есть много этнических общностей и еще больше антропологов, проблема в том, что не все способны удачно сочетаться. Есть отважные исследователи, работавшие в тущобах с нищими, или с торговцами наркотиками, или с гангстерами, кроме таких закрытых и маргинальных групп есть и отчаянные народы, вроде пушту-

³⁹ <https://www.theguardian.com/world/2012/jan/14/andaman-jarawa-india-human-safari> (Обращение 13.11.2018).

нов, со сложными культурными комплексами, предписывающими им ставить честь (часть культурного кодекса) выше стоимости человеческой жизни. Есть охотники за головами, и среди них есть мастера высушить вашу голову так, что ее можно надеть поверх собственной, есть многое на этом свете, но не со всем этим многообразием просто смириться; вероятно, любому исследователю стоит до начала своего исследования разобраться, с чем он может жить, а с чем – нет.

Как мы видим, все контакты белых колонистов с аборигенами происходили в два этапа – первый закончился бегством белых, а второй – почти полным исчезновением аборигенов. Подавляющее большинство таких встреч оборачивались либо заражением аборигенов той или иной болезнью, против которой у них не было иммунитета, либо стрелой, вылетающей из джунглей. Как ни странно, сохранить свой мир и порядок смогли лишь те из местных, кто выбрал войну с пришельцами (джарава, санинелъцы); те же, кто пошел на контакт, с трудом выжили (онге, андаманцы). Кто для них современные антропологи, что они могут? Что мог бы сделать я – на выбор: заразить их всех гриппом нового штамма из московского метро, или самому умереть в лесу от стрелы с каменным наконечником? Зачем навязываться в друзья к тем, кто имеет все основания считать тебя своим врагом? Как ни печально, но не со всеми проблемами мы можем справиться, и «дай нам Господь душевный покой, чтобы принимать то, что мы не можем изменить, мужество – изменить то, что можем, и мудрость отличить одно от другого»⁴⁰.

В заключении мы должны упомянуть единственный материал⁴¹, доступный читателю на русском языке. Это работа С. А. Маретиной и И. Ю. Котина – «Племена-Изоляты (Андаманские аборигены)», опубликованная Кунсткамерой Санкт-Петербур-

⁴⁰ Воннегут К. Бойня № 5. М.: Аст. 2017. С. 67.

⁴¹ На самом деле это не единственная работа, описывающая нам андаманцев, так в 1985 г. издательство «Наука» опубликовало книгу «Письма об Индии» (Салтыков А.Д. Письма об Индии. М: Наука. 1985.). Но насколько путешествия экстравагантного князя, описывающего период в истории Индии еще до восстания сипаев (и до начала второго этапа колонизации, связанного с истреблением аборигенов) могут помочь современному исследователю?

га⁴². К сожалению, с Софьей Александровной мне не удалось встретиться в этой жизни; с ее соавтором я знаком и искренне ценю его энергию и талант; статья⁴³ вышла в сборнике «Племена Индии». Хотя в начале работы и сделано условное разделение аборигенов на двенадцать племен, в тексте все они называются «андаманцами», что в целом справедливо; но в дальнейшем допущен ряд неточностей: великие андаманцы объявлены исчезнувшими, джарава переселены на Малый Андаман, как и санинелъцы, а «их общее развитие настолько низко, что они – едва ли не единственные в мире – не умели, и, по существу, так и не научились добывать огонь, а лишь сохраняли его...»⁴⁴. Откуда такие данные? Не понятно до конца. Академический институт Санкт-Петербурга ухитрился опубликовать целую книгу без единой ссылки; вероятно, это такой прием – после прочтения статьи возникает ощущение, что автор провел годы, изучая традиции и культуру островитян, но это ощущение ложное, и пассажи вроде «вся структура традиционного общества андаманцев не восстановлена с достаточной убедительностью. Очевидно, что описанное ранними исследователями общество (когда андаманцы уже деградировали, но еще существовали) выглядит как крайне примитивная структура... Бродячие группы с текучим составом, который не вмещается в имеющиеся классификации (патрилинейная, экзогамная и прочие группы), с несложившимися родовыми категориями, неразвитой системой власти, трудно определяемыми брачными нормами»⁴⁵ говорят об обратном – автор не проводил полевой работы ни с одной из групп «андаманцев», и подозреваю, что даже не был на тех островах, о которых так увлекательно рассказывает. И это не развитие аборигенов «пошло по тупиковому пути»⁴⁶, а развитие нашей этнографии – зачем публиковать работы без полевой практики и без ссылок на

⁴² Маретина С. А., Котин И. Ю. Указ. соч.

⁴³ В частном разговоре Игорь Юрьевич Котин сообщил, что не имеет отношения к тексту этой конкретной статьи, и его перу принадлежат другие статьи сборника.

⁴⁴ Маретина С.А., Котин И.Ю. Указ. соч. С. 12.

⁴⁵ Там же, С. 19.

⁴⁶ Там же.

источники, тем более под грифом уважаемого академического института?

Не претендуя на лавры подлинного исследователя аборигенов и пояснив свою мотивацию и логику, я, тем не менее, приведу список литературы, на которую стоит опираться тому, кто решится на это крайне непростое, но увлекательное предприятие. Большинство этих работ базируются на полевых работах и авторы как минимум знают, о чем и о ком они ведут свои истории.

Избранная библиография

1. Cakraborty D. The Great Andamanese. Calcutta: Seagull Books. 1990.
2. Cipriani L. The Andaman Islanders. London: Wiedenfeld and Nicolson. 1966.
3. Danda G. D. The Onge of Little Andaman // Human Science, Vol. 36 (1). 1987.
4. Das S. T. The Andaman and Nicobar islands: A study of Habitat, Economy and Society. ND: Sagar Publ. 1982.
5. Das H. H., Rath R. The Tribals of Andaman and Nicobar Islands. ND: Ashish Publ. H. 1991.
6. Das B. K. A Note on the visit to the island inhabited by the Santinelese // Human Science, Vol. 37 (2). 1998.
7. Das B. K. Mee Ang: An Ethnographic profile on the Jarawa of Andaman Islands. Kolkata: Balaji Publ. 2016.
8. Dutta P. C. The Great Andamanese Past and Present. Calcutta: Anthropological Survey of India. 1974.
9. Malhotra O. P. Tribal Education in Andaman and Nicobar. ND: S. Chand. 1986.
10. Majumder R. C. Penal Settlement in Andamans. ND: Ministry of Education and Social Welfare, Government of India. 1975.
11. Man E. H. (переиздано) The Aborigines Inhabitants of the Andaman Islands. Delhi: Sanskaran Publ. 1975.
12. Mann R. S. The Bay Islanders. Bidisa: Institute of Social Research and Apply Anthropology. 1980.
13. Mathur L. P. History of Andaman and Nicobar Islands. Delhi: Sterling Publ. 1968.
14. Pandit T. N. The Original Inhabitants of Andaman and Nicobar Islands. Yojana: Planning Commission. 1976.

15. Portman M. V. (переиздано) A History of Our Relations with Andamanese. Vol. I & II. ND: Asian Educational Services. 1990.
16. Radcliffe-Brown A. R. The Andaman Islanders. Glencoe. Illinois: The Free Press. 1922. <http://openpress.org.uk/wp-content/uploads/2014/10/Radcliffe-Brown-1922-The-Andaman-Islanders.pdf>
17. Sarkar J. K. Befriending the Jarawa: A Challenging Task // Human Science. Vol. 36. 1989.
18. Sarkar J. K. The Jarawa. Calcutta: Seagull books. 1990.
19. Sarka B. N. The Jarawa of Andaman Islands: An Anthropometric Study // Human Science, Vol. 36. 1995.
20. Sreenathan M. The Jarawa: Language and Culture. Calcutta: Anthropological Survey of India. 2001.
21. Venkatesan D. Innovations and their impact on the Onge of Little Andaman // Man in India, Vol. 68 (4). 1998.

Е. С. Юрлова*

МОЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ДАЛИТОВ

Аннотация. В настоящее время в Индии насчитывается около 200 млн. далитов (бывших неприкасаемых). В Конституции Индии (1950 г.) они называются «зарегистрированные касты». За годы независимости далиты заметно продвинулись в социально-экономическом развитии; в том числе в результате резервирования (квотирования) для них мест в государственных учреждениях и предприятиях, а также в высших учебных заведениях. Это привело к росту их влияния в общественных и политических структурах страны. Несмотря на заметные перемены в положении далитов, основная их масса по-прежнему остается на обочине социального развития.

Ключевые слова: далиты, неприкасаемые, Конгресс, Бхаратия джаната парти, Бахуджан самадж парти, Амбедкар.

E. S.Yurlova**

MY PERSONAL EXPERIENCE WITH DALIT STUDIES

Annotation. Today there are about 200 mln Dalits (former untouchables) in India. In the Constitution they are called Scheduled Castes. During 70 years of independent India they to a certain degree progressed socially and economically. Thanks to the system of reservation, they are represented in state organizations and enterprises, as well as in educational institutions. All this resulted in the growth of their influence in public and political organizations in central parliament and legislative assemblies in a number of states. Despite constitutional provisions to uphold the rights of Dalits in post-independent India, the systematic violence that has been perpetrated against them has contin-

* Юрлова Евгения Степановна – ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук, efbelbars@mail.ru

** Evgeniya S. Yurlova – PhD (History), senior research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, efbelbars@mail.ru

ued well into the 21st century. Caste violence is directly connected with their oppression, especially in villages. It represents a significant hindrance to their socio-economic mobility. It keeps Dalits marginalized. Laws alone cannot safeguard them against caste atrocities like untouchability. Castes engaged in manual scavenging are the biggest victims of untouchability. The development of toilet facilities and sewage management system were not properly undertaken so far because of the reliance on Dalit labour to do these dehumanizing jobs. In 2000 in India there were only 28% of population with sustainable access to improved sanitation. In Sri Lanka – 94%, Pakistan – 62%, Bangladesh – 48%. In those South Asian countries the caste system and its attendant discriminations are either weak or practically absent. Many people the author met with and discussed the caste problems in India admit that untouchability is the gravest of problems. But there were some who denied its existence after the Constitution of India was enacted in 1950.

Key words: *Dalits, untouchability, Indian National Congress, Bharatiya Janata Party, Bahujan Samaj Party, Ambedkar.*

Историография исследований советских и российских авторов кастовых проблем, в том числе далитов, достаточно обширна. До независимости Индии эти авторы опирались на документы британской колониальной администрации, которые не выходили за рамки колониального мышления. Однако советские/русские авторы стремились выработать свой подход к проблемам низших классов и каст индийского общества. Вместе с тем ограниченность источников и данных по кастовой проблематике, тем более связанных с далитами, затрудняли эту работу.

И только после достижения Индией независимости появилась возможность, но далеко не сразу, более глубоко изучать проблемы далитов.

В книге Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина «Индия в древности» упоминаются чандалы и племена, «которых буддийские и джайнские тексты помещают вне варны шудр; статус их напоминает положение неприкасаемых, о которых известно из более поздних источников»¹. Е. М. Медведев в статье «Karmakara и bhrtaka. К проблеме формирования низших каст», при оценке экономического и социального положения низших слоев насе-

¹ Бонгард-Левин Г. М. и Ильин Г. Ф. Индия в древности. М.: ГРВЛ, 1985. С. 301.

ления городов и деревень пролил свет на проблему происхождения неприкасаемости².

Проблемы далитов в современной Индии затрагивались в работах моих коллег Л. Б. Алаева, Г. Г. Котовского, А. А. Куценкова, Т. Н. Загородниковой и других индологов. Большой вклад в разработку кастовой системы и понимания сложностей освобождения от кастовой зависимости внес М. К. Кудрявцев. Он писал: «Нигде, кроме Индии, кастовый строй не составляет единую всеохватывающую социальную систему»³. «Основополагающей концептуальной установкой для кастовой идеологии и индуизма вообще является идея об изначальном неравенстве людей», а также «...о тщетности и даже греховности стремлений к преодолению неравенства в настоящей земной жизни»⁴.

В самой Индии к настоящему времени проблемам далитов посвящено множество работ. основоположником фундаментальных исследований на этом направлении стал Бхимрао Рамджи Амбедкар (1911–1956) – выходец из касты неприкасаемых (махаров) и один из главных создателей Конституции Индии (1950 г.). Он называл неприкасаемых «далитами» (угнетенными). Позже это название закрепилось за ними. Благодаря научному и политическому авторитету Амбедкара и его неустанной работе по освобождению неприкасаемых от социального и экономического гнета, название «далиты» вошло в научный и политический обиход.

В этой связи следует упомянуть Пунский пакт (1932 г.), главными участниками которого были Махатма Ганди и Амбедкар. Суть этого пакта состояла в том, что неприкасаемые с согласия Амбедкара фактически выступили на стороне индусов, а не мусульман (чего добивались англичане и лидер мусульман Джинна), так как это могло бы повысить ставки Мусульманской лиги при разделе Индии в 1947 г. на Индию и Пакистан.

Тогда же Ганди начал движение в пользу неприкасаемых и дал им название «хариджаны» (дети индусского бога). Это на-

² См.: Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: Ленанд, 2018. С. 247.

³ Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. М.: Наука. Восточная литература, 1992. С. 19.

⁴ Там же. С. 161, 245.

звание вызвало возражение со стороны как индусских священнослужителей, так и Амбедкара. Первые были против признания неприкасаемых частью индусского сообщества, в то время как Амбедкар выступал за объединение многочисленных неприкасаемых каст в борьбе за самостоятельную идентификацию и, в конечном счете, за их социально-экономические права.

Последующие события в Индии показали, что обращение к кастовому сознанию стало важным инструментом политической борьбы. Как писал индийский социолог А. Бетей: «Для большинства индийцев дорогие их сердцу привычки – это привычки иерархического общества»⁵.

Мои первые шаги по изучению положения далитов

Мой опыт по изучению положения далитов опирался, прежде всего, на личные неофициальные контакты с рядом индийских ученых и общественных деятелей, а также простых людей. В начале 1960-х гг. я оказалась на работе в Калькутте (ныне Колката), в культурном отделе Генерального консульства СССР. Персонал этого отдела состоял всего из нескольких местных работников. Так уж получилось, что секретарем стал представитель касты *каятха* – писцов. Киномехаником был брахман, который гордился принадлежностью к высшей касте и при любом удобном случае демонстрировал свой священный шнур брахмана. Шофером был христианин из бывших неприкасаемых, а сменивший его водитель – мусульманин. Разнорабочим был трудолюбивый непалец, живший в Калькутте не в первом поколении. А наводил чистоту в помещении далит-уборщик из касты *бханги* – тихий, почти безмолвный молодой человек, который добросовестно выполнял свое дело – подметал, мыл полы, выносил мусор. Позже нам пришла мысль предоставить ему другую работу и тем самым повысить его заработную плату. Предложение сменить работу на более высокооплачиваемую он воспринял без радости и сказал, что ему надо посоветоваться с семьей. На сле-

⁵ Beteille, Andre. The Peculiar Tenacity of Caste // Economic and Political Weekly. <http://www.epw.in/journal/> 2012 March 31. P. 42 (дата обращения 20.06.2012).

дующий день он отказался от этой возможности, сказав, что его каста запрещает менять род занятий. Он уборщик и должен делать то, что положено делать касте *бханги*.

Тогда меня это поразило. Я обсудила этот вопрос со своими индийскими друзьями. Многие из них отнеслись к этому спокойно – каждый должен выполнять свое дело, свою дхарму, следовать своему предназначению, тогда всем будет хорошо, поскольку на этом держится общество. Другие говорили о том, что древние традиции и обычаи сдерживают развитие отдельной личности и общества в целом, но с ними нельзя не считаться.

Мой хороший знакомый ученый-лингвист, профессор Сунити Кумар Чаттерджи говорил мне, что каждый человек гордится своей кастой, она – его надежный оплот, и он должен быть верен ей. Иначе он окажется без роду и племени. Профессор привел исторический пример, когда один из махараджей как-то решил повысить статус касты *бханги* и тем самым добавить им авторитета в обществе. Однако *бханги* отказались от этого предложения. Более того, они вышли с демонстрацией протеста против таких планов. Они знали свое место в обществе, у них была своя история, свои мифы и герои, свои праздники. Они гордились своей кастой и не хотели нарушать равновесие, сложившееся в отношениях с другими кастами. Махарадже пришлось отказаться от своей идеи.

Да, это было несколько столетий назад. Но на примере далита-уборщика я поняла, что прошлое еще распоряжалось настоящим, держало людей в тисках вековых представлений об их доле и месте в обществе и самой жизни.

Об этих традициях напоминало все, что происходило вокруг нас. Например, однажды будучи в гостях у того же профессора, я услышала, как несколько раз он вызывал слугу. А тот все не появлялся, и я спросила, что случилось. Оказывается, нужно было отодвинуть немного кофейный столик. Я тут же это сделала. И только со временем узнала, что индусам высших каст нельзя делать физическую работу.

Приведу еще несколько примеров соблюдения издревле установленных норм поведения для индусов. Вот секретарь офи-

са пришел на работу босиком и наголо обритый. У него траур – умер дядя. Вот я приглашена на свадьбу в соседний дом. Поднимаюсь в зал, где происходит главное действие – сама свадьба. А на лестнице сидят люди, повернувшись лицом к стене и угощаются свадебным обедом. Их пригласили, но с ограничением – они не могут находиться вместе с другими гостями из высоких каст.

И так каждый день, в течение почти пяти лет, я узнавала об обычаях и традициях, которые нельзя переступить. Повсюду в обществе чувствовались разграничительные линии, которые не были видны, но строго соблюдались в зависимости от условий. Если, к примеру, повар из бывших неприкасаемых, принявших христианство, может вынести кухонный мусор, то повару-индусу этого делать нельзя, он должен позвать уборщика-далита. Когда я попросила объяснить мне такое поведение, повар-индус сказал: «Если я сам вынесу этот мусор, меня могут изгнать из касты. Я оскверню не только свой личный статус, но и статус своей касты».

Это был мой первый «университет», который пробудил во мне желание глубже познакомиться с положением людей, страдающих от кастовой дискриминации. В начале 1970-х гг., когда я вновь оказалась в Индии, уже в Дели, у меня была возможность расширить свои познания в этой области.

Позже, занимаясь проблемой индусских низших каст, я поняла, насколько важно знать о них не только из книг и из уст других, а главное – от них самих. В этом отношении мне помогла президент Демократической федерации индийских женщин Аруна Асаф Али. Она познакомила меня с далитом, который работал в Министерстве внутренних дел в Дели. Он, в свою очередь, связал меня с далитом – Бхагваном Дасом, работавшим юристом в Делийском Высоком суде. Он был одним из первых исследователей творчества Б. Р. Амбедкара.

Во время моего посещения Мумбая (в прошлом Бомбея) мой знакомый вице-канцлер Бомбейского университета, к слову сказать, брахман, организовал мою встречу с представителями образованных далитов. Это были писатели, поэты, обществен-

ные деятели и сочувствующие им интеллигенты из высоких каст. Всего около 25 человек. Они обсуждали разные вопросы, но неоднократно возвращались к теме продолжавшейся дискриминации далитов. Многих волновал вопрос о препятствиях в получении вакансий по системе резервирования рабочих мест в государственных учреждениях для зарегистрированных каст. Говорили о крайней бедности и поголовной неграмотности среди далитов. Одним из наболевших был вопрос об отсутствии единства между ними.

Позже у меня была возможность встретиться П. Т. Борале, первого далита-буддиста, избранного в начале 1970-х гг. мэром Бомбея. Он с горечью говорил мне, что за десятилетия независимости в положении бывших неприкасаемых не произошло принципиальных изменений: как и прежде, они живут вне основной деревни, испытывают трудности, связанные с доступом к чистой питьевой воде, выполняют черную работу. Касты уборщиков вручную убирают содержимое ночных горшков в домах «чистых» каст, поскольку во многих местах отсутствуют туалеты.

В этом отношении мало что изменилось в целом по стране. Сегодня более 50 тыс. человек продолжают выполнять те же самые работы. Постоянным водопроводом и канализацией в Индии пользуются 28% населения, в Бангладеш – 48%, в Пакистане – 62%, в Шри Ланке – 94%. По сравнению с этими странами Южной Азии, в которых кастовая система и связанные с ней различные виды дискриминации или очень слабы, или просто отсутствуют, в Индии продолжают сохраняться закреплённые за неприкасаемыми традиционные виды физического труда. Выполняющие их низшие касты больше других страдают от жестокой эксплуатации и неприкасаемости⁶.

Меня интересовало отношение к неприкасаемым отдельных политических деятелей, в те годы в основном из высших каст. Так, например, С.К. Лимае, председатель партии «Лал нишан» (Красный флаг) в Махараштре, брахман по касте, рассказывал

⁶ Why India Needs to Address Caste-Based Manual Scavenging Before it Aims for a “Swacch Bharat” // <https://www.epw.in/engage/article/why-india-needs-address-caste-based-manual-scavenging-swacch-bharat> (дата обращения 30.08.2018).

мне, как брахманская культура полностью исключала неприкасаемых из жизни высших каст. Брахманы следовали своим традициям, и им не приходило в голову интересоваться жизнью других людей, особенно в деревне. На мое замечание о том, что неприкасаемость у индусов, наверное, в крови, Лимае обнажил руку по локоть и сказал: «Нет, она у нас в костях».

Мои встречи с простыми далитами

В феврале 1983 г. я побывала в одном новом поселке в штате Харьяна. Большинство жителей этого района составляли выходцы из штата Уттар- Прадеш. Одних колоний далитов там было более тридцати⁷. В них не было ни воды, ни электричества. В каждой хижине, построенной из кусков фанеры, картона и жести, жили по 10 и более человек.

У входа в одну из таких колоний расположился торговец (как позже выяснилось – брахман) со своим маленьким магазинчиком-киоском. На мой вопрос о численности жителей колонии торговец ответил: «Восемь тысяч голосов» (то есть избирателей). Появилась женщина-далитка, которая представилась как член муниципалитета. Она деловито спросила: какие будут выборы – местные или центральные? Тут я поняла, что между торговцем и женщиной идет борьба за возможность «продать» голоса избирателей из колонии. Поэтому я спросила ее прямо, сколько они берут за голос. «Пять рупий за местные выборы и десять – за центральные», – сказала она. Более того, она с гордостью заявила, что жители ее колонии уже включены в списки избирателей. Они живут здесь уже 20 лет и только совсем недавно добились права участвовать в выборах.

Торговец не хотел пропустить меня внутрь двора. Но женщина решила по-своему – она пригласила меня к себе в жилище. Всего лишь несколько шагов – и вот я за занавеской, которая служит дверью. Земляной пол неровный, но чисто подметенный. На полу несколько металлических кастрюль и керосинка. В углу

⁷ Конкретно данные поселения далитов, которые по традиции не имели права селиться вместе с кастовыми индусами, возникли после раздела Индии в 1947 г.

свернута постель. Вот и все. Мне стало стыдно быть бессильным свидетелем этой нищеты.

В следующий раз я отправилась в деревню Мела Ми-
раджпур, чтобы посетить местную колонию далитов, заранее
договорившись о встрече с богатым землевладельцем из касты
гуджаров-скотоводов, на земле которого проживали далиты. В
ожидании *гуджара* в условленном месте разговорилась с дву-
мя торговцами тканей. Они рассказали, что в ближайших далит-
ских кварталах за последние 25 лет произошли большие измене-
ния к лучшему: раньше далитки носили одну юбку, не стирая ее
до тех пор, пока она не истлеет. Они не причесывались, так как
обычай запрещал им подражать образу жизни «чистых» каст. Да
и средств на это у них не было. А какова была их еда? Перед тем
как лепить кизяк из коровьего навоза, женщины выбирали из
него непереваренные зерна, промывали их и ели.

Теперь же они покупают новые сари и самое главное – они
готовят пищу на огне, чего им раньше запрещалось обычаем, ибо
огонь священный, очищающий, а они считались оскверняющи-
ми все и вся. Земли у них почти нет. Те участки, которые некото-
рые далиты получили по реформе от правительства, для земле-
делия непригодны. В их семьях по семь-восемь детей, и редко кто
из них ходит в школу.

Мимо прошла женщина с корзиной кизяка на голове. По-
равнявшись со мной и моим знакомым, она резким движением
закрыла краем сари лицо. А ведь раньше только индуски из выс-
ших каст и мусульманки соблюдали правила *парды* – затворниче-
ства, когда женщина должна была скрывать лицо от взора мужчи-
ны. Теперь высшие касты освободились от этого обычая, а низшие
стали вводить для своих женщин отжившие правила.

Беседа с хозяином деревни и далитами

Сопровождавший меня профсоюзный активист Даршан
Сингх, который хорошо знал обстановку в этом районе, расска-
зал, что в интересующей меня колонии 50 семей далитов, около
300 человек. Это главным образом кожевники-*чамары* и шесть
семей уборщиков-*бханги*. Земля только у пяти из них – всего

20 акров. Раньше эта земля принадлежала отцу хозяина-гуджара, а по реформе отошла далитам. За последние 30 лет у далитов не прибавилось земли. Поэтому большинство мужчин-далитов работают на фабриках промышленного центра Фаридабада, а женщины выполняют работу по дому и на хозяина. Они ухаживают за его буйволицами, делают кизяк, носят воду. В течение 10–15 дней в году во время сезонных работ они трудятся на земле помещика. Получают по 10 рупий (около 0.3 доллара США) в день, а в период уборки урожая – немного зерна. Кое-кто работает прислугой в семьях богатых гуджаров, другие далитки нанимаются временно на уборку скотных дворов.

Наконец, появился сам хозяин деревни. Я попросила его уточнить, сколько человек проживает в колонии далитов.

– Сто пятьдесят четыре голоса.

– А за кого они голосуют?

– Обычно за Конгресс... Но если выдвигается местный лидер из гуджаров, даже если он из другой партии, тогда 99% голосов далитов будут отданы нашему кандидату, то есть гуджару.

– А есть ли представитель от этих далитов в органах власти?

– Есть один член законодательного собрания, но все остальные неграмотные.

Мы направились ко входу в колонию далитов. Кругом дети, с любопытством смотрят на нас, грызут сахарный тростник. Хозяин-гуджар послал за старостой общины далитов. Появился худой, маленького роста человек неопределенного возраста, беззубый. Зовут его «Гариба» (Бедняк). Охотно рассказывает о себе и своей семье. У него один сын, у которого четверо сыновей и дочь. У самого Гарибы кроме сына еще пять дочерей, три из них уже замужем, а две ходят в школу. Пригласил к себе в дом.

Идем по тропинке, по краю открытой сточной канавы, поперек нее *чарпаи* – деревянные лежаки, перетянутые широкими полосами материи. На них тесно сидят женщины и дети. Другого места просто нет – вся земля принадлежит хозяину. Минуем бедные хижины, и староста останавливается перед входом в кирпичное здание без окон, больше напоминающее склад.

Входим внутрь. Довольно просторная комната с высоким потолком. Два лежака, *три* стеганных одеяла сложены у одной из стен. На полу несколько кастрюль, ведро. На стене предвыборный плакат с портретом Раджива Ганди. Вот и все хозяйство и убранство. Как оказалось, это был самый богатый дом в колонии.

Зашел разговор о религии, об индусских богах. Староста несколько смутился, но потом сказал, что знает о боге Шиве. И неопределенно добавил: «Быть неприкасаемым – большая разница...»

Мне показалось, что хозяин-*гуджар* постоянно контролировал ситуацию и поворачивал разговор в нужное ему русло. Однако старосте удалось кое-что сказать о жизни далитов. «У нас вроде бы общий с *гуджарами* колодец, но нас бьют, если мы пытаемся сами брать из него воду. Приходится ждать пока кто-то из женщин-*гуджарок* не придет к колодцу и не нальет нашей женщине воды в ее кувшин. Недавно установили отдельную колонку с водой только для далитов, но она не работает – нет электричества. А еще нас донимают *гунда* (наемные банды хозяев для расправы с непослушными далитами)».

Обратно возвращаемся по краю той же сточной канавы. Так же неподвижно на лежаках сидят и лежат дети и женщины. Полно мух. Зловоние. Вдруг одна из молодых женщин резко встает и громко, буквально с вызовом кричит нам: «До каких пор вы будете нас держать взаперти? Мы здесь задыхаемся, у нас болезни, мы не можем больше все это терпеть!» Хозяин-*гуджар* молчит. А я спрашиваю далитку, ходят ли ее дети в школу. «Да, – отвечает она, – ходят. А что они там делают – нам неизвестно».

Той же узенькой тропинкой вдоль той же сточной канавы выходим на дорогу. Чуть поодаль, за забором стоит дом хозяина-*гуджара*. Он приглашает нас войти. Центральное место в нем занимает гостиная. «Здесь принимают гостей, ведут беседы и курят общую для всех *хукку* (*кальян*)», – пояснил хозяин. «Общую для всех?» – спросила я. «Да, для всех, – последовал ответ. – Для *джатов*, *гуджаров*, *раджпутов*, *ахиров*, но не для далитов». Действительно, *хукка* – символ единства всех власть имущих в основной деревне, стояла на почетном месте.

– Сюда приезжают гости со всех соседних деревень, когда надо обсудить важные вопросы, – сказал хозяин.

– Какие, например? – спросила я.

– Кандидатов на выборы, перспективы на урожай, цены на скот, да мало ли всяких дел у нас!

Вместе с хозяином под одной крышей живут пятеро сыновей с женами и детьми. Это большая, или неразделенная, индусская семья. Глава семьи с гордостью показывает свое хозяйство – шесть буйволиц, три коровы, две косилки, веялка. Сожалеет, что до сих пор не купил трактор. Вот водяной насос, чтобы вода была под рукой. Говорит, что далиты, якобы, могут брать у него воду. Сам на земле не работает, но постоянно в поле.

– А как же иначе – дел много, надо за всем и всеми присмотреть и проконтролировать, – поясняет он.

– А где сыновья?

– Один работает на фабрике, другой – учителем в школе, двое учатся на агрономов в колледже, младший сын заканчивает среднюю школу.

Деревенская школа – объект особой гордости хозяина-гуджара. Идем туда. Довольно большое здание, но занятия проводятся на открытом воздухе – февраль, прекрасная погода, светит нежаркое солнце, да и дождей в это время года не бывает. Всего в школе 500 учеников, 27 учителей, из них 16 женщин. Прямо на траве, группами-кружками расположилось по 12–15 детей. Учителя стоят или сидят внутри кружка. Девочки сидят отдельно от мальчиков. Все далиты (125 учеников) – и девочки и мальчики – тоже отдельно. Беседа закончилась тем, что по знаку учителя дети громко прокричали: «Джай Хинд!» (Да здравствует Индия!).

На обратном пути я обсуждаю со своими спутниками увиденное в этой колонии. По их мнению, в поведении далитов происходят крупные перемены. Особое впечатление на них произвела та женщина, которая открыто высказала недовольство своим положением. Раньше такое невозможно было и представить. «Индию ожидают большие потрясения», – задумчиво сказал один из них.

Правительство Конгресса и далиты

В своих первых заявлениях в связи с независимостью Индии Джавахарлал Неру сказал: «...Мы никогда не забывали о том, что главной нашей целью было поднять общий уровень жизни индийского народа – психологический и духовный, а также, разумеется, политический и экономический. Возрождение этой подлинной внутренней силы мы и добивались, зная, что все остальное неизбежно придет само собой»⁸. «Служение Индии означает служение миллионам людей, которые страдают. Оно означает ликвидацию нищеты и невежества, болезней, неравенства возможностей... И поэтому мы должны работать, трудиться, много трудиться, чтобы воплотить наши мечты в действительность»⁹. Эти слова первого премьер-министра Индии полностью относятся и к далитам. Как руководитель нового курса, Неру ставил перед страной общие масштабные цели. Не случайно, что он даже не упоминал какие-либо классовые или кастовые различия, подчеркивая то, что объединяет нацию, а не разъединяет ее.

Значительные успехи были достигнуты правительством в связи с реализацией положений конституции о квотах в отношении зарегистрированных каст и зарегистрированных племен. Немало было сделано и в сфере аграрных реформ. В ходе «зеленой революции» во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. была решена проблема создания крупных запасов зерна. Но далеко не все провозглашенные Конгрессом меры для далитов были воплощены в жизнь.

В 1975 г. правительство И. Ганди провозгласило программу из 20 пунктов, которая во многом была продолжением предыдущей социально-экономической политики. Наиболее важными среди предложенных мероприятий были снижение цен на продовольствие и другие жизненно важные товары, изъятие излишков земли сверх потолка у землевладельцев и распределение ее среди безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, освобождение сельской бедноты, прежде всего далитов, от кабальной

⁸ Congress Varnika. Centenary Commemorative Volume. December 1985. P. 1905.

⁹ Неру, Джавахарлал. Открытие Индии. М.: Изд. ИЛ, 1955. С. 55.

зависимости. Однако эта программа столкнулась с сильнейшим сопротивлением сельских богачей.

Одновременно была выдвинута программа сына И. Ганди Санджая, в которой содержались обещания бороться с неграмотностью и неприкасаемостью. Выдвигалось требование ограничения рождаемости двумя детьми на семью. Это сопровождалось принуждением и насилием. Была проведена «добровольная» стерилизация сотен тысяч мужчин. Насилием также сопровождалось «наведение порядка» в городах, а по существу переселение огромных масс бедноты, особенно далитов и мусульман, на необжитые места. Это вызвало протесты населения. Происходили столкновения с полицией, в результате чего было много жертв. Введенное правительством И. Ганди чрезвычайное положение в стране (1975–1977) резко подорвало позиции партии.

Серьезным ударом по престижу Конгресса стал выход из него в феврале 1977 г. группы видных деятелей во главе со старейшим членом руководства партии далитом Джагдживаном Рамом (1908–1988). Некогда соперничавший с Амбедкаром за лидерство среди далитов, он во многом обеспечивал Конгрессу голоса избирателей-далитов. Дж. Рам объявил о создании новой партии – Конгресс за демократию, провозгласив в качестве своих целей демократию, социализм и секуляризм – против «диктатуры Индиры Ганди и ее сына Санджая».

Чрезвычайное положение стало водоразделом в истории независимой Индии. По сути, оно и создало оппозицию, которая сформировала коалиционный блок Джаната парти (Народная партия). Ее социальная база состояла из высших и низших каст. На этой основе у руководства этой партии вскоре возникли противоречия, что привело к расколу коалиционного блока.

В течение первого года правления Джаната парти в стране было зарегистрировано более 10 тыс. столкновений на кастовой почве. Одно из них произошло в деревне Белчи 27 мая 1977 г., где девять бывших неприкасаемых были сожжены толпой индусов из высоких каст.

И. Ганди в это время находилась в состоянии глубокой депрессии после поражения на выборах. Она собиралась уйти из

политики. Однако трагедия в Белчи изменила все ее планы. Ее политический инстинкт подсказал – это может быть началом возвращения на олимп власти. И. Ганди быстро приняла решение: она вылетела в столицу штата Бихар – Патну и оттуда направилась в Белчи. Было время дождей, дороги размыло. С автомобиля она пересела на трактор, а затем и на слона. Так она добралась до Белчи, где выразила соболезнование семьям погибших далитов. Этот поступок восстановил образ И. Ганди, как друга бедных и униженных. Но на выборах в парламент в 1977 г. одних голосов далитов было недостаточно, и Конгресс потерпел крупное поражение.

Несмотря на то, что И. Ганди была в оппозиции, в феврале 1978 г. она выиграла выборы в законодательные собрания двух штатов. А через четыре месяца из блока Джаната парти вышел Бхаратия джана сангх (Индийский народный союз, БДС), и в июле 1979 г. правительство Джаната парти ушло в отставку. БДС был преобразован в Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия, БДП), которая стремилась «порвать» с прошлым и избавиться от клейма коммунизма. На внеочередных выборах в январе 1980 г. избиратели, среди которых было много далитов, поддержали И. Ганди, и Конгресс снова вернулся к власти.

Долгий путь БДП к власти

Сформирование БДП и ее союзниками политической коалиции Национальный демократический альянс (НДА) было ее первой попыткой создания нового социального блока. Лидер БДП А. Б. Ваджпай (1924–2018) в качестве премьер-министра заявил, что программа правительства – результат коллективных решений всех партий коалиции¹⁰.

Сама БДП сделала важный шаг, который должен был изменить облик этой партии как опирающейся преимущественно на горожан из высших каст. Она обратилась к более широкой социальной базе – зажиточному и среднему крестьянству. Кроме того, неспособность в одиночку прийти к власти вынудила БДП со-

¹⁰ The Hindu. 29.03.1998.

трудничать с региональными партиями, многие из которых представляли средние и даже низшие социальные/кастовые слои и группы, включая часть далитов.

На выборах 1999 г. коалиция НДА во главе с БДП смогла усилить свои позиции в парламенте. БДП также предприняла попытки получить голоса отсталых слоев населения и религиозных меньшинств. Ваджапай утверждал, что если НДА придет к власти, то его правительство примет поправку к конституции страны, которая обеспечит справедливость в отношении меньшинств, далитов и бедняков и проложит путь к их активному участию в процессе развития. Это является «приоритетным направлением в программе НДА», – говорил Ваджапай¹¹.

В своей практической деятельности, направленной на усиление руководимой ею коалиции, БДП искусно проводила прагматическую линию, нередко оставляя в стороне расхождения по идеологическим вопросам. Это наглядно проявилось во время событий в Айдхье в 1990-х гг., когда БДП призвала в «союзники» далитов. Тогда она поставила на один пьедестал индусского бога Раму и Амбедкара. Обращение БДП к образу Амбедкара в политических целях совсем не означало, что эта партия разделяет его взгляды по отношению к индуизму, по вопросам равенства всех религий и каст, особенно его борьбы против неприкасаемости и других форм социального угнетения, которые составляют неотъемлемую часть ортодоксальной кастовой системы индуизма. Об этом свидетельствовал отказ правительства НДА во главе с БДП включить рассмотрение социального положения далитов в Индии в повестку дня Конференции по проблемам расизма, расовой дискриминации и ксенофобии под эгидой ООН в 2001 г. в Дурбане (ЮАР). НДА заявил, что каста является внутренним делом Индии.

А БДП продолжила политику на завоевание голосов далитов. Она провела серию крупных акций по пропаганде наследия Амбедкара. В 2015 г. правительство БДП во главе с Нарендрой Модой осуществило грандиозную программу празднования 125-летия со дня рождения Амбедкара не только в Индии, но и за рубежом. Было выделено около 15 млн. долларов на сооружение

¹¹ The Hindustan Times. 20.09.1999.

ему памятника в Дели и около 30 млн. долларов на строительство Международного центра им. Амбедкара. Был также создан Фонд его имени. Этой же цели по завоеванию симпатий далитов отвечало выдвижение БДП и избрание в 2017 г. на пост президента страны далита Рама Натха Ковинда.

Формирование Бахуджан самадж парти (БСП)

В 1983 г. автор познакомилась с далитом Канши Рамом, к тому времени лидером Бахуджан самадж парти (Партия большинства народа, БСП). Канши Рам (1934–2006) по окончании университета работал в одной из лабораторий министерства обороны в Махараштре. Там он сблизился с руководством Республиканской партии, основанной в 1956 г. Амбедкаром и вскоре стал его идейным последователем. С 1971 г. он занялся политикой. В беседе со мной он рассказал, что во время встречи с премьер-министром И. Ганди он подчеркнул, что далитам препятствуют голосовать на выборах. Как он сказал ей: у далитов есть два выбора: Ballots or bullets (Бюллетени или пули), т.е. получить возможность голосовать или обратиться к насилию. И добавил, что он выступает за мирные средства. Об этом же в 1983 г. говорил мне и упомянутый выше Джагдживан Рам. У него были тесные связи с далитами, особенно в Бихаре, где они составляют большую часть населения. Но далитов, по его словам, не допускали к избирательным урнам.

Однако ситуация в стране стала постепенно меняться. Со временем за голоса далитов начали бороться крупные политические партии. Это стало заметным политическим явлением, когда на волне борьбы за сохранение системы резервирования, расширения ее действия на всю категорию «отсталых классов», включая далитов, Канши Рам повел дело к тому, чтобы отойти от «далитизма» как идеологии защиты интересов исключительно далитов. Он поставил задачу добиваться власти в интересах большинства – то есть всех «отсталых классов», составлявших около 75% населения страны. Таким образом, значительно расширились рамки его движения, которое должно было включать все социальные низы. Все они получили название *бахуджанов* (большинства). Выступая за «социальную справедливость» и

«социальную трансформацию», Канши Рам заявлял, что *бахуджанам* нужна политическая власть, чтобы добиться достоинства, самоуважения и социального равенства.

Для этого сначала была создана Федерация государственных служащих по системе резервирования, которая вела агитационно-пропагандистскую деятельность среди них. Она стала той основой, на которой в 1981 г. выросла политическая группировка «Далит сосит самадж сангхарш самити» (ДСССС, или Д4С, – Комитет борьбы угнетенных и эксплуатируемых) со штаб-квартирой в Дели и более чем сотней филиалов в различных районах страны. Д4С объявил своей целью достижение политической власти парламентским путем под лозунгом объединения представителей отсталых классов на платформе антибрахманизма – борьбы против засилья высших каст в общественно-политической и культурной жизни. Д4С стал идеологическим и политическим предшественником Бахуджан самадж парти.

БСП стала наращивать влияние в тех районах, где доля низких социальных групп в населении была особенно велика, где отмечалось соперничество в экономической и общественно-политической жизни между набиравшими силу отсталыми и высшими кастами, где произошло заметное социально-экономическое расслоение в среде крестьянства и была высока активность индусских шовинистических организаций.

Особенно активно проходили эти процессы в крупнейшем штате Уттар-Прадеш, где далиты составляли 21%, а мусульмане – 13%. Рост влияния БСП в Уттар-Прадеше позволил ей закрепить за собой статус общенациональной партии и стать в один ряд с шестью-семью крупными партиями, в том числе Конгрессом и БДП. В Уттар-Прадеше в 1989–2002 гг. она участвовала в пяти выборах в законодательное собрание, постепенно наращивая число завоеванных мест. БСП потеснила Конгресс и успешно соперничала с двумя другими партиями – Самаджвади парти (Социалистической партией) и БДП.

Канши Рам, а затем его соратница Майявати¹² использовали любые парламентские возможности для продвижения БСП к

¹² Майявати (р. 1956 г.), из семьи чамаров, окончила Делийский университет.

власти. В Уттар-Прадеше эта партия входила в разные политические коалиции, образуя правительство с участием Самаджвади партии (1993 г.) и с БДП (1995 г., 1997 г., 2002 г.). В течение 15 лет БСП экспериментировала с разными составами социальных коалиций – от выступлений в защиту прав далитов к более широкому подходу, объединявшему интересы разных, даже разнородных, сословно-кастовых групп. В 2007 г. на выборах в законодательное собрание Уттар-Прадеша БСП одержала победу, создав новый социальный альянс угнетенных слоев. Это расценивалось как исключительное событие в истории Индии.

В настоящее время в Индии насчитывается около 200 млн далитов. За годы независимости они заметно продвинулись в социально-экономическом развитии. В том числе в результате резервирования для них мест в государственных учреждениях и предприятиях, а также в высших учебных заведениях. Это привело к росту их влияния в общественных и политических структурах страны.

ООН и далиты

В последнее время различные организации ООН неоднократно подчеркивали негативное влияние индийской кастовой системы на положение далитов и племен. Так, в докладе Совета по правам человека ООН 28 января 2016 г. прямо осуждалась кастовая система и связанные с ней бедность и унижение. Автор доклада Рита Изсак-Ндиайе обратила особое внимание на широко распространенную в Индии практику неприкасаемости. Она подчеркнула, что эти изобретенные людьми барьеры «являются главной причиной бедности и увековечивают нищету в уязвимых общинах»¹³.

Администратор Программы развития ООН, бывший премьер-министр Новой Зеландии Хелен Кларк в своем выступлении в ООН по случаю празднования 125-летия Б. Р. Амбедкара 13 апреля 2016 г. подчеркнула важность инклюзивного и устойчивого роста, что отвечало бы нуждам самых бедных и марги-

¹³ U.N.Report: Global gaze on caste // Frontline. April 29, 2016.

нальных слоев. «Блага развития должны доставаться всему обществу, – сказала она. – Для этого необходимо осуществлять такие экономические и социальные меры, которые отдают предпочтение повышению доходов и улучшению условий жизни бедных и маргинальных групп. Чтобы уничтожить бедность, необходимо бороться с неравенством во всех его проявлениях»¹⁴.

Многие индийцы, представлявшие разные политические группы, признавали, что кастовая разобщенность продолжает оставаться серьезным фактором общественной жизни. Были и противники изменений в положении далитов, связанных с их продвижением в сферы традиционных умственных занятий высших каст. Они считали, что далиты веками занимались физическим трудом и делали это неплохо. Следовало только улучшить их быт и орудия труда.

В Индии мне доводилось встречать также людей, которые отказывались признавать существование практики неприкасаемости. Они утверждали, что она изжита, ушла в прошлое после того, как Конституция Индии отменила ее.

На деле все не так однозначно. Несмотря на заметные перемены в положении далитов, на то, что часть из них добилась определенных успехов в экономической, общественно-политической и культурной жизни, основная их масса по-прежнему остается на обочине социального развития. Более активному продвижению далитов в социально-экономической жизни Индии до сих пор препятствуют сложившиеся веками привычки иерархического индусского общества.

В результате моих встреч и бесед с далитами – общественными и политическими деятелями, юристами, научными работниками и писателями, я поняла, что у этой образованной части населения меняется отношение к жизни, к их собственному месту в ней. Как мне представляется, главное произошло внутри

¹⁴ Clark, Helen. UN DP Administrator. We'll work with India to realize Ambedkar's vision // The Hindu. 14.04.2016.

самых людей, в их поведении, в их психике, в их отношениях с другими людьми и общинами. Традиционная покорность, приниженность, страх стали постепенно вытесняться решимостью и готовностью отстаивать свои интересы и защищать человеческое достоинство. Это были новые люди – образованные и энергичные. Многим из них я обязана более глубоким пониманием сути проблемы кастовой дискриминации. Они раскрыли ее изнутри, дали мне возможность увидеть ее их глазами, почувствовать их боль.

ПЕРСОНАЛИИ

Т. В. Карташова*

ДЖ. К. МИХАЙЛОВ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДОЛОГИИ

Аннотация. *Статья посвящена истории становления отечественной музыкальной индологии, у истоков которой стоял московский учёный, композитор Дж. К. Михайлов. Рассматриваются основные направления методологической системы, разработанной этим исследователем: это регионально-цивилизационный подход и теория музыкально-культурной традиции. Также представлен экскурс в индийскую цивилизацию на основе методов, предложенных Михайловым: дана структура индийской музыкальной культуры, анализируются базовые понятия индийской теории музыки, кратко рассматриваются вокальная и инструментальная традиции Южной Азии.*

Ключевые слова: *Индия, сангит, Дж.К. Михайлов, шастрия-сангит, уп-шастрия, рага, ситар.*

T. V. Kartashova**

J.K. MIKHAILOV AND HIS ROLE IN THE FORMATION OF MUSICAL INDOLOGY

Summary. *The article is devoted to the history of national musical indology, at the origins of which stood Moscow scientist and composer J. K. Mikhailov.*

* Карташова Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки и композиции Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, arun-rani@yandex.ru

** Kartashova Tatiana Victorovna – Doctor of Arts, Professor of the Department of Music Theory and Composition of Saratov Sobinov State Conservatory, arun-rani@yandex.ru

The regional-civilizational approach and the theory of the musical-cultural tradition were the main directions of his methodological system. The author is a student of Mikhailov and as such depicts Indian civilization on the basis of the methods proposed by Mikhailov. She gives the structure of Indian musical culture and the vocal and instrumental traditions of South Asia, analyzes the basic concepts of Indian music theory. The most fundamental layer is shastriya-sangeet, i.e. «Scientific music», the equivalent of the European definition of classics. The tops of shastriya-sangeet are the vocal genres dhrupad and khayal, which serve as the sound «symbols» of Indian civilization. The category of up-shastriya, or «semi-classical», occupies a special position. This layer of music is the most extensive and multilevel and today fills up most of the sound «field» of Indian culture. The leading genre of up-shastriya is vocal thumri in the context of related genres of dadra, tappa and traditional regional music of Hindustani. The category of «light classical» music (gazal, bhajan) is strongly associated with up-shastriya, but differs from it by another semantic load of raga.

Key words: India, sangeet, J. K. Mikhailov, shastriya-sangeet, up-shastriya, raga, sitar.

Отечественная музыкальная наука сравнительно молодая, по сравнению с давними традициями, сложившимися в области исследования индийской истории, религии, философии, культурологии, этнографии, литературы и т. д. Первыми исследованиями индийской музыки, проложившими путь в музыкальную индологию, являются работы Л. С. Синяверы «Музыка Индии» (1958)¹, М. П. Бабкиной «Музыка Индии»² (1969), В. С. Виноградова «Индийская рага» (1976)³, И. З. Олендер «Музыкальные инструменты Индии (1979)⁴, которые носят в основном популярный характер и рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. Отправной точкой в развитии музыкальной индологии стало появление оригинального научного направления «Музыкальные культуры мира» и открытие в середине семидесятых годов прошлого века нового учебного курса и лаборатории по практическому освоению различных азиатско-африканских музыкальных инструментов (со специальным классом

¹ Синявер Л. С. Музыка Индии. М.: Музгиз, 1958.

² Бабкина М. С. Музыка Индии. М.: Музыка, 1969.

³ Виноградов М. С. Индийская рага. М.: Советский композитор, 1976.

⁴ Олендер И. З. Музыкальные инструменты Индии. М.: Наука, 1979.

индийской классической музыки) в Московской государственной консерватории. Здесь на протяжении последних сорока лет активно и последовательно проводятся научные исследования не только в области музыкальной культуры Индии, но и других стран мира⁵. Данное направление основал талантливый московский учёный и композитор Дживани Константинович Михайлов (1938–1995), с 1976 г. работавший в Московской консерватории на кафедре зарубежной музыки. Он родился в Тбилиси и был назван в честь своего знаменитого предка – армянского поэта-ашуга Дживани⁶, который был автором огромного количества песен и поэм (свыше тысячи). В детстве мальчик воспитывался в семье отчима своей матери, кинорежиссёра и актёра И. Н. Перестиани (1870–1959), одного из создателей грузинской кинематографии⁷. Начинать своё профессиональное музыкальное образование Дж. Михайлов сначала в Тбилисской консерватории у А. М. Баланчивадзе, а с 1957 г. продолжил обучение в Московской консерватории, где через пять лет окончил класс композиции под руководством А. И. Хачатуряна. Среди его произведений особо выделяются такие, как «Гвалиорская рага» для камерного ансамбля (1968), «Фантазия на тему Екмаляна» для органа (1974), симфония для органа, бас-гитары и ударных (1978), рапсодия «Хадрамаут» для скрипки с оркестром (1979), концерт для ударных инструментов «Африкана» (1980), симфония-фантазия «Обратимость времён»⁸ (1986) и др.

⁵ В частности, Японии, Кореи, Китая, Ирана, Турции, африканских стран и др. Исследовательскую работу сейчас возглавляет ученица и последователь научной школы Дж. К. Михайлова Маргарита Ивановна Каратыгина, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки, начальник управления по координации программ международной деятельности МГК им. П. И. Чайковского.

⁶ Настоящее имя Себор Левонян (1846–1909). Его творчество оказало существенное влияние на формирование современного армянского литературного языка.

⁷ Режиссер и сценарист известных кинолент «Красные дьяволята» (1923), «Три жизни» (1925), «Ануш» (1931) и т. д.

⁸ Это произведение было специально заказано Михайлову и предназначалось для открытия Первого Международного фестиваля искусств в Вавилоне, где и было впервые исполнено в 1986 г.

К началу 70-х гг. Михайлов побывал во многих странах Азии и Африки⁹, где изучал различные музыкальные традиции. Испытывая подлинный научный интерес к музыкальным культурам различных стран мира, Дж. К. Михайлов в течение всей жизни регулярно выезжал в длительные творческие командировки в Индию (1969, 1977), Египет (1970–71), США (1973, 1990), Африку (Нигерия, Кения, Гана, Судан, Танзания: 1975), Йемен (1976), Анголу (1977), Японию (1994), где он выступал с лекциями, проводил семинары по различным аспектам музыкальной культуры, встречался с известными мастерами-исполнителями. Полученные данные легли в основу его кандидатской диссертации «Современные проблемы развития музыкальной культуры стран Азии и Африки», успешно защищённой в 1982 г. в Тбилиси. Он активно сотрудничал с энциклопедическими изданиями и написал ряд научных работ, посвящённых музыкальной африканистике и американистике, очерки по музыке Ближнего и Среднего Востока, Пакистана, Новой Зеландии, Шри-Ланки, Филиппин, Таиланда, Японии, Тибета и др.

Значительным событием в развитии отечественной музыкальной индологии стал организованный по инициативе Дж. К. Михайлова семинар «Традиции и современность в индийской музыке», проходивший в октябре 1987 г. в рамках Фестиваля Индии в СССР в Московской консерватории. Индийскую сторону представляли различные музыканты – певцы, танцоры, инструменталисты, включая классических исполнителей первой величины, таких как певцы Парвин Султана и Дильшад Хан, братья Дагары, обожествляемая индийцами М. С. Суббулакшми, а также видные учёные и музыкальные деятели: профессор Прем Лата Шарма, профессор Р. Сатьянараяна, профессор Прабха Атре¹⁰. Велась огромная работа по документированию сведений «из первых рук», с исполнителями обсуждались вопросы, касающиеся не только специфики их творчества, но и проблем индийского музыкального искусства в целом. Результаты дан-

⁹ Возглавлял класс композиции в Каирской консерватории.

¹⁰ Участие в семинаре такого уровне было первым опытом в научной жизни автора данной статьи, в то время – студентки Уфимского государственного института искусств.

ного семинара, явившегося первым опытом в сфере советско-индийского музыкознания, опубликованы в сборнике¹¹ научных статей, главным редактором которого был Дж. К. Михайлов.

Обратимся к научной проблематике, разработанной Михайловым. На основе опыта Берлинской школы сравнительного музыкознания, ведущей своё начало от работ Хорнбостеля и Закса, и данных этномузыкологии, выразившихся в трудах её видных представителей – Ломэкса, Мерриема, Блейкинга, Хууда, синологов Ван Гулика, Юнга, Кофмена, японистов Молма и Харих-Шнайдера, корейста Ховарда и многих других, а также достижений целого ряда смежных с музыкознанием наук (философии, культурологии, социологии, филологии), Михайлов сформировал оригинальное направление по изучению музыки мира «Музыкальные культуры мира» на основе предложенной им новой методологии. Тогда, в середине семидесятых, в противовес сложившемуся и устойчиво бытовавшему в советском музыковедении стереотипу об исключительности, универсальности и приоритетности европейского музыкального мышления, именно он впервые поднял вопрос о множественности и равнозначности музыкальных цивилизаций мира.

Основным объектом исследования стала музыкальная культура мира как *единая система* во всём многообразии её составляющих и всей сложности внутренних взаимосвязей. К основным задачам данного исследовательского направления относятся: 1) всестороннее изучение музыкальных культур различных региональных цивилизаций Земли, включая их философско-эстетические основания, внутреннюю стратификацию, жанровые системы, особенности музыкального языка, музыкальную органиологию, институты музыкальной деятельности и т. д.; 2) выявление взаимосвязей между музыкальными культурами разных регионов; 3) создание универсальной типологической матри-

¹¹ Традиции и современность в индийской музыке / Отв. редактор Дж. К. Михайлов. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 1988. За два года до этого события был издан первый сборник научных работ: Музыкальные традиции стран Азии и Африки / Отв. редактор Дж. К. Михайлов. М.: МГК им. П.И. Чайковского, 1986. Последний сборник вышел в 1990 г.: Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки / Отв. редактор Дж. К. Михайлов. – М.: МГК им. П. И. Чайковского, 1990.

цы музыкальной культуры на основе изучения многообразного звукового опыта различных народов мира и выявления системы критериев для анализа и оценки явлений каждой конкретной музыкальной культуры; 4) скоординированное изучение всех слоёв музыкальной культуры и соответствующих им категорий музыки (классической, традиционной, популярной и т. д.); 5) освоение необходимого терминологического аппарата каждой региональной цивилизации.

Особо важными составляющими методологической системы Дж. К. Михайлова являются регионально-цивилизационный подход и теория музыкально-культурной традиции¹². Одним из наиболее новаторских предложений Михайлова было утверждение, что не существует единого «образца» музыкальной культуры, в соответствии с которым должны рассматриваться музыкальные традиции разных народов¹³: «Единой музыки нет, музык много и все они разные, и каких-либо универсальных способов понимания, “измерения” и описания этих музык пока не существует. Вместе с тем, всё это многообразие музык складывается в единую глобальную систему мировой музыкальной культуры»¹⁴. Для того чтобы понять, как эта гигантская система функционирует и какую роль в её жизнедеятельности выполняют те или иные явления и процессы, необходимо было установить оптимальную единицу подразделения этого целого на самостоятельные и сопоставимые между собой части. В качестве такой единицы Дж. К. Михайловым был предложен *феномен региональной цивилизации*.

По Михайлову, музыкальная цивилизация-регион «есть проявление общности культурных явлений, организованных по

¹² Разработанная Михайловым методология получила своё применение в ряде дипломных (Е. М. Гороховик, Е. А. Царёвой) и диссертационных работ (М. И. Каратыгиной, Е. М. Гороховик, А. В. Новосёловой, А. И. Козятник), выполненных в Московской консерватории, включая дипломное, кандидатское и докторское исследования автора данной статьи.

¹³ Именно на этой иллюзорной позиции несколько веков стояло европоцентристское музыкознание.

¹⁴ Здесь и далее приводятся выдержки из лекций Дж. К. Михайлова, записанных автором статьи в 1986 г. в МГК.

принципу сетей в рамках определённой территории, в их максимальном масштабе». Под *сетями информационной общности*, которых в каждом регионе-цивилизации насчитывается несколько десятков, подразумеваются «такие объединяющие системы, как конфессиональные институты, комплекс структур, обеспечивающих жизнь двора и высшей знати, места концентрации городской культурной жизни и торговые центры» и т. д. Каждая из этих «сетей» имеет своеобразные «узлы», где формируется, аккумулируется и откуда распространяется специфическая для данной «сети» информация, циркулирующая между этими «узлами» по своим коммуникационным каналам. Если говорить именно о звукомызыкальном опыте какой-либо из цивилизаций, невозможно не учитывать территориального размещения этой цивилизации на карте мира, так как от этого зависят многие базовые акустические, психофизиологические и этико-эстетические характеристики тех звуковых «кодов», которые можно считать «генетической информацией» в любой из музыкальных культур.

Все признаки, по которым некую социально-культурную общность можно определить в качестве «региональной цивилизации», можно разделить на три группы: экологические, антропологические и социокультурные.

К первым относится наличие общих для региона географических и экологических факторов, предопределяющих единство образа жизни и хозяйственной деятельности общества, а также, в известной степени, единую «модель мира» (с её пространственно-временными, качественно-количественными и другими координатами).

К антропологическим (в широком смысле) признакам относится доминирование какой-либо расово-этнической группы и стабильные способы взаимоотношений между различными этническими сообществами. Каково происхождение среднестатистического представителя данной цивилизации (генетика), как он выглядит (расово-этнические черты), его темперамент, моторика, пластика, поведенческие особенности; вопрос соположения личности и космоса-природы, отношение к себе как к чело-

веку. Эти и многие другие проявления «человеческого фактора» играют важнейшую роль в становлении неповторимого облика культуры.

К социокультурным факторам единства цивилизации относятся «выработка единой философско-идеологической и религиозной системы, языковая общность, существование крупных государственно-политических образований» и др. Помимо этого, в качестве собственно музыкальных признаков, указывающих на развитие общества до уровня региональной цивилизации, можно считать: а) наличие общего «культивируемого звука», унификации его до уровня типологической модели-имиджа, а также отобранных, осмысленных и теоретически обоснованных норм его культивирования; б) параллельное функционирование в регионе «сетей» музыкально-информационной общности, связывающих воедино различные культурные институты, традиции, способы создания и воспроизведения звуковых текстов, принципы звуковой коммуникации, формы музыкальной жизни и т. д.; в) выработку данным обществом развитой звуко-музыкальной рефлексии, включающей различные уровни осознания звуковой субстанции и музыкального творчества (общую идеологию музыкального сознания, систему грамматического упорядочивания звуковой материи и весь комплекс оценочных механизмов и критериев и т. д.).

Наличие перечисленных объединяющих факторов, как правило, соотносится с параллельным развитием в регионе разнообразных, «нередко крайне поляризованных культурных элементов, во взаимодействии которых проявляется очень важный для любой цивилизации принцип осознанной необходимости сосуществования». Учитывая вышеизложенные критерии определения региональных цивилизаций, Дж. К. Михайлов предложил разделить «музыкальную карту» мира на девять частей, представив в виде совокупности системно организованных, изнутри осознающих свое единство, взаимодействующих и взаимопроникающих региональных цивилизаций: Европа, Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Дальний Восток (Китай, Корея, Япония), Центральная Азия, Тропическая Аф-

рика (или Африка южной Сахары), Америка, Австралия и Океания. В своих научных работах на «индийскую тематику»¹⁵ он впервые применил *системный* подход к рассмотрению базовых проблем музыкального искусства, т. е. представил социокультурные слои музыкальной культуры¹⁶. Экстраполируем методологию Дж. К. Михайлова на индийскую цивилизацию.

Структуру индийской культуры составляют: *шастрия-сангит* (музыка «высокой традиции», учёная), эквивалент европейскому определению классической музыки (вершины *шастрия-сангит* – вокальные жанры *дхрупад*¹⁷ и *хайал*¹⁸ – звуковые «символы» индийской цивилизации), *уп-шастрия* – «полуклассическая» (*тхумри*¹⁹, *дадра*²⁰, *таппа*²¹), «лёгкая клас-

¹⁵ Михайлов Дж.К. Вступительная статья // Б.Ч. Дева «Индийская музыка». М.: Музыка. С. 5–35; Михайлов Дж.К. Музыкальная культура Индии и её место в современном мире: опыт системной типологизации // Традиции и современность в индийской музыке. Сб. научн. трудов Московской консерватории. М.: МГК им. П.И. Чайковского, 1988. С. 37–49; Михайлов Дж.К. Размышления об универсальной терминологии в музыке: существует ли она? Если нет, то возможно ли её создание? Если возможно, то есть ли в этом необходимость? // Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки: Сб. научн. трудов Московской консерватории. М., 1990. С. 2–21.

¹⁶ Некоторые аутентичные названия впервые были введены в отечественный научный обиход автором данной статьи в период двухгодичной научной стажировки в Нью-Дели в институте Шрирам Бхаратия Кала Кендра.

¹⁷ Дхрупад – первый вокальный классический жанр Хиндустани, его расцвет приходится на XV в. Это строгий, нормативный стиль, исключаяющий какие-либо украшения и виртуозные элементы, с характерным ритмическим варьированием (техника бол-бант). Исполняется в медленном темпе, сдержанно и величественно. Тексты выдержаны в религиозном духе.

¹⁸ Хайал – классический вокальный жанр романтического содержания, продукт индомусульманского культурного синтеза, «классическим» стал с XVIII в. Типичный хайал – это большая композиция из двух частей: бара-хайал («большой») и чхота-хайал («малый»). В настоящее время хайал является самой популярной вокальной формой Северной Индии.

¹⁹ Тхумри – жанр «полуклассической» музыки, отличающийся любовно-эротическим и романтическим характером.

²⁰ Дадра – это подвижная ритмичная песня эротического содержания в тала «Дадра» (6 долей) на диалекте браджа бхаша с допустимым свободным введением стихов на языке урду.

²¹ Таппа (букв. «подпрыгивать») – самый техничный жанр уп-шастрия, произошёл от песен погонщиков верблюдов Пенджаба и Раджастанана. Впервые упоминается в трактате «Рагадарпана» (1665).

сическая» (бхаджан²², газал²³), лок-сангит (традиционная), популярная, «лёгкая» музыка²⁴.

Важнейшей особенностью теории Михайлова является особое отношение к феномену звука как к главному элементу музыкальной культуры. Звук рассматривается здесь не как материал музыкального построения, а как самодостаточное явление, воплощающее глобально-культурные, цивилизационные и национальные особенности. Именно звук является квинтэссенцией всего существа той или иной культуры, её «кодом», её «моделью мира». Недаром в Индии говорят, что вся музыка – часть великого Бога, который именуется Звук.

На южноазиатском субконтиненте представления о звуке сформировались еще во II–I тысячелетиях до н. э., основываясь на придании ему значения первоосновы Мироздания и причины всего сущего, что получило религиозное и философское осмысление в священных текстах и трактатной традиции. Вся культура данного региона на протяжении своего долгого и непрерывного исторического пути смотрела на мир сквозь «волшебный кристалл» звука, выстраивая «отношения» с Вселенной – безграничным океаном звучания.

Именно знание музыки подводит сознание личности к пониманию истинного значения мира и даёт возможность ощутить его вечную и неизменную сущность. Для индийского музыканта звук – это сложнейшая многоаспектная сущность, воплощающая в себе весь смысл бытия, от гармонии мира до личных духовных интенций отдельно взятого человека. Отсюда и особое мироощущение музыканта, осознающего свою избранность перед богами и людьми, ибо только ему доступно более обширное поле вечно и безгранично звучащего Космоса, а это значит, что он намного ближе других к пониманию Истины. В то же время,

²² Бхаджан (от санскр. корня «бхадж» – «принимать участие», «чтобы служить», «любить») – индусская религиозная песня. Бхаджан предназначен для концертного исполнения на сцене и не является составной частью религиозной церемонии.

²³ Газал («беседа между влюблёнными»), – лирическая песнь на урду в строфической форме.

²⁴ Более подробно см.: Карташова Т. В. Уп-шастрия как общее звуковое пространство музыкальной культуры Северной и Южной Индии. М.: Композитор, 2010. С. 6.

на нём лежит и огромная ответственность перед миром, так как в его власти влиять с помощью звука на жизнь Вселенной, упрочивать или разрушать её гармонию.

Традиционная индийская музыкальная теория для обозначения искусства звука использует термин «*сангим*»: образован от слов «сан» (означает «вместе с») и «гит» («песня»). Следовательно, термин переводится как «песня и всё, что следует вместе с ней» и подразумевает синтез искусств, взаимосвязанных звуковой природой: единство музыки во всех её проявлениях, танца (жеста, движения) и драматического действия, т. е. трёх неразрывно связанных между собой видов художественной деятельности»²⁵.

Звук осознавался не только как элемент построения музыкальной композиции, а как особое самостоятельное явление, выступал в качестве материи, которая не только служила истоком материального мира, но и была способна гармонизовать все элементы универсума. Именно сакральные представления о звуке и его влиянии на пространство и человека привели к появлению разработанной системы, регламентирующей время и условия исполнения музыкальных композиций. Имеется в виду теории временной соотнесенности раговой музыки, предполагающей наличие непосредственной взаимосвязанности времени суток с презентацией той или иной звуковой (*рага*) или метроритмической (*тала*) шкалы.

Рага – одно из базовых понятий индийской теории музыки. Санскритское слово «рага» («рааг») – мужского рода, в отечественной индологии по сложившейся традиции оно склоняется как существительное женского рода. Этимология связана с корнем «рандж» – от глагола «окрашивать», «придавать оттенок». Это особое психоэмоциональное состояние, выраженное с помощью различных составляющих (специфического «окрашивания» лада, музыкальной структуры, манеры исполнения). Эмоциональный посыл, который несёт в себе рага, «окрашивает» и «воздействует на наше сознание, заставляет переживать, чувствовать, ощущать. Многоуровневое понятие: 1) в теории индийской классической музыки – система приёмов развития звуковой материи, в резуль-

²⁵ Там же. С. 5.

тате воздействия которых на человека достигается вхождение в определённое психоэмоциональное состояние *раса*; 2) звукоряд с внутренне обусловленной иерархией тонов и строгой системой их взаимоотношений; 3) модель-каркас музыкальной композиции»²⁶. Как известно, презентация каждой *раги* должна осуществляться не только в определённое время года (сезоны, периоды дождей или сильной жары), но и в строго отведенные часы суток (ночные, утренние, предрассветные). Только в этом случае может быть достигнуто абсолютное ощущение спокойствия, приводящего к внутреннему удовлетворению (гармонии в душе и в отношениях с Космосом). Несоблюдение этих законов, согласно концепции древнеиндийских философов, может привести к телесным болезням и даже разрушить человеческий организм.

Человеческое тело, следуя древнеиндийским философским доктринам, является божественной «моделью» вечнозвучащего Космоса, важнейшим источником и проводником звучания. Именно поэтому в Индии приоритетное место принадлежит вокальной музыке, которая и в настоящее время считается искусством более высокого порядка, чем инструментальная, которая более опосредованно связана с процессом продуцирования звуковой ткани. В 1960-х гг. огромную роль сыграло широкое распространение популярной музыки и джаза как своеобразного «полигона» для развития массового интереса к музыкальному искусству Индии. Знакомство многотысячной молодежной аудитории с индийской музыкой «привело к настоящему ситарному “взрыву”. Именно в это время *sitar*²⁷ завоевал международную известность благодаря гастрольным турне по миру и блестящей игре непревзойденного исполнителя Рави Шанкара. Многие поп- и рок-музыканты, начиная с кумиров той эпохи – ансамблей “Битлз”, “Роллинг Стоунз”, “Махавишну”, “Трэффик” и др., использовавших в своих композициях элементы ситарной выразительности, – становились последователями известных *гуру*²⁸,

²⁶ Там же. С. 538.

²⁷ Ситар – струнный инструмент с длинным грифом: имеет пять металлических, две чикари (бурдонизирующие) и семнадцать дополнительных (резонирующих) струн.

²⁸ Гуру – в индусской традиции – учитель.

уезжали в Индию, чтобы в полной мере погрузиться в атмосферу поманившего их мира»²⁹.

И даже на сегодняшний день нельзя не удивляться тому, насколько велик и многообразен мир инструментальной музыки, представленной тысячами интереснейших традиций. Музыкальный инструмент как явление культуры прошел в индийской цивилизации столь же сложный эволюционный путь, как и поющий человеческий голос. Веками отшлифовывалась техника звукоизвлечения и созидания звуковых полотен на таких инструментах, как вина³⁰, ситар, сарод³¹, саранги³², бансури (флейта) и др. Рядом с музыкантами-исполнителями неутомимо работали мастера, трудясь над усовершенствованием конструкции инструментов, пытаясь придать их деревянным, металлическим, тыквенным, глиняным, бамбуковым телам такие свойства, которые обеспечили бы изумляющие слух глубину и прозрачность, силу и нежность тона, которые делали бы неограниченными возможности музыканта в улавливании в безмерном «океане звучания» его тончайших и разнообразнейших волн.

Становление инструментальной традиции как самостоятельной области классической индийской музыки связано и с другими инструментами. Каждый из них высвободился из-под «опеки» вокальной музыки благодаря деятельности блестящих музыкантов, усовершенствовавших инструменты и технику игры на них, создававших собственный фонд выразительных средств и эталонных текстов для того или иного инструмента. Их имена известны не только в Индии, но и за пределами страны. В настоящее время в Индии и вокальная, и инструментальная традиции по значимости уравниваются друг друга и

²⁹ Карташова Т. В. Указ. соч. С. 10.

³⁰ Вина – индийская цитра, в древности называлась кинара, инструмент богини Сарасвати, покровительницы искусств: состоит из двух тыквенных резонаторов, на которых крепится бамбуковая или деревянная полая труба, представляющая собой гриф; 4-х металлических струн и нескольких дополнительных, предназначенных для бурдона и виртуозных пассажей (джхала).

³¹ Сарод – инструмент из семейства лютовых: имеет семь струн и две чикари (бурдонизирующие); играют плектром.

³² Саранги – смычковый инструмент с тремя-четырьмя струнами.

пользуются огромной популярностью по всему южноазиатскому субконтиненту.

Дж.К. Михайлов всю свою жизнь посвятил делу изучения инокультурных музыкальных цивилизаций. Его творческая деятельность во многих странах мира носила поистине миротворческий характер. Музыковедческие работы учёного являются важным и неоспоримым достижением не только в отечественной, но и в мировой музыкальной индологии. Именно Дж. К. Михайлов был одним из первых европейских музыкантов, который получил престижную премию Хафиз Али Хана³³, вручаемую президентом Индии. В настоящее время курс «Музыкальные культуры мира», основанный на методологии и научных выкладках Дж. К. Михайлова, успешно продолжают внедрять в учебный процесс вузов и средне-специальных учебных заведений его ученики-единомышленники, живущие не только в России, но и в странах дальнего и ближнего зарубежья. Личность Дживани Константиновича сыграла знаковую роль в судьбе каждого из них. Это был не только выдающийся учёный-исследователь, но и удивительно талантливый человек, которого уважали, ценили, к которому прислушивались, с которым хотелось общаться, которому хотелось подражать... Самое важное, чему учил Дж. К. Михайлов, это относиться тактично, доверительно и с уважением к различным проявлениям звукомusикального опыта Вселенной. Именно Михайлов привил своим последователям стремление постигать новые звуковые пространства не по книжным изданиям и кассетам, а через неопределимый практический опыт освоения вокально-инструментальной традиции. Только живое общение с носителями той или иной культуры, через пребывание в соответствующей инокультурной среде, чтобы создать правильные ценностные ориентиры в ее звуковом «поле» и, как следствие, подстроить психофизиологические системы собственного организма, включая слух, к специфике восприятия, выработанного данной цивилизацией. Только такое отношение проложит подлинный путь к открытию и постижению другого мира, который,

³³ Хафиз Али Хан (1888–1973) – основатель школы сарода; отец прославленного современного музыканта-сародия Амджад Али Хана.

давая западному человеку иное ощущение жизни, одновременно помогает лучше рассмотреть себя в зеркале другой культуры. Это также и путь, который неуклонно ведёт как к взаимопониманию между людьми, населяющими различные регионы Земли, так и к собственному духовному обогащению. Для автора данной статьи фигура Дживани Константиновича Михайлова является в определённой степени судьбоносной, а его имя всегда означало и будет означать первого учителя-наставника, или, как говорят индийцы, *гуру*, открывшего дорогу в глубинные тайны удивительно многообразного и самобытного мира индийской музыки.

Д. Н. Худоназаров*

**ВОСТОКОВЕД-ИНДОЛОГ А. М. ДЬЯКОВ –
ПЕРВЫЙ НАРКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОДИН
ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ТАДЖИКСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

***Аннотация.** Статья посвящена малоизвестным страницам из жизни Алексея Михайловича Дьякова (1896–1974). Рассмотрен этап его дореволюционной жизни: социальное происхождение, увлечение социал-демократическими идеями, учеба в Томском университете. Реконструируется период участия его в экспедиции Туркфронта по установлению советской власти на Памире. В 20-е гг. XX столетия Дьяков вложил много сил, знаний и умений в рождение Таджикской автономной республики, а затем способствовал ее преобразованию в союзную республику. Активная деятельность Алексея Михайловича Дьякова при формировании таджикской государственности – тема, достойная специального изучения.*

***Ключевые слова:** Тверская губерния, РСДРП(б), Средняя Азия, Ташкент, Памир, таджики, Таджикская республика.*

D. Khudonazarov**

**ORIENTALIST-INDOLOGIST A.M. DYAKOV –
FIRST MINISTER OF HEALTH AND ONE OF THE FOUNDERS
OF TAJIK REPUBLIC**

***Summary.** The article provides a little-known life history of Alexei Mikhailovich Dyakov (1896–1974), a prominent Russian and Soviet officer and political figure, whose name is closely associated with the establishment of the Tajik state-*

* Худоназаров Давлат Назарович – кинорежиссер художественных и документальных фильмов, а также историк, изучающий период присоединения Памира к России, davlatkh@yandex.ru

** Davlat N. Khudonazarov – film director of movies and documentary films, historian who studies the period of the annexation of the Pamirs to Russia, davlatkh@yandex.ru

hood and the Tajik nation. It discusses the stages of his pre-revolutionary life, including his social status and origin, his enthusiasm for social democratic ideas, his study at Tomsk University. The article also reconstructs his participation in the expedition of the Turkestan Front in the establishment of Soviet rule in the Pamirs. In the 1920s Dyakov invested a lot of strength, knowledge and skills in the creation of the Tajik Autonomous Republic, and then promoted its transformation into a Union Republic. The article will also discuss the activities of Aleksei Dyakov in the formation of Tajik statehood, which is a vast topic on its own and requires separate investigation.

Key words: *Tver province, RSDLP(b), Central Asia, Tashkent, the Pamirs, Tajiks, Tajik Republic.*

В конце января 2017 г. на интернетовской странице «Азия-Плюс» я прочел с благодарностью статью Гафура Шерматова под названием «Русский доктор», в которой автор осветил деятельность А. М. Дьякова, врача и первого организатора системы здравоохранения в Таджикистане. О нем как о выдающемся востоковеде много лет назад опубликовала замечательную статью¹ его ученица Л. Р. Гордон-Полонская². Мне же хочется дополнить статьи историков некоторыми подробностями из жизни русского доктора и ученого, одной из ключевых фигур при создании таджикской государственности. В 20-е гг. XX столетия Дьяков вложил много сил, знаний и умений в создание Таджикской автономной республики, а затем в 1929 г. – в преобразование ее в союзную республику. Ныне не только в Таджикистане, но и в Москве о нем мало известно, ибо ушли из жизни те, кто знал его близко. Сам он из природной скромности не писал и не рассказывал о таджикском периоде своей жизни, а если рассказывал, то это были смешные бытовые сцены времен его службы на Памире. Судьба подарила мне радость общения с Алексеем Михайловичем в последние десять лет его жизни, с 1964 по 1974 г. Не помню, чтобы он рассказывал что-либо серьезное про себя, про свою,

¹ Полонская Л. Р. Алексей Михайлович Дьяков (1896–1974). Революционер и ученый // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М.: Наука, 1988. Это сборник статей о выдающихся советских востоковедах, организаторах востоковедной науки, создателях научных школ.

² Людмила Рафаиловна Полонская (Гордон; 1922–1996), советский и российский историк-востоковед, доктор исторических наук, работала в Институте востоковедения РАН, профессор МГУ.

чрезвычайно важную работу в Таджикистане. Когда я, извлекая сведения о нем из архива или из рассказов других участников событий тех лет, задавал ему вопросы, он, подтверждая факты, всегда принижал свою роль и переводил рассказ на других.

Согласно официальной анкете, А. М. Дьяков в декабре 1924 г. был назначен первым наркомом здравоохранения Таджикской АССР. Оставаясь им, стал в мае 1925 г. зав. организационным отделом Таджикского областного Оргбюро КП(б) Узбекистана. В феврале 1928 г. был отозван в Ташкент, в Средне-Азиатское Бюро ЦК ВКП(б). Однако уже в июле 1928 г. он – член Ученого совета при Таджикском институте просвещения, а полгода спустя начал исполнять обязанности партийного руководителя Ходжентского округа и принял самое активное участие в преобразование Таджикской АССР в союзную республику. Попробуем вкратце проследить, как мальчик из дворянской семьи, обитавшей в Тверской губернии, стал патриотом таджикской земли.

Алексей Михайлович родился 17 февраля 1896 г. в Луганово, Первитинской волости Тверской губернии, в усадьбе своего деда, помещика Александра Николаевича Дьякова, мать которого, Варвара Александровна, была сестрой М.А. Бакунина, известного русского революционера и мыслителя, идеолога социального анархизма и народничества. Алексей Михайлович в своих воспоминаниях написал о деде: «Еще будучи в юном возрасте, между племянником и дядей (Александром Дьяковым и Бакуниным – ДХ) возникали горячие споры и трения. Созидатель по натуре, он не мог принять разрушительные идеи анархизма. Вместе со своими родственниками по бакунинской линии он занимал самые либеральные позиции во время подготовки проектов реформ 1860-х годов, а затем с головой ушел в земское движение»³. Однако последующие поколения семьи были в той или иной степени вовлечены в народничество и в социал-демократическое движение. И не случайно отец Алексея – дворянин и врач Михаил Дьяков стал революционером, вступил в РСДРП со дня основания, а в 1905 г. стал членом партии большевиков. В помещичьей усадьбе Луганово порой до полутора десятка человек разных

³ Дьяков А.М. Годы детства и молодости. СПб. 2007. С. 17.

политический убеждений скрывались от полиции под разными вымышленными именами.

«Однажды зимой 1907 года в Луганово производили обыск. Один из заболотских крестьян предупредил дедушку о том что едут с обыском, но стражники прибыли раньше, чем их ожидали, и типографские шрифты, хранившиеся в амбаре под овсом, не успели спрятать. Тогда их наскоро собрали, увязали в тюки, и велели мне и Таричану⁴ унести тюки и закопать их в яму, в снег. Полицейские не обратили на нас внимания, и мы со страхом, но с чувством гордости, благополучно выполнили свое революционное задание»⁵.

Аресты отца, переезды от одних родственников к другим, из одного региона в другой, из Луганово в Тверь, оттуда в кубанскую станицу Отрадную, далее в Санкт-Петербург, снова на Кубань, конспирация, обыски были частью жизни Алексея и его брата.

Уже в юношеские годы Алексей оказался в поле зрения полиции. Во время поступления в университет ему сорвали сдачу экзамена по латыни в Твери, без которого он не мог стать студентом. Об этом он узнал не сразу. Узнав, уехал в Томск, где сдал латынь и поступил на медицинский факультет Томского университета, а его брат Таричан – на горное отделение Технологического института. Но оказалось, что и в Томске знали про революционную деятельность их отца, и братья были под негласным надзором полиции. Алексей и Таричан, в семье которых духовные ценности французской революции «Свобода, равенство, братство» не были пустым звуком, сделали смысл этих слов органической частью своей жизни, своей нравственности. Алексей с юношеских лет читал газеты и листовки разных партий, сравнивал их политику и идеологию, спорил с меньшевиками и анархистами, которые у них прятались. Он прошел долгий путь, и его вступление в партию большевиков в мае 1917 г. было осознанным выбором.

⁴ Таричан Михайлович Дьяков (1897–1939), брат А. М. Дьякова, член РСДРП(б) с 1917 г. служил в Красной армии, в войсках ВЧК, ОГПУ. В 1921 г. возглавил экспедицию Туркестанского фронта по установлению советской власти на Памире. В 1936 г. – начальник отдела уголовного розыска ГУРКМ НКВД СССР.

⁵ Дьяков А. М. Указ. соч. С. 27.

В феврале 1918 г. Алексей отправился в Томск, чтобы продолжить медицинское образование. Однако месяц спустя Томск захватили войска адмирала Колчака, и всем, кто в той или иной степени был связан с большевиками, пришлось сменить место жительства и укрыться в подполье. Алексей сразу же ушел из дома, в котором жил, и устроился на работу в Ботаническом саду, где ему удалось получить комнатку в подвальном этаже. Работу он сочетал с учебой. Временами у него скрывались подпольщики, разыскиваемые полицией. В апреле 1919 г. он и его однокурсники через университет получили повестки от военкомата. Белой армии были нужны врачи, и Колчак приказал: студентов медицинского факультета, в том числе и недоучившихся, – мобилизовать. В военкомате не стали дотошно разбираться, кто есть кто. Дьякова вместе с товарищами по курсу⁶ направили в Троицк, там он получил назначение на врачебно-питательный пункт, расположенный на станции около башкирского села Узямбаево. Так Алексей оказался на службе в армии адмирала Колчака. В своем пункте он лечил как белых, так и пленных красноармейцев, которых он смог уберечь до прихода Красной армии.

Вскоре Алексей узнал, что его отец в Троицке Челябинской губернии, где свирепствовал сыпной тиф. Доктор Михаил Дьяков вызвался добровольцем в начале эпидемии, приехал и работал в госпитале, а год спустя умер от этой болезни⁷. Последние месяцы вместе с ним там же работал врачом его сын Алексей.

«Я очень тяжело переживал смерть отца. По политическим взглядам и по всем своим интересам он был самым близким мне человеком. Он очень интересовался природой, ботаникой, этнографией, лингвистикой, но на первом месте у него была борьба за социальную справедливость и права народов России»⁸.

В 1921 Алексей завершил образование на медицинском факультете в Москве, во 2-м МГУ, и попросил направить его в

⁶ Его сокурсником был, в частности, Иосиф Абрамович Кассирский (1898–1971), впоследствии – крупный советский терапевт и гематолог, академик АМН СССР.

⁷ Зорин И. В., Фролова Н. А. М. А. Дьяков – врач и профессиональный революционер // Здравоохранение Российской Федерации. 1983. № 11.

⁸ Дьяков А. М. Указ. соч. С. 106.

Среднюю Азию. Во время посадки в поезд он встретил знакомую, Лидию Николаевну Вите, врача, признанного авторитета по бактериологии. Она ехала в Среднюю Азию по направлению Наркомздрава для борьбы с чумой на границе с Персией. В одном вагоне с Дьяковым ехал Баки Урманче, художник, один из будущих основоположников татарского изобразительного искусства. Урманче служил до революции в царской армии в Коканде, хорошо знал Ташкент и Ферганскую долину. От нового знакомого Дьяков в течение шести дней пути узнал очень многое о Ташкенте и Средней Азии. Он радовался своему выбору – тому, что едет навстречу ранее неведомой ему стране, совершенно не похожей на Европейскую Россию по климату и по этническому составу населения.

Лидия Николаевна, уроженка Ташкента, знавшая большую часть местной интеллигенции, взялась знакомить его с Ташкентом и ташкентцами.

На второй день после прибытия они оба со своими направлениями пришли в Наркомат здравоохранения Туркестана, где Лидия Николаевна познакомила Дьякова с уже известным тогда антропологом Львом Ошаниным⁹, дружба с которым позволила Дьякову сблизиться с ташкентской научной интеллигенцией. В Наркомздраве очень обрадовались новому врачу. Узнав, что он прошел в институте курс борьбы с малярией, тут же подготовили приказ о назначении его на должность заведующего пунктом борьбы с малярией в кишлаке Той-Тюбе. Дьяков раздобыл учебник узбекского языка Наливкина и начал учить узбекский язык. С трудностями, вначале пешком, потом на арбе, он добрался поздно вечером до своего кишлака, переночевал в чайхане. На другой день оказалось, что малярийный пункт существует только на бумаге, его надо создавать с нуля. Дьяков встретился с местным начальством, настоял на выборе помещения для пункта. Удалось найти относительно подходящее помещение, которое оказалось частным, за аренду которого надо было платить, денег же на это не было. Дьяков вернулся в Ташкент, чтобы до-

⁹ Лев Васильевич Ошанин (1884–1962), советский антрополог, биолог, доктор биологических наук, профессор, основатель школы антропологии в Средней Азии.

ложить наркому о проделанной работе и о необходимости срочно решить проблему аренды помещения. Нарком был удивлен, взял адрес Дьякова и обещал сообщить, когда вопрос с помещением будет решен.

Однако вскоре жизнь Алексея Михайловича коренным образом изменилась в связи с приездом в Ташкент его младшего брата. Таричан Дьяков прибыл из Мерва, где служил в ЧК и боролся с басмачами. Его вызвали в Ташкент и поручили сформировать особый пограничный отряд во главе с Военно-политической тройкой для создания и укрепления органов Советской власти на Памире и восстановления границ. Организовать экспедицию было трудно даже в мирное время, в условиях же Гражданской войны дело усложнялось многократно, тем более что его надо было начинать с нуля. Все организационные заботы военной экспедиции ложились в основном на плечи молодых руководителей во главе с Таричаном Дьяковым.

Алексей Михайлович попросился в отряд, но Таричан безапелляционно отказал ему, сказав, что врачом поедет опытный фельдшер. Однако вскоре оказалось, что фельдшер, назначенный врачом отряда, категорически отказался ехать на Памир, и Таричан вынужден был предложить эту должность брату. Против отъезда Дьякова выступил Наркомздрав, поэтому вопрос о его назначении в отряд разрешился только на заседании ЦИК, на котором была утверждена и Чрезвычайная тройка в составе председателя Таричана Михайловича Дьякова и двух членов – Шириншо Шотемура¹⁰ и Хаккула Хусанбаева.

В своих воспоминаниях Дьяков писал: «Шириншо, красивый, черноглазый парень лет 22–23, родился на Западном Памире, в шугнанском кишлаке Поршневе. Хотя он в то время только что вступил в партию, его включили в состав тройки как человека, хорошо знакомого с условиями жизни на Памире. Хусанбаев, местный узбек, железнодорожный рабочий, вступил в пар-

¹⁰ Шириншо Шотемур (в истории СССР известен как Шотемор, 1899–1937), советский политический, партийный и государственный деятель. Один из основных организаторов создания Таджикской АССР. Руководитель партийной организации Таджикистана (1929–1930), председатель ЦИК Таджикской ССР (1933–1937), посмертно присвоено звание Герой Таджикистана (2006).

тию раньше Шириншо, но по части политграмоты значительно уступал ему»¹¹.

Шотемуру было только 22 года, он был студентом Ташкентской трудовой педагогической школы – это была преобразованная после революции учительская семинария Остроумова. Алексей Дьяков был старше Шириншо на три года. Встреча этих двух людей доставила им обоюдную радость. Алексей, в отличие от своего брата Таричана, порой резкого и вспыльчивого, был всегда доброжелательным человеком, в трудные 1920–30-е гг. он стал для Шириншо наставником, другом и единомышленником, в советах которого тот остро нуждался. А для Алексея Шириншо стал проводником в новый мир – в страну и культуру таджиков, которую он полюбит от всего сердца и отдаст ей десять лет своей жизни. Начался для него этот мир с Памира.

Тем временем, пока караван с отрядом двигался с Оша, на Памире происходили события, которые свидетельствовали о важности миссии экспедиции Дьякова. В Хороге произошел конфликт внутри пограничного отряда – того самого отряда, на смену которому на Памир направлялась Военно-политическая экспедиция во главе с Таричаном Дьяковым.

Этот период времени советские историки обозначили двумя фразами. Они обходили его стороной – то ли из-за нехватки материалов, то ли по цензурным соображениям. Скорее всего, они просто не могли писать о разложении красноармейского отряда под командованием Семькина. На события 1921 г. проливают немного света воспоминания Раджи Махендры Пратапа (1886–1979), известного деятеля национально-освободительного движения Индии, который оказался по воле судьбы в Хороге. Он не смог из Афганистана выбраться в Китай, так как местные китайские власти не разрешили ему перейти границу, и оказался «запертым» в афганском Бадахшане. Раджа надеялся найти помощь у начальника Памирского отряда Семькина в Хороге, куда он попал в сентябре 1921 г. вместе с сопровождавшими его лицами. Однако там он стал свидетелем разогретой местной «революции». Он узнал, что его знакомый Семькин был обвинен в

¹¹ Дьяков А. М. Указ. соч. С. 127.

растрате денег отряда и арестован своим заместителем Гладышевым. Раджа попытался примирить противоборствующие стороны. Для этого он созвал митинг солдат и местных жителей, перед которыми произнес речь. Гладышев выступил со своей версией случившегося и был поддержан солдатами. Миротворческие усилия индийского принца не увенчались успехом. Семькин потерял доверие, как у солдат, так и у местного населения. Несколько дней спустя Гладышев вместе с отрядом в сорок солдат вознамерился доставить арестованного Семькина в Ташкент. Раджа уговорил Гладышева разрешить и ему отправиться вместе с ними. В середине сентября отряд Гладышева вместе с индийским принцем и сопровождавшими его афганцами покинул Хорог и направился в сторону Восточного Памира¹².

Тем временем отряд Дьякова преодолел перевал Большой Талдык. Таричан, посоветовавшись с членами своей Тройки, решил на два-три дня устроить привал у местечка под названием Ольгин Луг (в честь Ольги Федченко), чтобы бойцы смогли немного отдохнуть и адаптироваться к непривычным условиям высокогорья.

Из воспоминаний Алексея Дьякова: «Эту долину, покрытую ковром из многолетних трав, окружали горы, заросшие высокоствольными арчевыми лесами. Вечером первого же дня сюда внезапно прибыл из Хорога пограничный отряд, который мы должны были сменить. Отрядом командовал Аркадий Гладышев. <...> К нашему изумлению оказалось, что в отряде находится индиец Раджа Махендра Пратап, бежавший от преследования английских колониальных властей, которому он подвергался за участие в борьбе за независимость Индии. Махендра Пратап являлся членом так называемого “временного Правительства Индии” сформированного в Кабуле. Вечером меня вызвали в палатку Таричана для беседы с индийцем. Беседовали мы на немецком языке, и я выступал в роли переводчика. Хотя Пратап знал немецкий не очень хорошо, нам все же удалось выяснить, что он прибыл для переговоров с Наркоминделом и намеревался попросить со-

¹² Raja Mahendra Pratap. My Life Story. 1886–1979. Vol. 1: 1886–1941. Edited by Dr. Vir Singh. Originals, 2004. P. 64–65.

ветское правительство оказать помощь борцам за национальную независимость Индии. Наш собеседник поведал, что не принадлежит ни к одной политической партии, но поддерживает тесные отношения с Ганди, Мотилалом Неру и другими лидерами Конгресса и свараджистов. По совести говоря, в то время никто из нас толком не знал, что такое Конгресс и сварадж»¹³.

Таричан ответил индийцу, что тот может продолжить свой путь с уезжающим отрядом в Ташкент, а там ему помогут добраться до Москвы. Такова была мимолетная встреча будущего востоковеда–индолога с легендарной фигурой индийского национально-освободительного движения.

Братья Дьяковы не знали, что Махендра Пратап в 1919 г. уже побывал в Москве, встречался с Лениным и вернулся в Кабул вместе с новым советским полпредом Я. Сурицем. Но всего этого раджа, по понятным причинам, не считал нужным рассказывать своим случайным собеседникам на высотах Восточного Памира. К тому же красноармейцы Дьякова до встречи с их командиром распотрошили багаж индийского гостя. Раджа был настолько обижен и оскорблен¹⁴, что о встрече с Дьяковым не написал ни одной строки в своих воспоминаниях. Да и Таричану Дьякову было не до индийца – у него были свои заботы.

Из воспоминаний Алексея Дьякова: «Еще до беседы с Махендрой Пратапом Таричан вызвал Гладышева к себе и очень сурово заявил, что Гладышев нарушил свой долг, так как его отряд должен был оставаться в Хоробе до нашего прибытия. Таричан отстранил Гладышева от должности начальника отряда и обещал, что будет настаивать на том, чтобы его судили по прибытию в Ташкент. Поступок Гладышева мог бы иметь крайне опасные последствия для отряда, если бы басмачам вздумалось захватить Хороб»¹⁵.

На следующий день отряд Семькина – Гладышева со своими арестованными командирами направился в сторону Оша. Вместе с ними в Ташкент следовал Раджа Махендра Пратап, а

¹³ Дьяков А. М. Указ. соч. С. 133–134.

¹⁴ Raja Mahendra Pratap. Op.cit. P. 67.

¹⁵ Дьяков А.М. Указ. соч. С. 134.

Алексей Дьяков с отрядом днем позже продолжил свой путь в обратном направлении, в Хорог.

С появлением в Хороге военной экспедиции Дьякова молодые таджики добровольно пошли служить в новом Памирском отряде. Многие из них владели русским языком, так как учились в дореволюционной Хорогской русско-туземной школе. Председатель Тройки был строгим командиром, порой очень жестким, требовательным к себе и к подчиненным, честным и справедливым. Он требовал полного равенства в быту комсостава и рядовых красноармейцев, как прибывших, так и местных. Автор этих строк в детстве слышал восторженные слова о нем от своего деда, Кадамшо Додихудоева, бывшего красноармейца, служившего под началом Таричана Дьякова.

Военврач Алексей Дьяков был, напротив, сердобольным, мягким по характеру человеком, ездил в кишлаки лечить больных, делился с ними своим пайком, чаще всего оставлял им то, что имел с собой, в том числе свою военную одежду, за что был строго наказан своим братом-командиром. Очень скоро Алексей Дьяков выучил местные языки, ближе познакомился с бытом и культурой народа. Братья пользовались уважением, как среди своих товарищей, так и среди местного населения.

Из воспоминаний Дьякова: «До нашего прибытия в Хорог порядок на посту поддерживали военнослужащие-таджики. Они сохранили не только постройки, но и довольно хорошую библиотеку, собрание книг которой могло бы сделать честь даже научным библиотекам крупных городов в центре России. В библиотеке имелся комплект энциклопедии Брокгауза и Ефрона. В ней было много редких книг по экономике, географии, геостратегии Средней Азии, Афганистана, Индии, а так же учебники на индийском, персидском, английском языках»¹⁶. Дьяков был благодарен дореволюционным начальникам Памирского отряда за столь богатое, тщательно подобранное собрание книг. Погружаясь в чтение этих книг, он не сознавал, что в своем увлечении ими шаг за шагом обретает новую профессию.

¹⁶ Там же. С. 141.

Год спустя на Памир по сложившейся еще в дореволюционное время традиции прибыл сменный отряд. Они привезли решение ТуркЦИКа о назначении Шириншо Шотемура председателем Ревкома Памира. Отряд пограничников Таричана Дьякова в октябре 1922 г. покинул Памир. Алексей Дьяков остался с Шотемуром на второй год и продолжил свою службу военврача в новом отряде.

«Экспедиция на Памир сыграла чрезвычайно важную роль в моей жизни. Там я глубоко заинтересовался Востоком, познакомился с ним, выучил фарси, дари, узбекский, шугнанский и стал по учебникам, найденным в библиотеке поста, учить английский язык. Там же я перечел все книги о Востоке на русском, французском и немецком языках, которыми пользовались еще в царское время. Памир стал для меня ступенькой к востоковедению, с которой начался мой путь в востоковедение»¹⁷.

Там же, на Памире, Дьяков начал учить афганский пушту, хинди и урду. В пограничном отряде, на берегу горной реки, где он читал книги по истории и культуре Индии, произошло рождение будущего выдающегося индолога. Но, покидая Памир врачом, он признавался: «...я даже не смог себе представить, что оставлю медицину и профессионально займусь Востоком и Индией»¹⁸.

В августе 1923 г. Алексей Дьяков, дождавшись сменного отряда, вернулся в Ташкент. Он сразу же был направлен в Сырдарьинскую область председателем врачебной секции Медсантруда. Ему было поручено провести мобилизацию врачей на борьбу с эпидемией холеры в одном из кишлаков Амударьинского округа. Он провел эту мобилизацию, сам перебрался туда и прожил там до окончания эпидемии. «Отличительной чертой А. М. Дьякова, – писала в своей статье Л. Р. Полонская, – было то, что где бы он не трудился – в области здравоохранения, на партийной работе, позднее на научной ниве, – если ему нужно было поднять людей на какое-то трудное дело, он всегда действовал, прежде всего, личным примером: всегда шел туда, где было всего

¹⁷ Там же. С. 154.

¹⁸ Там же.

труднее, никогда не думая о карьере и продвижении по служебной лестнице»¹⁹. После эпидемии Дьяков работал одновременно зав. подотделом санитарной службы Наркомата здравоохранения Туркестанской Республики и врачом Ташкентского госпиталя.

Некоторое время спустя, осенью 1923 г., Шотемур приехал в Ташкент по служебным делам. Он был озабочен подготовкой кадров на Памире, для этого надо было, прежде всего, развивать школьное дело, а учебников не было вовсе. Автор этих строк в 1967 г. в Ташкенте, в государственном архиве Узбекистана, занимался поисками материалов по первым учебникам на таджикском языке, написанным до создания Таджикской АССР. Но оказалось, что таковых не было и в помине. Сотрудники архива посоветовали мне встретиться с Н. П. Архангельским²⁰, который в 1923 г. возглавлял научно-педагогическую комиссию Наркомата просвещения.

Николай Порфирьевич Архангельский рассказывал: «Осенью 1923 года ко мне пришел Шотемор, руководитель Памира, я его видел до этого на одном из совещаний ТурЦИКа. Он пришел за таджикскими учебниками, а их у меня не было. При нашем Совете были отдельные национальные секции, работавшие над созданием своих институтов просвещения, а таджикской секции не было, никто и не обращался до него по этому поводу. Когда Шотемор узнал об этом, он был очень огорчен и удивлен. Я сказал, что он первый таджик, который ставит эти вопросы. Рассказал ему, что у таджиков есть могущественные недруги, и предложил ему остаться в Ташкенте, чтобы возглавить это дело – создать таджикский институт просвещения. Он ответил, что остаться не может, так как ему надо вернуться на Памир, там его ждут. Обещал в скором времени прийти, сказал, что придумает что-нибудь, и ушел. Ушел, надо сказать, удрученным».

Шотемур поделился своей озабоченностью с Дьяковым, и они вместе обратились в ЦК Компартии Туркестана, в Наркомат

¹⁹ Полонская Л.Р. Указ. соч. С. 187.

²⁰ Николай Порфирьевич Архангельский (1891–1977), педагог, краевед-историк, заслуженный учитель Уз. ССР.

национальностей, в другие партийно-государственные структуры, но нигде не было ни таджикских секций, ни национальных подотделов, связанных с таджиками. Было ощущение, что таджикской нации действительно не существует. Шотемур понял, что ему на определенное время необходимо остаться в Ташкенте. Ему стало ясно, что он ничего не сможет сделать на Памире, если в Ташкенте не найдут своего решения общетаджикские проблемы. Алексей Дьяков, знаменем всей жизни которого была «социальная справедливость», был очень огорчен положением таджиков. Он, знакомый с ташкентской научной интеллигенцией, готов был сам приложить всевозможные усилия и призвал других отстаивать интересы таджиков.

Вскоре Шотемур и Дьяков познакомились с Нисором Мухаммадом²¹, молодым индийско-афганским революционером из Пешавара, которому удалось бежать из тюрьмы и через Афганистан переправиться в Ташкент. Все трое понимали важность начального образования для таджиков, для чего нужны были учебники и учителя.

Продолжение рассказа Н. П. Архангельского: «И действительно, в скором времени Шотемур пришел с Алексеем Дьяковым, доктором, работником Наркомздрава, с ним я был знаком. Первым вошел Шотемур, за ним худой высокий молодой человек, а за ними Дьяков. Они встали в ряд, в середине незнакомец, по бокам от него Шотемур и Дьяков.

– Нисор Мухаммад, афганец, индийский революционер, прошу любить и жаловать, – представил его Алексей Михайлович.

– Он будет заниматься всеми таджикскими делами в Наркомате просвещения, – сказал Шотемур, добавив, – и сделает это лучше всех.

²¹ Нисор Мухаммад (Нисар Мухаммедов, 1897–1937), общественный и государственный деятель, просветитель, востоковед, родился в Индии, в Пешаваре, принимал участие в революционном движении, политэмигрант. С 1922 преподаватель САГУ, руководитель Таджикинпроса, член Общества по изучению Таджикистана, нарком просвещения Таджикской АССР (1926–29), заместитель декана Востфака САГУ (1929–30), нарком просвещения Таджикской ССР (с 1930), с 1932 аспирант и преподаватель Института востоковедения (урду и пушту). Арестован в Москве 8 октября 1937 г., убит во время следствия 22 октября 1937.

Вот так я познакомился с Нисором, с которым дружил долгие годы до его трагической гибели в 1937 г. Он был вторым человеком, заявившим о готовности отстаивать интересы таджиков, привел его Шотемор, который тоже не уехал в свой Памир, а возглавил таджикскую секцию в ЦК компартии Туркестана и помогал Нисору. Дьяков опекал их и помогал им всячески, он говорил по-таджикски и писал на фарси».

Шотемур и Дьяков активно помогали Нисору Мухаммаду в организации таджикского Института просвещения, будущего фундамента системы образования в Таджикистане. Именно Таджикинпрос подготовил в 20-е гг. профессиональных учителей для таджикских школ, как в республике, так и за ее пределами.

Тем временем в Бухаре официальным языком стал узбекский, хотя при мангитской узбекской династии официальным языком был таджикский. Даже известные таджикские писатели перестали писать на родном языке, а ряд деятелей, получив правительственные должности, забыли о своем таджикском происхождении. Успешно реализовывалась программа джадидов-обновленцев по тюркизации региона. Пантуркисты, занявшие ключевые посты в правительстве, строили планы создания единого великого Туркестана от Босфора до Китая. Для этого они декларировали идею, что во всей Средней Азии нет других наций кроме тюркских. Таджики, как бы оказались камнем, о который они спотыкались, поэтому всемерно препятствовали их национальному самовыражению и возрождению²².

В феврале 1924 г. в Ташкент на смену латышу Яну Рудзутаку был направлен литовец Юозас Варейкис, жесткий и решительный партиец. Он спешно смоделировал проект национально-территориального размежевания Средней Азии и четыре месяца спустя доложил о нем в Москву. Несмотря на серьезные недостатки, проект понравился Сталину, с точки зрения которого это предложение было подвижкой с мертвой точки. Для реализации его вместе с Варейкисом в Ташкент был направлен

²² К тому же более 500 турецких офицеров, плененных во время Первой мировой войны и отправленных в Среднюю Азию, получили после революции возможность заняться прямой политической деятельностью и серьезным образом усилили пантуркистское движение в Туркестанской АССР и Бухарской НСР.

И. А. Зелинский²³. Головной болью руководителей Средазбюро ЦК ВКП(б) были тюркоязычные участники размежевания: узбеки, туркмены, кайсак-киргизы, т. е. казахи и кара-киргизы (собственно киргизы). Решено было разводиться эти родственные народы, ибо некоторые их лидеры претендовали на создании единой тюркской республики, а в этом качестве они представляли серьезную опасность для еще не окрепшей Российской советской республики. О таджиках даже не упоминали в официальных документах...

Шотемур остался в Ташкенте, создал таджикскую секцию в подотделе ЦК Компартии Туркестана и возглавил ее. Первоначально секция состояла практически из тех же троих людей. Они понимали, что первым делом надо привлечь внимание самых таджиков к их бедственному положению. Достучаться до людей можно было изданиями учебников и пособий на их родном таджикском языке, которые помогли бы выявить сторонников и мобилизовали бы их на защиту своих национальных интересов. Тогда, в начале 1924 г., это стало конкретной целью и делом Таджикской коммунистической секции: найти кратчайший путь к изданию таджикской газеты, чтобы пробудить в таджиках чувство национального самосознания. Дьяков имел опыт в этом деле: в их доме, в усадьбе Луганово, писались тексты и печатались большевистские газеты и листовки. Алексей помогал отцу, знал типографскую технологию и трудности на этом пути. Так, наряду с Шотемуром и Нисором Мухаммадом, Алексей Михайлович Дьяков сыграл важнейшую роль в издании первой таджикской газеты «Овози точик» («Голос таджика») в Самарканде, первых брошюр и листовок на таджикском языке в Ташкенте. После объявления автономной республики и переезда в Душанбе он активно участвовал в организации печатного дела, в издании книг и газет в самом Таджикистане²⁴. Позже, в сентябре

²³ Исаак Абрамович Зеленский (1890–1938), русский революционер, член РСДРП с 1906 г. В 1921 г. первый секретарь Московского комитета РКП(б), в 1924 г. секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), в 1929–31 гг. – одновременно 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана.

²⁴ Об этом автору этой статьи рассказывали в 60-ые гг. Касым Дейлами, Лазарь Моисеевич Молчадский, Арон Маркович Глуховский. Они были главными редакторами республиканских газет в конце 20-х гг. прошлого столетия.

1929 г., учитывая его опыт, Средне-Азиатское бюро ЦК ВКП(б) назначило его зав. сектором печати своего Агитационно-пропагандистского отдела.

Дьяков и Нисор Мухаммад продолжали отстаивать интересы таджиков. Важным делом было привлечение ученых, прежде всего историков и этнографов, к обоснованию своеобразия таджикской истории и культуры. Они стали встречаться со многими известными русскими учеными в Ташкенте. Особый интерес представляли историк А.А. Семенов²⁵, этнограф М.С. Андреев²⁶, географ Н. Л. Корженевский²⁷ и другие, кто в рамках своих научных интересов изучали прошлое и настоящее, жизненный уклад и мировосприятие таджиков. Ученые разделяли озабоченность Дьякова и Нисора, они готовы были привлечь своих коллег к поддержке будущего таджиков.

Шотемур знал Н. Л. Корженевского с 1914 г., когда штабс-капитан Дмитрий Топорнин²⁸, брат жены Корженевского, привез его с Памира в Ташкент. Несколько месяцев Шириншо жил в доме Топорниных и помогал по хозяйству. Там он мимоходом встречался с Корженевским и его женой, когда те навещали родных. Николай Леопольдович, выдающийся географ, бывший полковник царской армии, стал активно помогать таджикам. Летом 1923 г. он успешно совершил свою очередную и первую советскую экспедицию на Памир, на озеро Сарез. Один из участников его экспедиции, Игнатий Иванович Бездека, чех, бывший военнопленный, по окончании войны остался в Туркестане и сде-

²⁵ Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию академика А.А. Семенова (Душанбе, 13 декабря 2014г.). Душанбе: Дониш, 2014.

²⁶ Научный вклад Михаила Степановича Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы Международной научно-практической конференции, Душанбе, 22 октября 2013 г. Душанбе: Дониш, 2014.

²⁷ Николай Леопольдович Корженевский (1879-1958), российский и советский путешественник, географ, геоморфолог и гляциолог, доктор географических наук, чл.-корр. Академии наук Уз.ССР, заслуженный деятель науки Уз. ССР.

²⁸ Дмитрий Сергеевич Топорнин (1885–1976), ученый-математик, один из организаторов высшего образования в республике Узбекистан, доктор технических наук (1942), профессор (1931), заслуженный деятель науки и техники Уз. ССР.

лался патриотом этого края. Он стал активистом группы ученых, которые взялись за поддержку таджиков в трудное время.

Вскоре неожиданная помощь пришла в лице А. А. Знаменского²⁹ которого тем же летом 1923 г. ЦК РКП(б) освободил от должности начальника Главного управления красного воздушного флота и направил своим уполномоченным в Бухарскую НСР. Вслед за этим нарком иностранных дел Чичерин назначил его полномочным представителем СССР в Бухаре, а год спустя уполномоченным НКВД СССР в Средней Азии. Андрей Александрович Знаменский (1887–1943), донской казак, профессиональный революционер, член партии с 1905 г., вел подпольную работу в разных городах Сибири и Москве, в царское время дважды был судим, принимал активное участие в Октябрьской революции в Москве. Во время Гражданской войны был членом Реввоенсовета 10-й армии и Донского ревкома. Делегат X съезда РСДРП(б).

Находясь в Бухаре, Знаменский был свидетелем доведенного до цинизма стремления свести на нет права таджиков: в сентябре 1924 г. V Бухарский Курултай объявил «Верховную волю народов Бухары – узбеков и таджиков – о создании ими совместно с узбеками Туркестана и Хорезма Узбекской Социалистической Советской Республики, частью которой является автономная область таджиков». Знаменский, разобравшись с ситуацией в Бухаре, приехал в Ташкент, где на встречах с руководителями Средазбюро указывал на несправедливое отношение к таджикам. С ним частично соглашались, обещали пересмотреть решение. Там же Андрей Александрович узнал об Алексее Дьякове, который до него приводил схожие доводы. В это время Дьяков работал в Агитационно-пропагандистском отделе ЦК Компартии Туркестана. Здесь же, в Ташкенте, Знаменский встретился с Алексеем Михайловичем, отца которого знал по подпольной работе. А. А. Знаменский был старше его на 9 лет, однако они как бы были вылеплены из одного теста. В чем-то были схожи и их судьбы: оба из состоятельных семей, позади мытарства подполь-

²⁹ Андрей Александрович Знаменский (1887–1943), русский революционер, большевик, советский военный и государственный деятель.

ной жизни, оба начинали учиться в вузах Томска, а заканчивали Московский университет: Знаменский – юридический факультет, а Дьяков – медицинский. Они придерживались одной и той же точки зрения на судьбу таджиков: оба выступали как минимум за создание автономной республики. Знаменский, полномочный представитель НКВД СССР в Средней Азии, поделился с учеными опасениями относительно судьбы таджиков и призвал их своими трудами – книгами и статьями, с научно обоснованной аргументацией, – добиваться публичного признания таджиков потомками древних жителей Средней Азии. Он считал, что опыт и знания российских специалистов по истории и культуре, географии и экономическим возможностям таджиков надо вывести на новый уровень и сделать достоянием широкой публики. Практическим результатом этих встреч стало создание Таджикской научной комиссии с целью сбора и изучения материала по истории, этнографии, литературе таджикского народа, которую возглавил Нисор Мухаммад. М. С. Андреев, А. А. Семенов, Н. Л. Корженевский, долгие годы прожившие в Средней Азии, узнавшие местные народы не по книгам, а по собственным исследованиям, вместе со старым большевиком А. А. Знаменским стали инициаторами создания «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами». Почетным членом Общества был избран выдающийся историк и востоковед В. В. Бартольд. Ученые предложили Знаменскому возглавить Общество. Важно было иметь во главе общества старого большевика-единомышленника, решительного человека, образованного дипломата и юриста, со статусом официального полномочного представителя Москвы. В качестве председателя Общества он мог защищать и таджиков, и ученых, которые работали по таджикской тематике.

Первым делом Общество выпустило географическую карту тиражом 2000 экземпляров. Название карты буквально выглядело так: «ОТТЕСНЕНИЕ ТАДЖИКОВ В ГОРЫ с равнин Туркестана». Карта охватывала значительную территорию: от Катакурмана и Самарканда на западе до Андижана и Оша на востоке, от Ташкента на севере до Зарафшанских гор на юге. Она,

по сути, покрывала территорию Узбекской ССР, указывая места проживания таджиков и оставляя за пределами карты собственно территорию Таджикской АССР. Карта, изданная Обществом в 1925 г., была помещена в сборник статей под названием «Таджикистан»³⁰. Издание научно весомого сборника с публикацией карты было для того времени серьезным политическим актом. Редактор издания Н. Л. Корженевский в предисловие выразил благодарность Андрею Александровичу: «... без просвещенной и энергической поддержки фактического Председателя Общества А.А. Знаменского выход в свет настоящего издания вряд ли мог быть осуществлен»³¹.

Хочется вспомнить добрым словом авторов статей сборника «Таджикистан». Совершенно очевидно, что они писали свои статьи в срочном порядке, откликнувшись на призыв Андреева, Семенова, Корженевского встать на защиту слабого. Все они принадлежали к научной элите и были в высшей степени порядочными людьми. Это тем более важно, что о двоих из них (Колосовском Н. Ф. и Ди-Муре) мало, что известно, судьбы четверых сложились нелегко, а судьба пятого закончилась трагически в 1937 г.

В мае 1931 г. М. С. Андреев, А. А. Семенов, А. В. Панков были арестованы в Ташкенте в числе одиннадцати профессоров и преподавателей Востфака Среднеазиатского Гос. Университета, после шестимесячного заключения по решению коллегии ОГПУ были сосланы на 3 года в разные места. М. Г. Попов был арестован 26 марта 1933 г. в Ленинграде, месяц спустя был отправлен в ссылку до июня 1938 г. Профессор Юрий Ильич Пославский, автор «Экономического очерка Таджикистана», уроженец Ташкента, крупный экономист, страстно влюбленный в Среднюю Азию, один из первых русских поэтов Узбекистана, был арестован 20 декабря 1937 г., приговорен ВКВС СССР 15 марта 1938 г. и в этот же день расстрелян на Коммунарке в Подмосковье. Его реабилитировали 29 января 1990 г.

³⁰ Таджикистан: Сборник статей с картой. Под ред. Н. Л. Корженевского. Общество для изучения Таджикистана и иранск. народностей за его пределами. Ташкент: Ташоблит. 1925.

³¹ Там же. С. 1.

Попутно надо отметить: принимая во внимание историческое значение сборника «Таджикистан», следовало бы переиздать эту книгу с очерком о выпустившем его Обществе и с биографиями авторов.

Возвращаясь к теме статьи, хочется констатировать, что Дьяков имел прямое отношение и к созданию Общества, и к изданию сборника, как, впрочем, ко всему, что было связано с усилиями по повышению статуса таджиков как нации.

11 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило: Образовать Автономную республику Таджиков /вместо автономной области/ в составе Узбекской Республики.

В автобиографии Дьякова об этом судьбоносном для таджиков времени сказано всего несколько фраз: «В 1924 году правительство СССР приняло решение о размежевании Средней Азии и о создании в ней национальных республик. Я вместе с товарищами Шотемором и Нисар Мухаммедом и некоторыми другими таджикскими партийцами – Хаджибаевым и Имамовым выступил в пользу создания автономной республики Таджикистана. Я и Шотемор были вызваны к секретарю Средаз. Бюро товарищу Зеленскому, и нам было предложено поехать в Таджикистан, мне в должности Наркома здравоохранения, а Шотемору – Наркома РКИ. В Таджикистане я проработал с 1924 по 1928 гг. Первоначально я исполнял должность Наркомздрава, а затем мне предложили стать заведующим Орготдела Таджикского Обкома КП(б) Узбекистана»³².

Дьяков вошел в состав Оргбюро ЦК КП(б) Узбекистана по Таджикистану и был избран членом секретариата. А временами он в архиве значится руководителем – «врио пред. (20.06.1925-Оргбюро ЦК КП(б)Узб. по Таджобласти»³³.

Таджикское областное организационное бюро КП(б) Узбекистана существовало с конца 1924 до октября 1927 г. За это время сменились три ответственных секретаря. На Первой Таджикской областной партийной конференции в октябре 1927 г. был избран Таджикский областной комитет КП(б) Уз-

³² Дьяков А.М. Указ. соч. С. 157.

³³ <http://www.centrasia.ru/cnt2.php?st=1439460076> (дата обращения 09.11.2018).

бекистана. Ответственными секретарями стали Ходжаев М. С. и Ширвани А. Г. Первый из них проработал год, второй на три месяца дольше – мягко говоря, оба не смогли проявить себя. На этом фоне вся организационная работа легла на плечи заведующего Организационным отделом Дьякова. Алексей Михайлович был назначен на эту должность в мае 1925 г., но не освобожден от должности наркома, так что до 1927 г. одновременно занимался здравоохранением и выполнял обязанности зав. Орготделом Обкома (им он оставался до 1928 г.). Принимая во внимание, что он был единственным русским в руководстве Таджикистана, кто говорил на таджикском языке и мог читать тексты, написанные арабским шрифтом на фарси, можно представить себе колоссальный объем его работы в течение этих четырех лет.

В начале 1925 г., когда Дьяков в качестве наркома приехал в кишлак Душанбе, его спутниками были врачи и медсестры: он планировал сразу же по прибытии построить больницу в кишлачной столице новорожденной республики. По пути он ближе познакомился с медсестрой Полиной Ивановой и с ее дочерью Музой, которая ехала в Душанбе как секретарь-машинистка. Дьяков и Муза Николаевна полюбили друг друга, и Таджикистан стал для них местом обретения семьи. Год спустя в Душанбе они поженились, и в 1927 г. у них родился сын Владимир³⁴.

В 1928 г. Дьяков был отозван в Ташкент в распоряжение Средазбюро ЦК ВКП(б) и назначен зав. сектором печати.

10 февраля 1929 г. Шотемур был избран Ответственным секретарем Таджикского областного комитета КП(б) Узбекистана. По пути из Москвы в Душанбе он в Ташкенте встретился с Дьяковым и Нисором Мухаммадом, которому предстояла учеба в Москве. Но они оба с энтузиазмом готовы были «продвигать» таджикские интересы в Москве и в Ташкенте.

Шотемур начал активно инициировать процесс преобразования Таджикской автономной республики в самостоятельную

³⁴ Владимир Алексеевич Дьяков (1927–200?), по специальности горный инженер-электромеханик, кандидат технических наук, был профессором Московского государственного горного университета.

союзную. Таджикская сторона ходатайствовала перед Средазбюро о назначении Дьякова руководителем партийной организации Ходжентского округа. Нисор Мухаммад был назначен представителем ЦИК ТАССР в Комиссии ЦИК Узбекской ССР. Оба они активно участвовали в подготовке для Москвы пакета документов, обосновывающих преобразование Таджикской АССР в самостоятельную союзную республику. Пакет, кроме основных документов, содержал еще 12 приложений, дающих полное представление о происхождении таджиков, об их истории, географии проживания на территории Средней Азии и за ее пределами, об экономике автономной республики. В них содержались также демографические сведения и документированные факты ущемления прав таджиков в области просвещения и культуры. Ответы на широкий спектр вопросов с аргументацией и статистическими данными заняли 96 страниц.

6 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложение о преобразовании Таджикской АССР в союзную республику. 12 июня Президиум ЦИК Союза ССР постановил:

«Считать своевременным постановку вопроса о выделении Таджикской республики из состава Узбекской ССР и вхождении ее в Союз ССР как самостоятельной республики».

Возобновилась подготовительная работа по вхождению Ходжентского округа в Таджикскую АССР. Алексей Дьяков, исполнявший в это время обязанности партийного руководителя Ходжентского округа, и Абдукадыр Мухитдинов³⁵ работали в напряженном ритме в Худжанде, а Нисор Мухаммад в Ташкенте.

В партийном архиве сохранилась записка Дьякова Шотемуру: «... я хотел бы, чтобы Вы разрешили Мухитдинову, по моему требованию, для разрешения тех или иных хозяйственных вопросов выезжать в Ташкент... Настроение в отношении передачи, кажется, благоприятное, даже в узбекских районах. С товарищеским приветом, Дьяков. 3 апреля 1929 г. Ходжент»³⁶.

³⁵ Абдукадыр Мухитдинович Мухитдинов (1892–1934) советский таджикский государственный деятель, председатель СНК Таджикской АССР (1924–1929). В 1933 г. был арестован, в июне 1934 г. приговорен к смертной казни, расстрелян. В 1958 г. полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

³⁶ ЦПА КПТ, ф.1, оп.1, д. 1222, л. 10.

В 1930 г., после образования самостоятельной Таджикской республики, Дьяков одним из первых был награжден первой таджикской правительственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени Таджикской ССР.

В 1932 г. Дьяков поступил в Институт Красной профессуры, которую закончил в 1936 г. Одновременно с учебой он преподавал ряд общественно-политических дисциплин на языке урду в Институте национальных и колониальных проблем. В 1939 г. Алексей Михайлович поступил на работу в Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. В начале августа 1941 г. он пошел рядовым добровольцем на фронт, а три месяца спустя – в продолжение воинской службы – был прикомандирован к Радиокомитету для налаживания вещания на Индию на урду, и одновременно назначен редактором для ведения радиопередач на английском языке. В 1944 г. ему разрешили по совместительству работать в Тихоокеанском институте АН СССР и преподавать в МГУ. В том же году он защитил диссертацию и получил степень кандидата исторических наук, а три года спустя защитил докторскую диссертацию. В 1950-м Дьякова перевели в Институт востоковедения, в котором он, заведая сектором Индии, написал ряд книг по новейшей истории Индии и по национальному вопросу в этой стране.

В последние годы жизни по настойчивым просьбам своих близких и учеников Алексей Михайлович написал книгу воспоминаний³⁷. Он писал скорее для себя и для своих родных. К сожалению, он успел написать только о начальном периоде своей жизни – воспоминания завершаются 1923 г. Он не любил вспоминать то, что произошло после этой даты – то, что не укладывалось в его мировосприятие. Реальность не была похожа на Страну Советов, какой он представлял её себе. В годы репрессий он потерял большинство своих друзей, в том числе таджикских, – соратников, которых уважал и любил.

Незадолго до его кончины мы с моей женой Гавхар Джураевой навестили его. Он был очень рад ей, внучке своего близ-

³⁷ Дьяков А.М. Указ. соч.

кого друга Ибрагима Исмаилова³⁸, тоже погибшего в 1938 г. По ходу нашей беседы мы предложили ему после выздоровления полететь с нами в Таджикистан. Он оживился, кивнул головой, и сказал: «С большой радостью, – и поглядев на родных, перешел на шугнанский, с улыбкой добавил – Если случится со мной непредвиденное, то оставьте меня там».

А. М. Дьяков умер 16 марта 1974 г. Его дочь Наталья Алексеевна³⁹ написала: «Умер внезапно и тихо, просто заснул и больше не проснулся. В народе говорят, что такую смерть Господь посылает только очень хорошим людям»⁴⁰.

Муза Николаевна, вдова Алексея Михайловича, пожелала, чтобы я выступил на панихиде. «Он вас очень любил, и душа его будет рада, если вы что-то скажите о нем» – ее дочь Наталья передала мне просьбу матери. Первым на панихиде выступил Бободжан Гафуров, директор института, предпоследним я, а после меня пожилой орнитолог. В биографии Алексея Михайловича сказано, что он владел немецким и таджикским языками. На самом деле он владел всеми романскими, германскими, славянскими языками. Кроме европейских языков, он говорил на хинди, урду, пушту, узбекском, читал на иврите и арабском. На прощальной церемонии в Институте востоковедения Академии наук СССР после меня выступил пожилой человек. Он сказал: «Никто из вас не знает, что мы хороним сегодня великого орнитолога, последнего человека, который знал птичий язык». Кто-то вспомнил, что в период «борьбы с космополитизмом» Алексей Михайлович на открытых заседаниях с редкими в то время бесстрашием, мужеством и принципиальностью защищал ученых и аспирантов, жертв этой кампании, не думая о возможных для себя тяжелых последствиях⁴¹.

³⁸ Исмаилов Ибрагим (1901–1938), советский таджикский партийный и государственный деятель, в 1926–1927 гг. председатель облисполкома Горно-Бадахшанской автономной области, нарком финансов Тадж. ССР в 1930–1932, 2-й секретарь ЦК КП Таджикистана (1932–1934), делегат XVI и XVII съездов ВКП(б).

³⁹ Наталья Алексеевна Дьякова (1937–2018), старший научный сотрудник Центра региональной военной политики Института США и Канады. РАН.

⁴⁰ Дьяков А.М. Указ. соч. С. 160.

⁴¹ Об этом же в своей статье писала Л.Р. Полонская. Указ. соч. С. 197.

А сын⁴² выдающегося индолога Игоря Михайловича Рейснера на панихиде благодарил Алексея Михайловича, что он, рискуя собой, спас его отца от ареста. Ведь жизнь самого А.М. Дьякова всегда висела на волоске – его младший брат Таричан, чекист, погиб в 1938 г.

В конце статьи приведу слова Л. Р. Гордон-Полонской, ученицы Дьякова, которая долгие годы работала с ним и близко знала его: «Его отличали глубокое уважение и любовь к людям: в отношениях с ними он был предельно корректен и искренне интересовался судьбой каждого, с кем ему приходилось встречаться, будь то едва научившийся ходить малыш, неоперившийся студент, памирский горец, индийский революционер или маститый ученый. До конца своих дней он сохранил душевную чистоту и непосредственность, открытое неприятие любой фальши, лицемерия, ханжества, лести и бурную реакцию на любое проявление несправедливости, непорядочности, подлости при одновременной незащищённости от них...»⁴³.

Историк Гафур Шерматов завершил свою публикацию на странице информационного агентства «Азия-Плюс» словами: «В 60-е годы в знак уважения и признания заслуг первого наркома здравоохранения Таджикистана Алексея Дьякова республиканская клиническая больница была названа его именем. Но весной 2007 года больница была переименована, а имя русского доктора убрали из нового названия»⁴⁴.

Очень хочется, чтобы будущие поколения таджиков знали, помнили и чтили Алексея Михайловича Дьякова, помнили человека, который одним из первых самозабвенно, в труднейших условиях, строил маленькую скалистую страну под названием Таджикистан.

⁴² Лев Игоревич Рейснер (1928-1990), экономист, доктор экономических наук, специалист по экономике стран Среднего Востока, работал в Институте востоковедения АН СССР.

⁴³ Полонская Л. Р. Указ. соч. С. 179.

⁴⁴ <https://www.asiaplus.tj/ru/news/tajikistan/society/20170130/russkii-doktor> (дата обращения 30.01.2017).

В. П. ТИТОВ*

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ АГЕЕВ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ СИНДА

Аннотация. В задачи статьи, помимо историографического выявления вклада В. Ф. Агеева в изучение новейшей истории Синда, входит краткое рассмотрение методов и приемов научного анализа, которые представлены в работах В. Ф. Агеева. Также рассмотрены результаты определения В. Ф. Агеевым основных тенденций в сложном и противоречивом процессе взаимодействия традиционных и современных общественно-политических структур и институтов синдхского общества. Показаны особенности его индивидуального подхода к работе над источниками по истории колониального и постколониального Синда. Анализируются выявленные В. Ф. Агеевым пути формирования национального самосознания, развития синдхского национального движения, роль религиозных факторов, изменений этнодемографической ситуации и особенности динамики борьбы за экономические, социальные и политические права населения Синда.

Ключевые слова: Агеев Валерий Федорович, Синд, востоковедение, история Индии и Пакистана, историография Индии и Пакистана.

Valery P. Titov**

VALERY FEDOROVICH AGEEV AND HIS WORKS ON THE HISTORY OF SIND

Summary. The objectives of the article, in addition to the historiographical identification of the contribution of V.F. Ageev to the study of the modern history of Sindh, include the consideration of methods and conclusions of scientific analysis, which are presented in the works of V.F. Ageev. The results of the definition of the main trends in the complex and contradictory process of interaction be-

* Титов Валерий Павлович – независимый эксперт, кандидат исторических наук, доцент, titovvp@mail.ru

** Valery P. Titov – independent expert, PhD (History), associate professor, titovvp@mail.ru

tween traditional and modern political structures and institutions of Sindh society are also considered. The features of his individual approach to work on sources of the history of colonial and postcolonial Sindh are shown. The author analyzes the ways of formation of national self-consciousness, the development of the Sindh national movement, the role of religious factors, the changes in the ethno-demographic situation and the dynamics of the struggle for the economic, social and political rights of the Sindh population. At present, these works are a fundamental analysis of the history of Sindh, based on extensive discovery work, systematization and detailed study of a wide array of archival documents and materials covering the epoch from the period on the eve of the English conquest of India to the development of the province of Sind in Pakistan.

Key words: *Valery F. Ageev, Sindh, Oriental studies, history of India and Pakistan, historiography of India and Pakistan.*

Трудовая деятельность видного отечественного востоковеда Валерия Федоровича Агеева (1941 г., Ташкент – 2000 г., Калуга) на протяжении 25 лет была связана с Калужским пединститутом. Будучи выдающимся научным исследователем и педагогом, он занимался изучением истории северо-западной части Южной Азии, ныне пакистанской провинции Синд, в XVIII–XX вв. При этом он дал убедительные объяснения причин своеобразия событий, выявил специфику хронологического периода, взятого для рассмотрения. В центре его анализа были поставлены этноплеменные и конфессиональные особенности исследуемой провинции, противоречивая и многоаспектная динамика социального и экономического развития. Его статьи и обобщающие монографии, вышедшие в 1979 и 1986 гг., закрепили за ним роль ведущего специалиста по истории Синда. В настоящее время эти работы представляют собой фундаментальный анализ истории Синда, основанный на большой исследовательской работе по выявлению, систематизации и детальном изучении широкого массива литературы, архивных документов и материалов, охватывающих эпоху от периода накануне английского завоевания Индии и до развития провинции Синд в составе Пакистана.

В работах В. Ф. Агеева рассматриваются многие наиболее важные общие проблемы индологии и специфические особенности исторического развития своеобразного региона южноазиатского субконтинента – Синда. Отдельные главы его работ были

посвящены исследованию проблем развития Синда в доколониальный и колониальный периоды, а также в период после получения независимости и раздела Индии. Далее внимание автора было сосредоточено на детальном и комплексном анализе новейших проблем развития провинции в составе Пакистана.

Следует особо отметить, что научные достижения В. Ф. Агеева получили профессиональное признание в российском, индийском и пакистанском научных сообществах. Последовательное описание исторической эволюции Синда охватывает в работах В. Ф. Агеева широкий круг узловых проблем и событий, происходивших на протяжении длительного исторического периода. В структуре его работ важное место занимают, прежде всего, основные социально-экономические и политические проблемы и процессы, главные персонажи происходивших изменений сложного и противоречивого времени.

Анализ более поздней историографии Синда свидетельствует о том, что описание В. Ф. Агеевым исторических процессов развития сложной социальной структуры синдхского общества не потеряло своей актуальности. Достаточно упомянуть ряд кандидатских диссертаций, защищенных аспирантами Калужского пединститута по проблемам экономического и социально-политического развития Синда. Среди учеников В. Ф. Агеева кандидаты исторических наук М. А. Казак, В. В. Курков, И. В. Новосельский, В. Б. Королев, Д. А. Афанасьев, продолжившие в своих работах рассмотрение различных аспектов новой и новейшей истории провинции Синд.

Навыки профессионального историка-востоковеда он получил в Ташкенте. Далее профессиональная карьера его развивалась относительно успешно в качестве преподавателя Калужского педагогического института. В. Ф. Агеев активно сотрудничал с московскими коллегами-учеными из Института востоковедения АН СССР, которым он запомнился как «выдающийся научный исследователь и педагог», отличавшийся «потрясающей трудоспособностью»¹.

¹ Белокреницкий В. Я., Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. Памяти Валерия Федоровича Агеева // Восток. 2000. № 3, с. 220.

Главным достижением научного творчества В. Ф. Агеева было издание в 1986 г. труда «Новейшая история Синда». Мотивы обращения к этой проблематике он в своих опубликованных работах не объяснял.

Очевидно, тем не менее, что образование в Южной Азии независимых государств на месте бывших британских колоний стимулировало изучение советскими востоковедами их новой и новейшей истории. Помимо большого числа исследований, посвященных различным общим проблемам истории Индии, а также Пакистана и других государств этого региона, уже в конце 50-х гг. в нашей стране появляются труды², раскрывающие особенности исторического пути отдельных народов и субрегионов Южной Азии, среди которых были работы по истории синдхов.

Как отмечал сам В. Ф. Агеев, при создании монографии он опирался на работы советских пакистановедов. Впервые ряд вопросов новейшей истории Синда, как отмечал в своей монографии В. Ф. Агеев, был поставлен и рассмотрен в исследованиях Ю. В. Ганковского, посвященных истории формирования наций и национальным движениям в Пакистане³. Им же, Ю. В. Ганковским, были намечены актуальные направления дальнейшего изучения синдской истории⁴.

Пристальный интерес к истории Синда и потрясающая трудоспособность, а также профессиональные навыки и широкое использование доступных по межбиблиотечному обмену научных материалов из Карачи, Лондона и других исследовательских центров, позволили В. Ф. Агееву подготовить и опубликовать в Москве в 1979 г. более раннюю его работу «Английское завоевание Синда», в которой были даны социально-экономическая и этническая характеристика Синда накануне английского завоевания, рассмотрены англо-синдские отношения в первой полови-

² Подробнее об этом см. Алаев Л. Б. Историография истории Индии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2018.

³ Ганковский Ю. В. Народы Пакистан (Основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1964; он же: Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М.: Наука, 1967.

⁴ Агеев В. Ф. Новейшая история Синда. М.: Наука, 1986. С. 7.

не XIX в., изложена история захвата этой области Южной Азии британскими колонизаторами⁵.

В главной обобщающей работе В. Ф. Агеева через семь лет были комплексно и системно рассмотрены особенности новейшего периода исторического развития пакистанской провинции Синд⁶.

Первые главы были посвящены основным проблемам развития Синда в доколониальный и колониальный периоды. Далее внимание автора было сосредоточено на важнейших и во многом актуальных до настоящего времени проблемах и противоречиях развития провинции в составе Пакистана.

Избегая, по возможности, характерной для публикаций того периода развития советской исторической науки идеологизации и политизации, В. Ф. Агеев объективно осветил значение и конкретную специфику национально-освободительного движения в синдском обществе, его структуру, роль политических и религиозных лидеров и основные идеологические направления. В его интерпретации, в частности, важную роль играли позиции верхушки местной знати – пиров, широко распространенные в Синде суфийские ордена и представители наиболее образованной части населения провинции Синд. При этом В. Ф. Агеев на реальных фактах и документах показал, что традиционная местная система раздачи должностей порождала явления коррупции и застоя, что также было фактором обострения социально-политической ситуации в Синде.

Еще один важный фактор застоя в социально-экономической и политической ситуации в провинции Синд состоял в том, что следствием отсталости всех территориальных частей Синда стало усиление представителей феодально-клерикальных верхов в системе административного управления.

Анализ В. Ф. Агеева приводит к однозначному выводу об объективной обусловленности консервации отсталости социальных

⁵ Агеев В. Ф. Английское завоевание Синда. М.: Наука, 1979.

⁶ Агеев В. Ф. Новейшая история Синда. М.: Наука, 1986. Библиографическая справка и перечень работ В. Ф. Агеева см.: Милибанд С. Д. Востоковеды России, XX – начало XXI века. Библиографический словарь. В 2 кн. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. Кн. 1, с. 16–17.

и политических институтов постколониального Синда, закреплении высокого уровня рентно-налоговой эксплуатации деревни.

В трактовке В. Ф. Агеева на основе тщательного анализа характерной для его работ богатой фактологической базы были убедительно и в деталях аргументированы исторические последствия завоевания Южной Азии английскими колонизаторами. За эти годы менялись и ближайшие цели, которые ставили перед собой правящие круги Англии в различных регионах Индии, и методы, которыми британская колониальная администрация добивалась реализации этих целей. Поэтому исторические особенности и последствия английской колониальной политики в Синде (как и в некоторых других районах Британской Индии) в настоящее время могут быть предметом специального научного исследования с позиций современных подходов, лишенных излишней идеологизации и политизации.

Изучению истории английских завоеваний в Южной Азии и их последствий с соответствующих своему времени подходов посвятили свои труды многие советские и зарубежные востоковеды⁷. Это было обусловлено, как представляется, в немалой степени тем обстоятельством, что после в целом неудачных попыток советского партийного руководства найти верных идейных друзей в Европе и Китае, некоторые надежды стали возлагаться на продвижение политики СССР в Афганистан, Иран и Индию, а также другие страны Азии и Ближнего Востока⁸. Этому способствовал также массово распространенный в свое время пропагандистский миф о «сильно возросшем авторитете Советского Союза», об его интернациональном долге по избавлению трудящихся Востока от власти помещиков и капиталистов⁹.

Как показал в своих работах В.Ф. Агеев, до начала XIX в. эксплуатация Индии осуществлялась английскими колонизаторами

⁷ Подробнее об этом см., например: Алаев Л. Б. Указ. соч.

⁸ См., например: Халфин Н. А. Англо-синдские отношения в первой половине XIX в. // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Вып. 45. М., 1961; Агеев В. Ф. Английское завоевание Синда; он же. Синдские города в первой половине XIX столетия. // Труды Таш. ГУ. Вып. 356. Гуманитарные науки. Таш., 1969; он же. Состояние торговли в Синде накануне британского вторжения. // Там же.

⁹ Алаев Л. Б. Указ. соч. С. 174–177.

методами первоначального накопления, путем захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию. Британская колониальная администрация безвозмездно изымала из Индии и вывозила в метрополию, резко увеличив размеры налогов, выплачиваемых индийскими крестьянами и ремесленниками, многие десятки миллионов фунтов стерлингов. Это продолжалось – под различными названиями и в разных формах – не несколько лет, а целые поколения. Прямой грабеж постепенно принимал форму узаконенной эксплуатации, которая хотя и не была столь очевидной, но в действительности была еще более жестокой и изощренной.

В. Ф. Агеев на основе изучения источников и обширного круга справочной, статистической и аналитической литературы, материалов местных газеттиров дал четкое представление об особенностях английского колониального режима и аргументировано показал, что историческим результатом колониального владычества было разорение экономики Британской Индии. В Синде это особенно наглядно проявлялось в упадке городов, деградации ремесла и сельского хозяйства, гибели от голода миллионов сельских и городских тружеников. После отмены в 1813 г. торговой монополии английской Ост-Индской компании началось постепенное превращение Индии в источник сырья для промышленности Великобритании и рынок сбыта английских товаров. При этом превращение Индии в аграрно-сырьевой придаток метрополии было ускорено развитием инфраструктуры, широким дорожным и ирригационным строительством, проведенными колониальными властями земельно-налоговыми преобразованиями, а с начала второй половины XIX в. – растущим экспортом в Индию английского капитала.

В 40-е гг. XIX в., когда Синд был оккупирован английскими войсками, методы эксплуатации Индии, свойственные эпохе первоначального накопления, подверглись изменениям и постепенно отходили на второй план. Вместе с тем английские колониальные власти постоянно учитывали пограничное положение Синда, присущие его населению традиции вооруженной борьбы с иноземными захватчиками и потому действовали здесь более осмотрительно и осторожно, чем во многих других, ранее захвачен-

ных ими районах и областях Британской Индии. Так, например, В. Ф. Агеев отмечает, что после аннексии Синда в 1843 г. британская администрация в северной части страны (так называемый Верхний Синд, где к тому времени еще сохранилось крестьянское землевладение) ввела земельно-налоговую систему райятвари, т. е. признала владельческие права крестьян. В остальных районах Синда помещики-заминдары выплачивали английским властям налоги в тех же размерах, которые существовали до 1843 г.

Характерно также, как отмечал В. Ф. Агеев, что интересы местных синдхских помещиков британская администрация учитывала и в дальнейшем. В зависимости от своих способностей и ранга они получили должности, земли, а также денежные выплаты от английской администрации.

При проведении в 70-е гг. XIX в. некоторых земельно-налоговых преобразований тем помещикам, которые были лишены условных земельных пожалований (джагиров), предоставленных им до английского завоевания за службу или различные заслуги перед независимыми правителями Синда, английские власти назначили значительные пенсии. Важным обстоятельством, как отмечает В. Ф. Агеев, было то, что помещики получили в конце XIX в. большую часть (до 80%) вновь орошенных земель по берегам Инда и его притоков. Кроме того, британские власти принимали специальные законодательные акты, способствовавшие сохранению помещиками-заминдарами Синда принадлежащих им земель. Тем самым сознательно и целенаправленно затруднялся переход этих земель за долги в руки богатых заимодавцев-ростовщиков (индусов). В основе лежали политические расчеты, направленные на укрепление важнейшей социальной опоры господства колонизаторов в Синде. Тех крупных землевладельцев Синда, кто активно сотрудничал с колониальной администрацией, британские власти часто награждали почетными титулами, орденами, богато одаривали, а иногда даже жаловали им обширные джагиры¹⁰.

¹⁰ Система джагирдари – это система условного наследственного пожалования земли. Она дополнялась в Синде и Пенджабе системами заминдари и райятвари. Многие характерные исторические особенности землевладения и землепользования в Синде сохранились до настоящего времени. См. об этом подробнее: Галищева Н. В. Экономика Пакистана. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 58–59.

Важной опорой власти колонизаторов, как убедительно показал В. Ф. Агеев, стала в Синде и верхушка местного торгового и ростовщического сословья. Это были своеобразные компрадоры и кредиторы, часто агенты английских фирм, наживавшиеся на посреднических операциях по скупке и сбыту продукции сельского хозяйства. Крайне характерно, по мнению В. Ф. Агеева, то обстоятельство, что большая часть этих купцов была выходцами из индусских торгово-ростовщических каст. Некоторым из них за верную службу колонизаторы давали почетные титулы (такие, как рао-бахадур); из представителей верхушки индусского купечества британская администрация часто формировала кадры сборщиков налогов, доверяла им даже исполнение функций управления муниципалитетами крупных городов¹¹.

В. Ф. Агеев в своих работах показал, что из представителей имущих слоев синдхского общества формировались управленческие кадры низших и средних служащих колониально-административного аппарата, во главе которого стояли высокопоставленные английские чиновники. В Синде важнейшими из этих социальных групп или слоев, сложившихся в период колониального господства, были помещики-заминдары, которые стали главной опорой английской власти, а также богатые купцы – компрадоры и ростовщики, преимущественно выходцы из индусских торгово-ростовщических каст.

Раскрывая процесс духовного становления синдхской общности в изменяющихся условиях жизни и хозяйственной деятельности, взаимообогащения культурой различных народов и этно-конфессиональных групп, В. Ф. Агеев показал значение этих факторов в современных политических процессах Пакистана. Поэтому его исследование воспринимается с еще большим интересом и является заметным вкладом в разработку проблем новейшей истории Синда российской востоковедной наукой. Исторически важным фактом было также и то обстоятельство, что в городах Синда, по документально аргументиро-

¹¹ Классическим трудом по этому кругу проблем остается книга современника и участника колониального освоения Синда хан-бахадур Худадат-хана. См.: Худадат-хан. Сущность истории Синда. Лубб-и тахир-и синд. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 137.

ванному мнению В. Ф. Агеева, было много индусов и сикхов, занимавшихся ростовщичеством и торговлей. При этом многие из них даже не были уроженцами Синда, а мигрантами-переселенцами из Западной и Северной Индии — из Марваря, Гуджарата и Бомбея. Важное место в структуре местной власти и управления занимали также и достаточно квалифицированные чиновники английского колониально-административного аппарата из числа местных уроженцев, получившие хорошее по тем временам образование и знавшие английский, персидский и местные языки.

В работах В. Ф. Агеева наглядно показано, что по мере усиления эксплуатации Синда как аграрно-сырьевого придатка метрополии значительно росло товарное производство сельскохозяйственной продукции, прежде всего хлопка-сырца, а также риса, пшеницы, различных продовольственных культур, большая часть которых вывозилась из страны. С целью стимулировать торговое земледелие и производство товарной сельскохозяйственной продукции на экспорт, колониальные власти развернули крупномасштабные ирригационные работы и активно развивали транспортную и техническую инфраструктуру Синда. Для этого были расширены и модернизированы портовые сооружения в Карачи и пристани на берегах реки Инд и ее притоках. Важными событиями, по мнению В. Ф. Агеева, было то, что уже в 50-е гг. XIX в. Карачи был соединен железной дорогой с Хайдарабатом, а уже в 70-е гг. дорогу продлили до Мултана и Лахора. Позже начал действовать железнодорожный путь между Рохри и Кветтой. Активно велись работы по расширению больших каналов Бегари и Митхрао; были завершены мелиоративные работы по переустройству канала Шахдадвах в округе Сакхар; тогда же сооружались каналы в Регистане, строились дамбы и плотины в Кашморе. При этом благодаря организации английскими властями и местными чиновниками массового строительства каналов, дамб и плотин многие люди, участвуя в этих работах, могли получить свой хлеб насущный.

Уже в 60-е гг. на реке Инд и ее притоках были оборудованы грузовые и пассажирские пристани для пароходов, и тогда

же были организованы регулярные пароходные рейсы в Верхний Синд.

В работах В. Ф. Агеева и его учеников, аспирантов Калужского пединститута, подчеркивалось, что английские власти в Синде нуждались в чиновниках – местных уроженцах, знавших языки, нравы и обычаи местного населения и вместе с тем обладавших определенными профессиональными знаниями и даже психологическими особенностями. Таких чиновников нужно было специально готовить. Для этого были необходима реформа и модернизация системы образования, создание школ европейского типа. Поэтому британская администрация была вынуждена уделять необходимое внимание развитию в Синде не только технической, но и социальной и культурной инфраструктуры. Результатом стало создание здесь нескольких светских учебных заведений европейского типа. Этой же цели служили и проведенная в 50-е гг. английским комиссаром Синда Генри Бартлом Фрером, помимо модернизации почтовой и телеграфной связи, радикальная реформа синдхской письменности и введение на местах в качестве языка управления и делопроизводства языка синдхи вместо ранее применявшегося персидского языка¹².

Действительно, весьма характерно, что до английского завоевания языком государственных учреждений и канцелярий Синда был фарси. Этот же язык выполнял ту же функцию и во многих других соседних регионах Среднего Востока и Южной Азии: в Белуджистане, Пенджабе, Афганистане и др. Однако основная масса жителей Синда язык фарси не знала. Это обстоятельство создавало немалые трудности в делопроизводстве и управлении. Вместе с тем, поскольку большая часть жителей Синда исповедовала ислам, была проведена и немаловажная для развития культуры и литературы реформа синдхской письменности: постепенно введен синдхский алфавит на арабской основе¹³. Острая борьба между сторонниками языка синдхи и приверженцами урду вновь развернулась с Синде в июле 1972 г.¹⁴, когда уси-

¹² Энциклопедия Пакистана. М.: Фондамента Пресс, 1998. С. 97.

¹³ Егорова Р. П. Язык синдхи. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. С. 10.

¹⁴ Агеев В. Ф. Новейшая история Синда. М.: Наука, 1986. С. 182.

лилось влияние организации Движение синдхского народа, особенно среди молодежи и студентов Синдского университета¹⁵. Крайне популярным в 1970-е гг. был даже лозунг «Синд для синдхов»¹⁶.

В. Ф. Агеев дал объективный и тщательный научный анализ причин и последствий массовых народных восстаний в 1857 г. в большинстве крупных городов Синда. В Карачи, Хайдарабаде, Шикарпуре, Джейкобабаде некоторые правительственные чиновники из местных жителей и сипаи различных полков подняли мятеж и перестали подчиняться британским властям. Среди руководителей восстания были такие яркие личности, как сардар Имам, Бахш-хан Джат и хан-бахадур Алиф-хан Тарин Афган.

В работах В. Ф. Агеева со ссылками на более ранние работы синдхских авторов показано, что, несмотря на то, что восстание 1857 г. было жестоко подавлено, причем некоторые его участники были привязаны к жерлам пушек и расстреляны, другие – повешены, вооруженные выступления народных масс в Синде продолжались и в последующие годы. В 1862 г. вспыхнуло восстание в Нагарпаркаре, направленное непосредственно против британских правителей; руководили им местные феодалы. Восставшие разрушили телеграфную линию и ограбили государственную казну, сожгли город, убили некоторых людей и ранили других. Подавлением восстания руководил лично комиссар Синда (начальник местной колониальной администрации), участникам восстания власти учинили жестокую расправу¹⁷. Для специалистов, интересующихся историей национально-освободительной борьбы синдхского народа, несомненный интерес представляют сведения о героических восстаниях против власти английских колонизаторов, за создание независимого Синда, которые поднимали в 1895–1896 и в 1898 гг. так называемые хуры, или хурры (то есть «свободные, независимые»). В 1895 и 1896 гг. крупные

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Социально-экономическое и историческое развитие Южной и Южно-Западной Азии. М., Калуга: ИВ РАН, Калужский научный центр, КГПИ, 1997. С. 151.

¹⁷ См. подробнее: Худадад-хан. Указ. соч. С. 55.

восстания хуров происходили в синдхских округах Тхарпаркар и Хайдарабад, где руководителем восставших был легендарный сапожник по имени Бачо.

В борьбе с хурами, а также с другими противниками колониального владычества британская администрация использовала не только войска и полицию, не только засылаемых в ряды повстанцев тайных агентов и шпионов. Важным фактором стало изоптрненное использование традиционного религиозного исламского и общественного авторитета могущественных и влиятельных улемов, шейхов и пиров – руководителей различных мусульманских сект и орденов, игравших не только весьма заметную и важную роль в социальной и политической жизни Синда, но и активно приобщившихся в современных условиях к предпринимательской деятельности в процессе своеобразного «государственно-частного партнерства».

В. Ф. Агеев особо выделял тот факт, что в событиях в Синде важнейшую роль играли свыше полусотни пиров, которые представляли собой в социально-политическом отношении довольно замкнутую институциализированную группу религиозных исламских лидеров и одновременно богатых землевладельцев-феодалов. Каждый пир имел несколько сот, а наиболее влиятельные – тысячи последователей и учеников-мюридов, с которых ежегодно взималось от одной восьмой до половины всех их доходов. Наибольшим влиянием пользовались пиры суфийских орденов кадирийя и накшбандийя, самых многочисленных в Синде. Богатые резиденции этих пиров часто обслуживали сотни слуг. До английского завоевания в их распоряжении нередко находились многочисленные и хорошо вооруженные отряды конных всадников, что давало наиболее могущественным пирам возможность сосредоточивать в своих руках не только духовную, но и вполне реальную светскую и военную власть. Британская колониальная администрация, учитывая важную роль пиров и большое влияние, которое они имели в синдхском обществе, всемерно стремилась привлечь их к сотрудничеству. Тех пиров, кто вел себя по отношению к английским властям лояльно, помогал им в укреплении британского владычества в Синде, в подавлении

выступлений против колонизаторов, руководители британской администрации, как подчеркивал В. Ф. Агеев, богато одаривали, а некоторым даже жаловали почетные титулы вроде «Шамс алулама» («Солнце мусульманских богословов»). В этом проявлялась, в частности, широкая и устойчивая распространенность мусульманского мистицизма в исламском ареале Азии¹⁸. В работах В. Ф. Агеева содержатся также выводы о том, что британская администрация, когда это представлялось ей необходимым, открыто вмешивалась в семейно-династийные распри, нередко вспыхивавшие среди пиров, реально поддерживая тех, кто вел себя наиболее лояльно. Всяческое содействие оказывалось тому, чтобы именно пробритански настроенные пиры становились во главе мусульманских сект и орденов¹⁹.

Долгие годы высшей апелляционной инстанцией были правившие Синдом титулованные властители-миры²⁰ из белуджской династии Талпур²¹. В частности, только миры могли выносить смертные приговоры. На индусов нормы шариата не распространялись. Как показал В. Ф. Агеев, в городах Синда дела индусских общин вершили панчаяты, состоявшие из индусов, во главе которых стояли мукхи.

Из приводимых в книге В. Ф. Агеева данных о землевладении в Синде на 1903 г. следует, что крестьянам принадлежало всего 17.4% земельных угодий, а свыше четырех пятых приходилось на долю мелких (25–100 акров), средних (100–500) и крупных помещиков (более 500 акров). Ссылаясь на книгу своего предшественника С. А. Кузьмина, как характерную особенность Синда он отмечает, что на крупных собственников (латифунди-

¹⁸ Дроздов В. А. Мусульманский мистицизм. СПб.: Президентская библиотека, 2015. С. 95.

¹⁹ Агеев В. Ф. Новейшая история Синда. М.: Наука, 1986. С.241.

²⁰ См. об этом, в частности: Шimmel Аннемари Мир исламского мистицизма. Пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Рапопорт. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Садра», 2012.

²¹ Худадад-хан. Указ. соч. С. 43, 55, 183. Судебная система в Синде и после английского завоевания (особенно в сельских районах) долгое время сохраняла традиционный характер. Продолжал функционировать, как и при правителях династии Талпур, шариатский суд казиев, а для индусов — панчаяты. Однако для рассмотрения важных дел были учреждены английские суды. См. подробнее: Pottinger H. Travels in Beloochistan and Sind. L., 1816; Eastwick E.B. A Glance at Sind before Napier. L., 1849.

стов) приходилось 13% частновладельческих земель, а наиболее богатыми землей слоем были средние помещики (42%)²². Таким образом, из анализа двух авторов с очевидностью следует, что крестьяне (мельчайшие собственники) составляли незначительную часть землевладельцев, а отсутствие большого блока латифундий приводило (по умолчанию) к распылению малоземельного крестьянства и безземельных сельхозрабочих²³.

В. Ф. Агеев подчеркивает, что традиционная издольная аренда в Синде не имела черт, переходных к капиталистической. Аграрные мероприятия англичан приводили к укреплению феодально-помещичьей собственности на землю и «отсечению» от рынка огромной массы малоземельного и безземельного сельского населения. Отголоски этих традиций надолго обусловили крайние сложности аграрного вопроса и противоречия аграрных преобразований в Синде даже в 1971–1977 гг., а также и при военном режиме М.Зия-ул-Хака в 1977–1985 гг.²⁴. В этом контексте при Зия-ул-Хаке особую остроту приобрели национальные противоречия и сопротивление военному режиму²⁵.

В трудах В. Ф. Агеева немало содержательных экскурсов в конфессиональную, демографическую и этнодемографическую сферы. Он неоднократно упоминает о борьбе белуджских, синдских и раджпутских племен и кланов за преобладание в Синде, пишет о запустении области при белуджских правителях Тальпурах в период, предшествующий английскому завоеванию. В. Ф. Агеев приводит достоверные данные о массовой миграции людей в Синд с начала XX в. и по 70-е гг. из соседних областей, прежде всего, Белуджистана, Раджпутаны, Пенджаба и даже Афганистана²⁶. Как выше отмечалось, он придает особое значение массовому переезду сельских жителей из восточных районов

²² См. об этом подробнее: Кузьмин С.А. Аграрные отношения в Синде (вторая половина XIX в.) М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 90-91.

²³ Там же. С. 98; Агеев В.Ф. Новейшая история Синда. М.: Наука, 1986.

²⁴ Агеев В.Ф. Новейшая история Синда. М.: Наука, 1986. С. 149-152.

²⁵ Там же. С. 230, 248.

²⁶ Там же. С. 105-110.

провинции в западные в связи с развитием инфраструктуры, ирригационным строительством, национальной политикой и привлечением крестьян для освоения новых земель.

Ирригационное строительство и развитие дорожной инфраструктуры в Северо-западной Индии особенно заметным было в период между мировыми войнами именно в Синде, где в 1932 г. вступила в строй действующих крупная плотина имени Ллойда близ Суккура, затем переименованная в плотину имени Гулама Мухаммада.

Перемещение крестьянского и трудового населения деревни, включая в последнее ремесленников и «слуг общины», из широтного по преимуществу в рамках севера Индии (то есть, из восточных округов Пенджаба в западные) стало долготным по большей части, из Пенджаба в Синд.

В трудах В. Ф. Агеева содержится важнейший вывод о том, что после достижения независимости многие социально-политические и экономические проблемы Синда остались нерешенными. Автор акцентирует внимание читателей на всепроникающей коррупции, на сложности и противоречивости процессов модернизации общества и государства в восточных социумах. Характерно, что при сохранении веками многих особенностей протестного движения, или «рабочего движения», как его называл В. Ф. Агеев²⁷, многие формы социального протеста позже «подверглись кардинальным переменам»²⁸.

Позже российские историки во многом отошли от однозначных уничижительных оценок роли Британии в Индии, но остались достаточно сдержанными. Показательны в этом отношении и многие оценки В. Ф. Агеева, связанные с британским наследием в независимом Синде и Пакистане в целом.

В заключение необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, В. Ф. Агеев, по признанию ведущих российских ученых-востоковедов, вошел в отечественное пакистановедение как один из наиболее талантливых и плодотворных исследова-

²⁷ Агеев В. Ф. Новейшая история Синда. М.: Наука, 1986. С. 93, 100, 155.

²⁸ Белокреницкий В. Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. М.: ИВ РАН, 2016. С. 184, 199.

телей кардинальных проблем социально-политической истории Синда в новейшее время²⁹.

Даже с позиции сегодняшнего дня достаточно большое внимание в работах В. Ф. Агеева было уделено природно-климатическим и экологическим особенностям ареала Синда, их неоднозначным изменениям и последствиям в результате применения технологий «зеленой революции», развития опытно-селекционной работы, влиянию природных условий и улучшающих их (на время! – *В.Т.*) масштабных ирригационных работ на землепользование и устройство хозяйственной деятельности в обозримом будущем³⁰.

Во-вторых, из его исследований следует, что крестьянство Синда остается крайне разнородным, плохо или совсем не организовано, по-прежнему подвержено влиянию исламских клерикалов и крупных землевладельцев, особенно пиров – потому имеется мало оснований для утверждений о нем, как о социально-политической силе, как о едином классе (классе-сословии). Это в полной мере соответствует современному тезису Л. Б. Алаева, согласно которому некоторое преувеличение ростков капитализма в индийской деревне, наблюдавшееся до войны 1941–1945 гг., сменилось в советской послевоенной историографии положением о преобладании феодальных пережитков в деревне и обусловленном этим особым характере крестьянства и деревенских низов³¹.

Основное внимание индологов привлекли на этом фоне региональные особенности аграрных отношений. Вклад В. Ф. Агеева в данном контексте представляется бесспорным. Нельзя не сказать, что особенности яркого авторского подхода к выделению фактов от их произвольной или противоречивой интерпретации различными авторами в более ранних публикациях и безусловная научная добросовестность, даже при неизбежной для своего

²⁹ Белокреницкий В. Я., Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. Указ. соч. С. 220.

³⁰ Избыточное орошение поднимает уровень подпочвенных, соленых вод, они выходят на поверхность, засоленные земли быстро теряют плодородие. См., например: Шебаршин Л. В. Жизнь и разведка в Пакистане. <https://algorithm-izdat.ru/2012/08/03/razvedka-v-pakistane/> (дата обращения 28.11.2018).

³¹ Алаев Л. Б. Указ. соч.

времени гипертрофированной идеологической «политкорректности», отличала В. Ф. Агеева и его труды. Они должны по праву занять достойное место в истории отечественного востоковедения и сам он среди ученых, внесших значительный вклад в российскую сокровищницу научных знаний о Синде и современных государствах Индостана.

Книги провинциального преподавателя из Калужского пединститута представила собой яркую ретроспективную картину формирования институциональных структур синдского общества и пакистанской государственности, цельное и развернутое полотно истории Синда. Знавшие его в течение двух десятилетий московские коллеги-востоковеды отмечали его невероятную трудоспособность, организованность в работе, истинный талант ученого-исследователя, потрясающую способность преодолевать объективные трудности научной деятельности и жизненные бытовые обстоятельства³².

С трудами В. Ф. Агеева могут соперничать только корифеи отечественного и зарубежного пакистановедения. Можно предъявлять претензии с точки зрения трактовки классовой структуры, отдельных событий и фигур в истории Синда, но объем и полнота изложения достоверного фактического материала, выявление основных тенденций в противоречивом процессе взаимодействия традиционных и современных общественно-экономических структур, глубокая аргументация выводов и суждений автора делают его труды, безусловно, полезными и в наши дни.

Не надо забывать, что это был один из первых столь фундаментальный и тщательно детализированный труд по истории стран бывшей Британской Индии, написанный в провинциальной Калуге российским автором для отечественного читателя. Некоторые его выводы имеют прогностическое значение. Актуальность трудов В. Ф. Агеева объясняется также тем, что парадигма харизматических, культовых и этнических отношений в Синде по ряду характеристик близка к тому, то сейчас наблюдается на территории России, прежде всего в регионах распространения суфийских тарикатов.

³² Белокреницкий В. Я., Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. Указ. соч. С. 220–221.

Все это заслуживает особой признательности. Не останавливаясь подробно на педагогической деятельности В. Ф. Агеева, поскольку это далеко выходит за рамки заявленной темы, следует лишь добавить, что с 1992 г. и до своей смерти в 2000 г. В. Ф. Агеев проводил большую организационную работу в Калужском научном центре, был инициатором реализации программы «Историко-культурное наследие Калужского края»³³. В истории исторического факультета КПИ, где он работал с 1975 по 2000 г., с 1989 по 1995 г. – в должности проректора по научной работе, В. Ф. Агеев остался крупнейшей научной величиной³⁴. Ему удалось сформировать из его студентов и аспирантов своеобразную калужскую школу синдологии с немалым числом защищенных в Москве и Калуге кандидатских диссертаций. Хотя никому из учеников В. Ф. Агеева не удалось достичь уровня Учителя в собственных научных изысканиях, но, тем не менее, опыт серьезной работы в научной сфере прямо или косвенно объясняет, например, те факты, что среди учеников профессора В. Ф. Агеева сегодня и ректор Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского М. А. Казак, и первый проректор В. Б. Королев, и целый ряд видных представителей администрации города Калуги и области, и множество высококвалифицированных преподавателей и работников сферы образования, и даже бывший глава администрации Калуги и заместитель губернатора Калужской области, а ныне губернатор Рязанской области Н. В. Любимов. Все они хранят память о своем преподавателе – профессоре В. Ф. Агееве.

³³ См. список авторов «Калужской энциклопедии»: Калужская энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2005. С. 4.

³⁴ Использованы материалы книги «История истфака» (Калуга, 2008), а также материалы сайта КГУ: tksu.ru/if/DocLib5/История%20Исторического%20факультета.pdf (дата обращения 28.11.2018)

Т. Халмирзаев*

МЕСТО МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ИНДОЛОГИЧЕСКИХ КАДРОВ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается история становления индологии в Республике Узбекистан и решающая роль в этом российских востоковедов. Здесь также кратко освещается деятельность двух индологических центров – Ташкентского государственного института востоковедения (ВУЗ) и Института востоковедения АН Узбекистана и их сотрудничество с индологами Москвы.

Ключевые слова: индология, Ташкентский государственный институт востоковедения, Институт востоковедения АН Узбекистана, сотрудничество, хиндустани, хинди, урду.

T. Khalmirzayev**

INDOLOGY IN UZBEKISTAN AND THE ROLE IN IT OF MOSCOW SCHOOL OF ORIENTAL STUDIES

Summary. The author considered the history of Indology in Uzbekistan and showed the important role in it, played by Russian scholars. He highlighted the activities of two centers of Indology – Tashkent State Institute of Oriental Studies (Institution of Higher Education) and Institute of Oriental Studies, Uzbekistan Academy of Sciences and their cooperation with Moscow Indologists.

Key words: Indology, Tashkent State Institute of Oriental Studies, Institute of Oriental Studies, Uzbekistan Academy of Sciences, cooperation, Hindustani, Urdu, Hindi.

* Халмирзаев Ташмурза – кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии Ташкентского государственного института востоковедения, khalmirzaev@yahoo.com

** Khalmirzayev Tashmurza – PhD (Philology), Associated Professor of Indian Philology Department, Tashkent State Institute of Oriental Studies, khalmirzaev@yahoo.com

В становлении и развитии индологии в Узбекистане основное место принадлежит России. Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в конце XIX в., когда по Указу императора России от 1895 г. при Туркестанском военном округе (ТуркВО) в Ташкенте создавался центр – «Офицерская школа по изучению восточных языков» и первым среди них был назван язык «индустани (урду)». Для выполнения этой задачи капитан А. Выгорнитский и лейтенант И. Ягелло на два года были командированы за границу для изучения этого языка. В 1897 г. Школа начала свою деятельность. Эти офицеры готовили первые в Российской империи учебные пособия по хиндустани. В 1898 г. А. Выгорнитский подготовил «Пособие по языку индустани и Русско-урду словарь»¹, а в 1902 г. они совместно опубликовали в Ташкенте «Практическую грамматику языка индустани»². Согласно «Бюллетеню Ташкентской офицерской школы» за период с 1897 по 1909 г. «Курсы по хиндустани окончили более тридцати офицеров»³.

Уже позже, в советское время, в Ташкенте успешно работали такие российские индологи как Сотников М. Н., Дьяченко А. С., Москалев В. С., Серебряков И. Д., Алиев Е. А. и др. Наряду с преподавательской деятельностью они готовили ценные информационные материалы по сопредельным с округом странам, в первую очередь, по колониальной Индии, а позже, и по суверенным государствам – Индии и Пакистану. Продолжалась работа по составлению разных пособий по изучению языка урду. В. С. Москалев в годы Великой Отечественной войны подготовил и опубликовал в Ташкенте в 1943 г. первый в Советском Союзе большой «Русско-урду словарь». Ответственным редактором словаря был его коллега М. Н. Сотников. Свой «скромный труд» (объемом в 400 страниц!) автор посвятил «доблестной Красной Армии»⁴.

¹ Выгорнитский А.И. Пособие для изучения языка индустани (урду) и военный словарь русско-индустани. Ташкент, 1898.

² Ягелло И.П. Практическая грамматика языка индустани (урду). Ташкент, 1902.

³ Central Asia – India Dialogue. International Indology Seminar at Tashkent. (Published by L.V. Shastri Center for Indian Culture). Tashkent, 2008, p.283.

⁴ Москалев В.С. Русско-урду словарь. Отв. ред. М.Н. Сотников. Ташкент: Полит. упр. Среднеаз. военного округа, 1943.

Позже совместно с М. Сотниковым и Б. Сорокой они издали первый «Русско-урду разговорник», а также «Хрестоматию» по этому языку. Языковой материал для пособия составители брали из индийских газет тех лет. К этим трём пособиям наши преподаватели во время занятий нередко обращаются и сегодня, поскольку собранный в них уникальный материал даёт возможность судить об урду, употреблявшемся на Индийском субконтиненте в 40–50-х гг. прошлого века.

С 1918 по 1931 г. в Ташкенте функционировал Туркестанский восточный институт, который внес определенный вклад в наше востоковедение. В его учебный план был включен и урду.

В 1942 г. московский Институт востоковедения АН СССР почти в полном составе был эвакуирован в Ташкент. Среди крупных востоковедов, таких В. И. Беляев, Е. Э. Бертельс, А. Н. Кононов были и индологи: А. М. Дьяков, А. П. Баранников, В. М. Бескровный. Пребывание таких ученых в Ташкенте и их совместная работа в здешних востоковедных центрах явилась для наших ученых огромной школой повышения их профессиональной квалификации. Интересно отметить, что свою кандидатскую диссертацию по языку урду, которую он позже успешно защитил в Москве, В. М. Бескровный готовил ещё будучи в Ташкенте.

Важным этапом в развитии науки в Узбекистане стал 1943 г. Тогда по решению Союзного правительства, в Ташкенте была создана Академия наук Узбекской ССР, а на базе Восточного отдела Государственной библиотеки Узбекистана учрежден «Институт изучения рукописей», который позже был преобразован в Институт востоковедения.

Знаменательное событие, оказавшее серьезное влияние на дальнейшее развитие индологии в Узбекистане произошло в 1947 г., когда по решению Правительства Республики Узбекистан на восточном факультете Средне-Азиатского государственного университета (САГУ) была открыта кафедра индийской филологии, где первым языком преподавания был назван урду. Через некоторое время здесь началось изучение и хинди. На должность заведующего кафедрой из ТуркВО был приглашен уже упоминавшийся В. С. Москалев, а к преподавательской деятельности

постепенно привлечены его коллеги: И. Д. Серебряков, А. П. Буянова, О. Д. Полинова, Р. А. Аулова. На факультете тогда работали и другие известные востоковеды, приехавшие сюда из Москвы, такие как Н. А. Халфин, Ф. А. Заславская, Ю. А. Соколов, Г. Л. Бондаревский. Последний был также деканом восточного факультета Средне-Азиатского государственного университета. Наряду с преподавательской деятельностью они успешно занимались наукой. Их публикации печатались как в местных, так и в российских изданиях. И. Д. Серебряков, например, опубликовал в Ташкенте более сорока работ: статей, критических заметок, рецензий, предисловий, переводов с урду, бенгали, хинди и пр. Его интересная статья «Вопросы индийской филологии» была опубликована в Ташкенте в 1955 г. а такие его работы, как «Национальный вопрос в Индии» и «Классики индийской литературы» впервые вышли в свет также в Ташкенте. (Дополненный вариант второй книги он издал уже в Москве)⁵. Переводы художественных произведений он нередко подписывал псевдонимом «Прагап Сингх».

Декан факультета Г. Л. Бондаревский часто выступал в печати, делал доклады на научных конференциях, а также в Академии наук Узбекистана. В 1949 г. он опубликовал здесь интересную статью «Индия и Пакистан после раздела»⁶. В том же году в Московском журнале «Вопросы истории» (№7) вышла его статья о работах востоковедов Узбекистана⁷. Выпускница нашей кафедры Мукиджанова Р., ставшая позже крупным советским пакистановедом, свою первую работу «Мусульманская лига» опубликовала здесь в 1951 г.⁸ Отметим, что другой наш индолог Ю. Пономарев,

⁵ Серебряков И. Д. Вопросы индийской филологии во втором издании БСЭ // Известия АН УзбССР. Ташкент, 1955. № 9. С. 85–91; Его же. Национальный вопрос в Индийском союзе и Пакистане // Тезисы научных докладов на юбилейной конференции САГУ, посвященной 25-летию УзССР. Ташкент, 1950. С. 31–32; Его же; Хинд адабиёти классиклари. Тошкент, 1958.

⁶ Бондаревский Г. Л. Индия и Пакистан после раздела // Тезисы научных докладов на сессии Академии наук УзбССР 24–28 янв. 1949, г. Ташкент. 1949. С. 117–118.

⁷ Бондаревский Г. Л. Работа востоковедов Узбекской Академии наук и Среднеазиатского государственного университета // Вопросы истории. М., 1949. № 7. С. 156–158.

⁸ Мукиджанова Р. Мусульманская лига и образование Пакистана // Сборник студенческих работ САГУ. Ташкент, 1951. Вып. 2. С. 63–87.

прошедший научную стажировку и аспирантуру в Москве, тоже стал известным пакистановедом. Позже он опубликовал по этой теме солидную монографию, которая была переведена на английский язык⁹. Ряд интересных статей тогда напечатал Н. А. Халфин¹⁰, который читал на факультете лекции по теме «История сопредельных с Узбекистаном стран».

На нашей кафедре все эти годы основными языками преподавания остаются хинди и урду. Однако в качестве дополнительных (вторых) языков в разное время изучались персидский, панджаби, тамили.

Как известно, в 1971 г. на карте Южной Азии появилось новое государство – Бангладеш. В связи с этим по решению правительства СССР у нас началось изучение бенгальского языка. Автор этих строк (тогдашний декан факультета) выехал в Москву и пригласил известную бенгалистку к.ф.н. Л. А. Стрижевскую для преподавания этого языка. Хороший методист и прекрасный знаток бенгальского языка и литературы, особенно творчества Рабиндраната Тагора, в течение 1972–1974 гг. она преподавала у нас бенгали и заложила у наших студентов фундаментальные основы по этому предмету. Однако, продолжать далее свою преподавательскую работу у нас она, по личным мотивам, не смогла. Тогда её место занял наш молодой преподаватель З.С. Камилов, который до этого закончил аспирантуру в Институте востоковедения в Москве и параллельно изучал бенгальский язык. В 1977 г. он успешно выпустил первую группу бенгалистов нашей кафедры. Позже З. Камилов успешно защитил кандидатскую диссертацию по бенгальскому языку. К огромному сожалению, несмотря на все наши усилия продолжить полный курс изучения этого языка в дальнейшем не оказались возможным. Иногда он преподается в качестве дополнительного языка в группах хинди.

В Институте востоковедения АН Узбекистана, в разное время плодотворно работали такие выдающиеся русские востоко-

⁹ Пономарев Ю. А. Современный Пакистан. Ташкент: Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1966 (в соавторстве с Тансыкбаевой С., на узб. яз.).

¹⁰ Халфин Н. А. Странствование Габайдуллы Амирова по Индии // Звезда Востока. Ташкент, 1956. № 7. С. 107–110; Его же. Американское проникновение в Индию и Афганистан в первой половине XIX в. // Звезда Востока. Ташкент, 1952. № 11. С. 69–85 и др.

веды, как Бертельс Е. Э., Беляев В. И., Кононов А. Н., Петрушевский Н. Д., Смирнов А. А. и др. Их вклад в создание и развитие этого Института просто неоценим.

На кафедре по индийской литературе наиболее плодотворно работала доц. Полинова О. С. В середине прошлого века ею было подготовлено более двадцати научных статей по творчеству отдельных писателей, написано несколько рецензий, выполнено около десяти переводов рассказов с урду и английского. Она также читала разные спецкурсы по индийской литературе.

В настоящее время ведущими литературоведами кафедры являются доц. Т. А. Ходжаева и д.ф.н. У. Мухибова.

Многие индологи-лингвисты кафедры прошли курсы московской аспирантуры и там же успешно защитили кандидатские диссертации (А. Н. Шаматов, Х. З. Бегизова, С. А. Черникова, А. Р. Усманов, Т. Халмурзаев и др.).

На кафедре большое внимание уделялось подготовке учебников и учебных пособий. В 1969 г. Р. А. Аулова опубликовала на русском языке «Учебник языка хинди». Учитывая фундаментальность и высокий методический уровень книги, её автору была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук. Для студентов групп хинди такой Учебник на узбекском языке впервые вышел в 2008 г., а его дополненный вариант был опубликован в 2015 г.

Несколько небольших учебников хинди и урду тогда были написаны для школьного уровня, поскольку в ряде школ Республики в качестве иностранного преподавались восточные языки. Только в Ташкенте таких школ было четыре. Учебные пособия, учебники для них в основном готовились нашими ведущими преподавателями Р. Мухамеджановым и Р. Ауловой.

Одним из лучших знатоков языка урду на кафедре и автором ряда серьёзных научных статей по грамматике урду был Р. Мухамеджанов. В 1992 г. он вместе со своей супругой В. Мухамеджановой издали на русском языке «Учебник языка урду» (420 с.). Позже её перевод на узбекский язык выходил ещё дважды.

Преподавателями кафедры готовились и лексикографические работы. Например, А. Н. Шаматов и Б. Рахматов издали

Хинди-узбекский словарь. Однако для групп урду с узбекским языком обучения ощущалась нехватка подобного пособия. Тогда на кафедре было решено поручить подготовку такого словаря Т. Халмурзаеву. В 2003 г. в языковом центре Пакистана в Исламабаде им был опубликован первый урду-узбекский словарь (439 с.). Такое же пособие нужно было и для русскоязычных студентов, изучающих язык урду. Последний Урду – русский словарь, вышедший в Москве в 1964, к тому времени уже являлся библиографической редкостью, да и по своему словарному составу он уже не полностью отвечал современному состоянию языка. Его составление взял на себя автор этих строк. Тогда им был подготовлен и издан, в том же Пакистанском центре Исламабада в 2012 г. Урду – русский словарь объемом 767 стр.

В другом востоковедном центре – Институте востоковедения АН Узбекистана, в разное время плодотворно работали такие выдающиеся русские востоковеды, как Бертельс Е. Э., Беляев В. И., Кононов А. Н., Петрушевский Н. Д., Смирнов А. А. и др. Их вклад в создание и развитие этого Института был просто неоценим.

В 1957 г. в этом Институте создали «Сектор истории, экономики и культуры Индии и Пакистана». Его штат практически весь был укомплектован выпускниками кафедры индийской филологии Ташкентского государственного университета. Научные исследования здесь осуществлялись довольно широко, они объединялись одной общей тематикой: «Историко-культурные связи между народами Индии и Средней Азии в прошлом и настоящем». Проводившиеся здесь научные работы охватывали широкий круг вопросов, таких как рассмотрение социально-политической ситуации в Индии в целом, а также проблем отдельных ее штатов: Бихар, Панжаб, Уттар Прадеш, Майсор и др. Много исследований было выполнено по положению женщин. Особый упор делался на изучение литературных процессов, исследование творчества отдельных писателей и поэтов. Это направление было наиболее плодотворным. Большинство сотрудников этого сектора, а также преподаватели-индологи Ташкентского университета проходили стажировку или аспирантуру в Москве. Итогом такого сотрудничества являлись защита дис-

сертаций, публикация монографий, отдельных статей, сборников трудов, рецензии. Были выполнены интересные исследования по творчеству конкретных писателей и поэтов Индии. Это Прем Чанд, Яшпал, С. Х. Минто, Х. А. Аббас, А. С. Джафри, Илачандра Джоши, Упендранат Ашк, Хариванш Баччан, Амритлал Нагар, Саджад Захир, Исмаат Чугтаи, Амрита Притам, Вишну Прабхакар, А. Н. Касми, Мухаммад Икбал, Кришан Чандр, С. К. Чаухан, А. Х. Шарар и др.

Ряд исследовательских диссертаций (кандидатских и докторских) были защищены по истории Индии, лингвистике, по культурно-историческим связям, существовавшим между регионами в прошлом. Эти работы рассматривались и утверждались на Ученых советах, как в Ташкенте, так и в Институте востоковедения в Москве. По нашим, весьма осторожным подсчетам, общее количество диссертационных работ, защищенных нашими индологами в Ташкенте и Москве составляет не менее шестидесяти!

В советское время Узбекистан был, пожалуй, второй после России республикой, где переводы индийской литературы на узбекский и русский делались прямо с оригинала, а не через язык-посредник, поскольку здесь для этого были хорошие собственные кадры.

В 50-70-х гг. прошлого века в Ташкенте в огромном количестве и большими тиражами на русском и узбекском языках печатались многие произведения индийских авторов. Например, на русском языке вышли такие солидные сборники, как «Современный индийский рассказ» (1958, 309 с.), «Поэты Индии» (1958, 311 с.). На узбекском: «Индийские рассказы» (1955, 190 с.), «Сказки Индии» (1956, 232 с.), Собрание сочинений Рабиндраната Тагора в восьми томах (1958-1965), «Рассказы индийских писателей» (1958, 310 с.), роман Прем Чанда «Жертвенная корова» (1962).

Много переводились и издавались произведения Х. А. Аббаса, Кришан Чандра, Р. С. Беди, А. Н. Касми, Мульк Радж Ананда, Мирзы Галиба, Мухаммад Икбала, С. Х. Минто, Саджад Захира, Али Сардара Джафри.

В те годы в Узбекистане осуществлялись и «обратные переводы», т. е. когда произведения советских авторов переводились на другие языки. Для этого в Ташкенте было открыто издательство «Радуга». Его штат был укомплектован в основном нашими востоковедами, а основными переводчиками были носители иностранных языков. Переводы художественных произведений осуществлялись на восточные языки и английский. Здесь на урду, бенгали и хинди были переведены отдельные произведения А. П. Чехова, В. Беляева, В. Шукшина. В этом списке были представители практически всех республиканских (национальных) литератур СССР: С. Айни, М. Ауэзов, Расул Гамзатов, Грант Матевосян, Ойбек и другие. Особенно повезло книгам Чингиза Айтматова: были переведены четыре его крупных произведения «Белый пароход», «Прощай, Гульсары», «Материнское поле» и «Первый учитель». По словам наших индологов, работавших тогда в «Радуге», на урду, хинди и бенгали было переведено более тридцати книг, сборников сказок и рассказов.

Приблизительно с середины прошлого века интерес в Советском Союзе к странам Зарубежного Востока начинает расти, что наглядно было видно на примере Узбекистана.

На Ташкентском радио открывается Отдел иновещания, откуда начинаются вести передачи на английском и нескольких восточных языках: персидском, пушту, уйгурском, арабском и др. Первым среди них был избран язык урду. Получасовое вещание на нём началось в 1957 г. Работавший в то время на восточном факультете индеец Мадан Мохан Хардат и трое его студентов стояли у истоков этого вещания. Передачи на языке хинди были начаты несколько позже. Всего в этих двух редакциях (дикторов и переводчиков) работало около двадцати индологов. На каждом из этих языков были по две получасовые передачи в день. Программа их была самой разнообразной: международные и местные новости, комментарии, радиоинсценировки, интервью, викторины и пр. Эти передачи пользовались большой популярностью у зарубежных слушателей. Об этом можно было судить по приходившим в редакцию письмам, которые зачитывались на радио и обсуждались в рубрике «Ваши письма».

С шестидесятых годов прошлого века Советский Союз и Индия начали невиданное до того времени масштабное технико-экономическое сотрудничество, которое проходило практически во всех уголках Индии. Для работы на этих объектах нужны были не только проектировщики, инженеры и техники, но и специалисты, владевшие английским, хинди или урду. Тогда был большой спрос и на наших выпускников.

Они работали не только на десятках строившихся объектах Индии, но и в различных советских учреждениях (в посольстве, аппарате экономсоветника, в культурных центрах, АПН). Когда позже были собраны некоторые статистические данные, то выяснилось, что в те годы через «индийскую практику» прошли не менее пятидесяти выпускников кафедры индийской филологии Ташкентского государственного университета.

В таких ведущих странах как США, Великобритания и Индия в разное время послами Узбекистана работали наши выпускники-индологи.

Узбекистан в советское время считался одним из признанных центров востоковедения в СССР. Здесь проходили такие крупные конгрессы и международные форумы как Первая Всесоюзная конференция востоковедов, кинофестивали стран Азии и Африки, Конференция писателей Афро-Азиатских стран. В Самарканде функционировал Международный центр по изучению Центральной Азии.

В последнее время наши контакты оказались фактически прерванными. На Первой Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте в 1957 г. наш академик Кары Ниязов говорил: «Невозможно развивать науку в Узбекистане без теснейшей связи с АН СССР». Эта идея полностью применима к нашей сфере деятельности сегодня. Поэтому ведущим ученым-востоковедам наших стран следовало бы встретиться и обсудить насущные проблемы, стоящие перед нами сегодня.

Е. Ю. Ванина*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ИНДОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ ИСТОРИИ ИНДИИ – И НЕ ТОЛЬКО)

Аннотация. *Изначально следуя за своими учителями – европейскими ориенталистами, российская индология постепенно обрела собственные подходы к прошлому и настоящему Индии. В советские времена оригинальность подходов нашей индологии постепенно утрачивалась, вследствие как идеологических догм, так и объективной нехватки информации, недоступности основных источников. Это приводило к некритическому заимствованию у иностранных коллег не только фактографии, но и методологий, а также выводов. Подобная практика во многом продолжается и в постсоветский период, несмотря на смену идеологических парадигм, что актуализирует проблему соответствия российской индологии мировому уровню и одновременно обретения ею собственного лица.*

Ключевые слова: индология, ориенталисты, идеология, методология.

E. Yu. Vanina**

INSTEAD OF A CONCLUSION: INDOLOGY AND CONTEMPORANEITY (SOME OBSERVATIONS ON RUSSIAN STUDIES IN INDIAN HISTORY – AND MORE)

Summary. *Initially following its European Orientalist preceptors, Russian Indology had gradually developed its own approaches to India's past and present. However, during the Soviet period the originality of our Indology was gradual-*

* Ванина Евгения Юрьевна – главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, eug.vanina@gmail.com

** Eugenia Yu. Vanina – chief research scholar, D. Litt., Institute of Oriental Studies RAS, eug.vanina@gmail.com

ly lost due to ideological dogmas as well as objective deficiency of information and inaccessibility of major sources. This resulted in uncritical borrowing of not just facts but methodologies and assessments from foreign colleagues. Despite the change in ideological paradigms, the same situation continues in post-Soviet times as well which brings to the forefront the problem of the world level adequacy and at the same time originality of Indian studies in Russia.

Key words: *Indology, Orientalism, ideology, methodology.*

Российская индология изначально следовала за своим учителем – европейским ориентализмом – в подходах к истории и оценках, особенно индийского прошлого, но довольно рано, начиная с Г. С. Лебедева¹, обрела собственный голос в отношении к индийскому настоящему. Первые и наиболее успешные попытки анализировать современную Индию делались путешественниками, и поскольку над ними не довели отмеченный Э. Саидом «текстовый подход»² и постулаты формирующейся колониальной идеологии, русские описания Индии XVIII – начала XX в. были гораздо позитивнее европейских картин «деградации» и «хаоса»³. И если даже основатель Азиатского общества сэр Уильям Джонс, восхищавшийся индийской древностью, рассматривал современных ему индийцев как «деградировавших и опустившихся»⁴, то Лебедев, повествуя об увиденной им Индии, описывал живое и активное общество, богатые города, торговлю и ремесла, восхваляя индийцев за «непреклонность во благочестии»⁵. Формировавшейся в то время в Европе индофобии (У. Кэри, Ч. Грант, позднее Дж. Милль), которая называла индий-

¹ Подробнее о трудах первого российского индолога: Васильков Я. В. «Буреборственный путешественник»: жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1741–1817). СПб.: МАЭ РАН, 2017.

² Said E. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*. London: Penguin, 2003. P. 52.

³ На основе таких описаний Дж. Маколей, выступая в британском парламенте (1833) обрисовал Индию эпохи заката Могольской империи как зону хаоса, подобную Европе времен гибели Рима. *The Miscellaneous Writings and Speeches of Lord Macaulay*. Vol. IV. Whitefish: Kessinger Publishing, reprint, 20014. P. 99.

⁴ Jones W. *The Third Anniversary Discourse (delivered 2 February, 1786, by the President, at the Asiatick Society of Bengal) // The Works of Sir William Jones. With a Life of the Author, by Lord Teignmouth [John Shore]*. Vol. III. London: John Stockdale and John Walker, 1807. P. 32.

⁵ Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М.: Наука, 1965. С. 554.

цев «варварами» и отказывала им в каких-либо цивилизационных достижениях, Лебедев противопоставил свой аргумент: «индийцы ни мало не похожи на диких, и ... более имеют приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери»⁶.

Российские индологи нашли в себе смелость не разделять один из важнейших постулатов европейского ориентализма: представление об «антиисторичности» древних и средневековых индийцев, их нежелании фиксировать и обсуждать собственное прошлое⁷. «Индия не писала историю потому, что никогда не творила ее», – утверждал как общеизвестную аксиому авторитетный британский санскритолог А. Макдоннелл⁸. А российский санскритолог К. А. Коссович думал по-другому: «Говорят, что Индия не имеет истории. Если история есть изображение судеб народа, развивавшегося самостоятельно под влиянием идей, выработанных его жизнью, если народами историческими называются преимущественно народы, организовавшие свой государственный быт при выработанном ими полном просторе для всех возможных проявлений в его недрах свободной мысли и творчества, если есть несокрушимые памятники слова, изображающие его жизнь, то государства древней Индии не уступают никаким историческим государствам мира»⁹. Другой российский индолог, С. Ф. Ольденбург, в лекции из цикла «Введение в историю индийского искусства» (1919–1920), выступал против концепции «антиисторичности» индийцев и выражал надежду, что «не так далек день, когда об истории Индии мы будем писать, как об истории других стран»¹⁰.

Диссонировали российские индологи и с общим для Запада представлением о праве Британии владеть Индией, о «миссии белого человека» и связанном с колониальной властью

⁶ Там же.

⁷ См. подробнее: Ванина Е. Ю. Индия: история в истории. М.: Восточная литература, 2014. С. 57–108.

⁸ MacDonnel A. A. A History of Sanskrit Literature. New York: D. Appleton and Company, 1990. P. 11.

⁹ Цит. по: Серебряков И. Д. Литературы народов Индии. М.: Высшая школа, 1985. С. 13.

¹⁰ Ольденбург С. Ф. Культура Индии. М.: Наука, 1991. С. 126.

«прогессе». В Европе критиков британской колониальной политики было немало, но они, в абсолютном большинстве, осуждали «ошибки» и «злоупотребления», не подвергая сомнению само право «прогрессивной» страны управлять «варварами» и нести им «блага цивилизации». Осматривая дворцы правителей Лакхнау, И. П. Минаев размышлял: «Старый владетель был расточителен: свои дела он вел безобразно. Все это верно. Но какое право имел сосед сильный выгонять расточительного хозяина из его гнезда?»¹¹ О дарованном англичанами индийцам «прогессе» у Минаева было такое мнение: «... когда я попадаю в дикую страну и лишаюсь всех удобств цивилизованной жизни, тогда ... так и кажется, что отлично, если эту дикую страну заберет в руки западный хозяин. Но хорошо для кого? Для западного же человека, для того, кому нужны и хорошие дороги, и удобные помещения, и здоровая пища и т.д., словом тому, кто хочет жить среди условий, выработанных западной культурой. Но нужно ли это тем, кто никогда не жил среди таких условий и не знал их? Да когда они заведутся в стране, кто ими будет пользоваться? И не заводятся ли они на счет тех, кто ими не пользуется?»¹²

Расизм, являвшийся одной из мировоззренческих основ британского колониального господства и проявлявшийся во многих трудах даже благожелательно настроенных к Индии европейских исследователей, русский индолог обличил в великолепном сатирическом пассаже: «Чего ты хочешь, ниггер? Мы дали тебе то, чего тебе и во сне не грезилось. У тебя дороги – прекрасные, посмотри кругом, какие славные дома саабы настроили в трущобах твоих; у тебя школы, в которых тебя научат господской речи, а главное – цени западную цивилизацию.... Ты хочешь быть нам равным. Ты мнишь, что можешь обойтись без нашей опеки, и, чего доброго, желаешь старинных, родных правителей?! О! Ниггер, ниггер! Брось эту праздную фантазию. Ты черен!»¹³

¹¹ Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885 – 1886. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 90.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Там же. С. 180.

В начале XX в., особенно в первые советские десятилетия, отечественная школа индологии приобрела новую оригинальность: в дополнение, а иногда и в противовес, традиционному ориентализму с его преимущественным интересом к древней Индии, санскритским текстам, буддизму и т. д., выдвинулась плеяда индологов, пришедших в науку из практических (дипломатических, военных, партийно-коминтерновских) сфер. Они овладевали живыми индийскими языками и в своих исследованиях обращались к «мусульманскому» средневековью (по сути, именно тогда в нашей стране возникла как направление индологическая медиевистика¹⁴), колониальному периоду и современной Индии с естественным для того времени фокусированием на освободительном и революционном движениях.

Советская индология 50–80-х гг. XX в. находилась на достойном уровне, что признавалось зарубежными коллегами. Работы В. М. Бонгард-Левина, В. И. Павлова, А. И. Чичерова, И. Г. Растяникова, Г. К. Широкова, О. В. Малярова, Л. Б. Алаева, Т. Л. Шаумян активно цитировались и до сих пор цитируются индийскими и западными исследователями¹⁵. Можно предполо-

¹⁴ Eugenia Vanina. Russian Studies in Medieval Indian History and Society: An Insider's View // The Medieval History Journal. Vol. 2, no. 2. P. 362–386. Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: ИВРАН, 2013. С. 180–189.

¹⁵ Из многочисленных ссылок я выбрала по несколько работ, и только конца 1990-х – 2000-х гг. См., например, по Г.М. Бонгард-Левину: Bakker H. Origin and Growth of the Purāṇic Text Corpus: With Special Reference to Skandapurāṇa. Delhi: Motilal Banarasidass, 2004. P. 111, 194. Agarwal M.K. From Bharata to India: Chrysee the Golden. Blumington IN: iUniverse, 2012. P. 162, 164, 168. Nance R.F. Speaking for Buddhas: Spiritual Commentary in Indian Buddhism. New York: Columbia University Press, 2012. P. 265. По В.И. Павлову: Ahmad S.N. Origins of Muslim Consciousness in India: A World-System Perspective. New York: Greenwood Publishing Group, 1991. P. 133, 160; Ramaswamy V. The Genesis and Historical Role of Master Weavers in South Indian Textile Production // Gommans J. and Zurndorfer H. Roots and Routes of Development in India and China. Leiden: Brill, 2008. P. 397, 398, 401, 402, 427. Bagchi A.K. Capital and Labour Redefined: India and the Third World. London: Anthem Press, 2002. P. 51, 51, 56, 101. По А.И. Чичерову: Sahai N.P. Politics of Patronage and Protest: the State, Society, and Artisans in Early Modern Rajasthan. Delhi: Oxford University Press, 2006. P. 207, 266. Riello G. and Parthasarathi P. Introduction: Cotton Textiles and Global History // Riello G. and Parthasarathi P. (ed.). The Spinning World: a Global History of Cotton Textiles, 1200–1850. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 5, 6, 441. Riello G. Cotton: the Fabric that Made the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 315. По В.Г. Растяникову: Kumar P. Farm Size and Marketing Efficiency: Pre and Post-Liberalization. Delhi: Concept Publishing Company,

жить, что в этих трудах зарубежных исследователей привлекала не только и не столько фактография (доступ советских индологов к источникам был ограничен, о чем речь пойдет ниже), сколько методологические подходы и выводы, оригинальный, несходный с западным и собственно индийским взгляд на прошлое и настоящее страны, стремление вписать Индию в общемировые исторические процессы. Некоторые советские исследователи участвовали в крупных международных проектах (например, Л. Б. Алаев был одним из авторов «Кембриджской экономической истории Индии»¹⁶) и даже возглавляли их (О. В. Маляров, Г. Г. Котовский). Всему этому немало способствовали опубликованные издательством «Прогресс», а также зарубежными издательствами, переводы советских индологических трудов на английский язык.

Тем, чьи работы не были переведены, повезло меньше, но и о них за рубежом знали. Иногда это приводило к курьезам: в своей книге «Народные движения в Индии XVII–XVIII в.» И. М. Рейснер в числе факторов, обеспечивших рост антимогольских движений в Индии начала нового времени, специально выделил развитие, особенно у маратхов и сикхов, «элементов их будущей национальной общности»¹⁷. Книгу эту на английский язык не переводили, но некоторые индийские историки узнали о ней и стали горячо критиковать «теорию национальностей» Рейснера¹⁸. Не ведая о том, что слово «национальный» было употреблено И. М. Рей-

2007. P. 162, 164, 168. По Г.К. Широкову: Mukherjee A. Imperialism, Nationalism and the Making of the Indian Capitalist Class, 1920–1947. Delhi: Sage, 2002. P. 28, 29, 452. По О.В. Малярову: Das Gupta C. State and Capital in Post-Colonial India: From Licence Raj to Open Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 94, 103, 280. По Л. Б. Алаеву: Pearson M.N. Spices in the Indian Ocean World. London: Routledge, 2017. P. 198, 243. По Т.Л. Шаумян: Ray J.K. India's Foreign Relations, 1947–2007. Delhi: Routledge, 2011. P. 191, 200, 204, 207, 210–212, 214, 215. Mahajan S. Foreign Policy of Colonial India 1900–1947. Abington: Routledge, 2018. P. 58, 59, 84, 203. Tremblay R.C., Kapur A. Modi's Foreign Policy. Delhi: Sage, 2017. P. 173, 214, 248.

¹⁶ Alaev L.B. South India // The Cambridge Economic History of India. Ed. T. Raychaudhuri and I. Habib. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1982 (reprinted 1987). P. 226–234.

¹⁷ Рейснер И. М. Народные движения в Индии XVII – XVIII в. М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 20.

¹⁸ См., например: Athar Ali M. The Eighteenth Century: An Interpretation' //The Indian Historical Review. Vol. V, no. 1–2. P. 176.

снером не в принятом на Западе и в Индии значении «нации-государства», а в советском понимании этносов (например, народов СССР). Обнаруженную Рейснером у маратхов и панджабцев «национальную общность» индийские историки восприняли как вывод, угрожавший национальному единству современной Индии. На традиционно высоком уровне оставались работы индологов-текстологов: переводы и исследования текстов отличались высоким качеством; некоторые произведения индийской литературы, включая древние и средневековые, из всех европейских языков долгое время были доступны только на русском.

Вместе с тем, поддерживать советскую индологию на достойном уровне, сохранять ее «собственное лицо» было изначально трудно, и со временем сложности нарастали. Во многом это было связано с проблемой источников информации: не имея возможности посещать Индию, советские индологи первой половины XX в. в своих оценках индийских политических событий следовали, равно как и официальные власти, за индийской коммунистической прессой и эмиграцией, так что не стоит удивляться восприятию Ганди и Неру в качестве «британских агентов»¹⁹. Во второй половине XX в. появившиеся у индологов возможности работать в Индии были явно недостаточными: краткие поездки на конференции или в составе делегаций, в лучшем случае – месячные командировки, не могли полностью обеспечить ученых необходимыми материалами. Возможность полевых исследований, ставших особенно актуальными с развитием антропологических методов исследования, заметно потеснивших прежний «текстовый подход» даже в истории, была практически нулевой. Историки, в большинстве случаев, не смогли преодолеть один из весьма негативных стереотипов прошлого, согласно которому для изучения древности и раннего средневековья было необходимо знать санскрит, пали, для Юга – тамильский, для «высокого средневековья» – фарси, для колониальной и постколониальной истории достаточно английского. Такое представление, давно отвергнутое мировой наукой, выводило за рамки научного анализа колоссальные пласты источников на местных языках и, не-

¹⁹ См. подробнее: Алаев Л. Б. Указ. соч. С. 166–170.

сомненно, сказывалось на качестве исследований, особенно исторических.

В таких условиях отечественные индологи обращались к иностранным авторам, прежде всего, за недоступными в СССР материалами, воспринимая и их выводы, причем не всегда критически: причиной во многих случаях было все то же невладение источниками, не позволявшее выработать собственный подход. Поэтому медиевистика (прежде всего, исследования так называемого «мусульманского периода») часто следовала за Алигархской школой, почти целиком разделяя ее социально-экономическую ограниченность и специфически понимаемый марксизм²⁰, изучение истории колониальной и независимой Индии – за индийскими и западными авторами, причем также преимущественно марксистскими (или такими, чей немарксизм можно было замаскировать и избежать обвинений в недостаточной идеологической чистоте). После крушения СССР некоторые наши индологи, как и их коллеги-гуманитарии других специальностей, быстро отреклись от прежних кумиров и «открыли» для себя новых – в ряде случаев уже отвергнутых или раскритикованных «там».

«Падение железного занавеса», вопреки ожиданиям, не сократило, а увеличило наметившийся ранее разрыв между отечественной и зарубежной наукой об Индии. Наряду с другими отраслями гуманитарного знания, российская индология, обескровленная уходом из жизни многих крупных ученых и отсутствием молодой смены, предпочитавшей более доходные занятия, тратила свои слабеющие силы не на решение научных проблем, а на элементарное выживание и противостояние многочислен-

²⁰ Алигархская школа исторических исследований возникла на кафедре истории Алигархского мусульманского университета. Ее основатели, Мухаммад Хабиб и его сын Ирфан, «реабилитировали» так называемый «мусульманский период» истории Индии, прежде рассматривавшийся ориенталистами в качестве «темных веков упадка». Основной тематикой алигархских историков стали экономическая (прежде всего – аграрная) история Делийского султаната и Могольской империи, социальные отношения, административно-политическая структура государств. Находясь под сильным воздействием марксизма, часто весьма специфически понимаемого, исследователи значительно преувеличивали роль социально-экономического устройства в развитии доколониальных обществ, выставляя его решающим фактором даже идеологических и культурных процессов. В настоящее время многие алигархские историки критически пересмотрели такой подход.

ным «оптимизациям» и «реформам». Идеологические запреты пали, но в обнищавшие библиотеки перестали поступать журналы и книги – включая те, которые исправно приходили даже во время войны (лишь во второй половине 2000-х гг. возможность читать научные журналы и многие книги онлайн стала подлинным спасением). Научные командировки, участие в международных конференциях, общение с зарубежными коллегами оказались для многих финансово недостижимыми. В таких условиях лишь некоторые специалисты продолжали, не «благодаря», но «вопреки», участвовать в международной научной жизни, издавать статьи и книги, получавшие признание как в России, так и за ее пределами. Тем временем зарубежная индология, особенно на Западе, активно осваивала новые источники и методологии, преодолевала негативные стороны ориенталистского наследия. Чтобы хоть в какой-то мере преодолеть разрыв и вписать российских ученых в мировую индологию, в Центре индийских исследований был задуман и осуществляется проект «Под небом Южной Азии» (инициатор и руководитель И. П. Глушкова), каждый том которого (в настоящее время их выпущено четыре)²¹ осваивает тот или иной методологический «поворот», активно разрабатываемый в мире, но прежде почти неизвестный в России.

В этом сборнике читателю представлены приуроченные к 200-летию Института востоковедения РАН размышления об истории, проблематике и персоналиях отечественной науки, изучающей историю и современность Индии. Думы о прошлом неизбежно сопровождаются мыслями о будущем. Для отечественной индологии, вернее – для небольшой группы тех, кто сохранил ей верность, представляется в равной степени тупиковым как «замыкание» в своей среде вне общения с иностранными коллегами и осмысления их опыта, так и безостановочное следование научным «модам» и «поворотам», которые нередко успевают устареть прежде, чем мы их освоим. Вопрос, сможет ли российская индология выжить и, что еще важнее, вновь обрести собственное лицо, сохраняет свою актуальность.

²¹ Подробнее о проекте: <http://www.ivran.ru/pnuu>.

РЕЗЮМЕ

Настоящий выпуск Трудов ИВ РАН подготовлен по материалам конференции Центра индийских исследований «Российская индология и индийская современность» в рамках исследовательского проекта «Индия: перспективы современного развития» и посвящен 200-летию Института востоковедения РАН. Эта дата дала нам повод оглянуться назад, обратиться к историографии, вспомнить ушедших индологов.

Сборник открывается романтическими воспоминаниями В. П. Кашина о первой книге по истории Индии в его жизни, которая определила его дальнейшую судьбу, а потом все статьи разделены на две части: проблемы историографии Индии и портреты индологов. В первой части разнообразие тем, от изучения общины и аграрных отношений до изучения современных литератур Индии и истории колонизации Андаманских островов, демонстрирует разносторонность индологии. Вторая часть содержит описание становления и начала трудовой деятельности одного из основателей советской индологии А. М. Дьякова, анализ вклада В. Ф. Агеева, исследователя из Калуги, в изучение новейшей истории Синда, а также портрет Дж. К. Михайлова, музыковеда и композитора, стоявшего у истоков отечественной музыкальной индологии. Сборник завершают статьи о былом сотрудничестве между индологами Москвы и Ташкента и высказывается надежда на его возрождение, а также размышления об изучении в России истории Индии в прошлом и настоящем. Авторы статей – индологи из различных научных и учебных заведений Москвы, Липецка, Саратова и Ташкента.

SUMMARY

The Proceedings of the conference held by the Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, named “Russian Indology and Modern Times India” have been published as part of the project “India: Prospects of Contemporary Evolution” dedicated to the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies. The anniversary provided the ground for looking back, turning to historiography and remembering the deceased indologists.

The book opens with Dr Kashin’s romantic reminiscences about the first book on Indian Studies he came across, which outlined his further life. The articles can be divided into two parts: the articles dedicated to certain issues of Indian Studies, including the research of community and agrarian policies, the studies of contemporary literatures of India and the history of Andaman islands colonization. The second part contains the portraits of the researchers. Here one can find a portrait of G. K. Mikhailov, a music expert and composer, one of the founders of musical indology. One of the first Russian indologists A. M. Dyakov is the hero of the second article describing his early days and the beginning of his professional career. The author of the third article speculates over the contribution of Kaluga researcher V. F. Ageev into the study of contemporary Sind history. The volume ends with the article about cooperation between Moscow and Tashkent indologists expressing the hope for its revival. The book illustrates different facets of Indian Studies in Russia, the past and present. The authors of the articles are working in different educational and scientific institutions of Moscow, Lipetsk, Saratov and Tashkent.

СПИСОК АВТОРОВ

Кашин В. П. – ЦИИ ИВ РАН

Алаев Л. Б. – Отдел истории Востока ИВ РАН

Белокреницкий В. Я. – Отдел изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН

Черешнева Л. А. – Липецкий гос. пед. университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

Юрлов Ф. Н. – ЦИИ ИВ РАН

Стрелкова Г. В. – кафедра индийской филологии ИСАА МГУ

Иванов А. В. – Учебно-Научный центр Социальной Антропологии РГГУ

Юрлова Е. С. – ЦИИ ИВ РАН

Карташова Т. В. – кафедра теории музыки и композиции Саратовской гос. консерватории им. Л. В. Собинова

Худоназаров Д. Н. – независимый исследователь

Титов В. П. – независимый исследователь

Халмирзаев Т. – кафедра индийской филологии Ташкентского гос. института востоковедения

Ванина Е. Ю. – ЦИИ ИВ РАН

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 24

Индия: история и историография

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка – Н. В. Макеева

Подписано 21.05.2019
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 12,0.
Тираж 500 экз. Зак. № 385

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5